МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Н.А. ДОБРОЛЮБОВА»

СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКИЙ КАБИНЕТ ПРИ НГЛУ

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

МИТРОПОЛИЯ НИЖЕГОРОДСКАЯ И АРЗАМАССКАЯ

АЛЬМАНАХ

СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКОГО КАБИНЕТА ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

“Thesaurus scientiarum et virtutum:
Сокровищница знаний и добродетелей”

ВЫПУСК 5

Нижний Новгород
2013

Печатается по решению редакционно-издательского совета ФГБОУ ВПО «НГЛУ»

УДК [373.51:(811.124+811.14’02)]+908 (470.341)
ББК 80.4+81.45
А 571

Альманах Славяно-греко-латинского кабинета Приволжского федерального округа. «Thesaurus scientiarum et virtutum: Сокровищница знаний и добродетелей**».** Выпуск 5. - Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2013. – 221 с.

ISBN 978-5-85839-240-8

Предлагаемый вниманию читателей 5-й выпуск Альманаха Славяно-греко-латинского кабинета Приволжского федерального округа содержит информацию о работе курсов повышения квалификации учителей православных гимназий, а также отражает учебную, научно-методическую, научную и просветительскую работу Славяно-греко-латинского кабинета при НГЛУ, раскрывающую содержание классического гимназического образования.

Редакционная коллегия:
Г.П. Рябов, президент НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, профессор, руководитель СГЛК ПФО РФ (ответственный редактор); О.Ю. Бараева, канд.пед.наук., советник Главы Нижегородской митрополии; протоиерей Евгений Худин, руководитель отдела образования и катехизации Нижегородской митрополии; В.М. Строгецкий, зам. руководителя СГЛК, докт.ист.наук, профессор; Л.П. Клименко, докт.филол.наук, профессор ННГУ им. Н.И.Лобачевского; Е.В. Соболева, доцент; М.П. Самойлова, к.и.н., доцент, зав. кафедрой культурологии, истории и древних языков НГЛУ (ответственный секретарь).

ISBN 978-5-85839-240-8

© ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2013

В НОМЕРЕ:

ОТ РЕДАКТОРА 5

МЕНЕДЖМЕНТ В ОБРАЗОВАНИИ

ЛУШИНА О.В. Основные аспекты образовательной программы православной гимназии 7

ЛУШИНА О.В. АНДРИАНОВА О.А. Программа духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся НОУРО «Православная гимназия г. Дзержинска»: «Мастерская духовно-нравственной культуры» 13

ТИМОФЕЕВА О.В. Ценности в духовных традициях 26

СТРОГЕЦКИЙ В.М. Судьбы отечественной системы образования, ее реформы и борьба реализма и классицизма 34

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ДРЕВНИХ И СОВРЕМЕННЫХ ЯЗЫКОВ И ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ЦИКЛА

СТРОГЕЦКИЙ В.М., СОБОЛЕВА Е.В. Программа курса повышения квалификации по латинскому, древнегреческому языкам и их связь с современными русским и европейскими языками для учителей православных гимназий 42

АКИМОВ С.С. Курсы «Введение в научное изучение искусства» и «Научные методы изучения искусства» в системе подготовки будущих искусствоведов 51

БРАГОВА А.М. Разнообразие упражнений на занятиях по латинскому языку в православной гимназии как фактор повышения эффективности обучения 60

МАЛЫШЕВА Е.А. Интеллектуальные игры с учащимися 6-8 классов православной гимназии 64

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

СУРИКОВ И.Е. Некоторые общие соображения об античном пути развития 78

СТРОГЕЦКИЙ В.М. Культурология и проблемы кризиса нравственной экологии культуры 88

ГВОЗДЕВА Т.Б. Агон рапсодов на Великих Панафинеях 98

АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ И ИСКУССТВО

НИКИШИН В.О., ГВОЗДЕВА И.А. Памяти Василия Ивановича Кузищина 105

ХОРОРОШЕВА А.В. Данилевский Н.Я. и его время 111

САМОЙЛОВА М.П. Критерии освоения античного наследия русской книжностью в условиях перехода к новому времени 127

РИМСКОЕ ПРАВО

ГВОЗДЕВА И.А., ГВОЗДЕВА Т.Б. Земельное право в составе Ius Civile Древнего Рима 140

ДРЕВНЕРУССКАЯ ИСТОРИЯ
ГВОЗДЕВА И.А., НИКИШИН В.О. Монархия или диархия: феномен разделения самодержавной власти 149
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОСЛАВНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ
ПЕШКОВ А.А. Вопрос о взаимоотношении русской церкви и государства в русской православной мысли начала XX в. 164
ПЕРЕВОДЫ, АННОТАЦИИ, РЕЦЕНЗИИ:
МАЛИНАУСКЕНЕ Н.К. Обзор изданий: Сретенский сборник: Труды преподавателей СДС. Вып. 1, 2010; Вып. 2, 2010; Вып. 3, 2012. 169
ХОРИКИЙ ГАЗСКИЙ. Предварительные беседы (Вступления к речам) / Перевод Н.Н. Болгова, А.М. Болговой 174
СТРОГЕЦКИЙ В.М. Рецензия на книгу Фролова Э.Д. «Проблемы античной демократии» 184
ТВОРЧЕСТВО:
АЛЕКСАНДР СИНИЦЫН. Путь в Афины (*поэма о великом страннике*) 197
СУРИКОВ И.Е. Эллин и перс (стихотворный диалог). После купания в Херсоне (сонет) 208
КУРБАКОВА Е.В. Мой путь в Дивеево (эссе) 211
ПЕРСОНАЛИИ:
РЯБОВ Г.П. Митрополит Нижегородский и Арзамасский ГЕОРГИЙ 218

Славяно-греко-латинскому кабинету - 5 лет

Очередной пятый выпуск Альманаха посвящается пятилетнему юбилею работы Славяно-греко-латинского кабинета ПФО РФ при кафедре культурологии, истории и древних языков Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А. Добролюбова.

СГЛК ПФО РФ был открыт в 2007 году по благословению Архиепископа, а ныне Митрополита Нижегородского и Арзамасского Георгия и при поддержке в то время Полномочного Представителя Президента РФ в Приволжском Федеральном Округе Александра Владимировича Коновалова, ныне Министра юстиции РФ. Целью Славяно-греко-латинского кабинета является подготовка и повышение квалификации учителей православных гимназий по языковым дисциплинам и предметам гуманитарного и духовно-нравственного цикла.

СГЛК ПФО РФ работает в тесном сотрудничестве с учителями, руководителями православных гимназий и Отделом образования и катехизации Нижегородской и Арзамасской Митрополии.

Специалисты СГЛК по учебно-методической работе подготовили программы курсов повышения квалификации по указанным дисциплинам. В течение пятилетнего периода работы СГЛК было проведено пять туров повышения квалификации: более 50 учителей православных гимназий получили свидетельства об успешном окончании курсов повышения квалификации по церковно-славянскому, древнегреческому, латинскому, русскому, английскому языкам и по основам православной веры.

Славяно-греко-латинский кабинет осуществил целый ряд изданий научной, учебной и учебно-методической литературы. Изданы учебник по церковно-славянскому языку для 5-7 классов православных гимназий, автор доц., к. фил. н. Т.Д. Маркова; рабочие тетради для учащихся православных гимназий по основам православной культуры, автор профессор Викулина М.А.; рабочие тетради по латинскому, древнегреческому, церковно-славянскому и русскому языкам, авторы доцент Соболева Е.В., доцент Самойлова М.П., доцент Маркова Т.Д., преподаватель Блинова Е.О.; а также рабочие тетради по основам православной веры, автор учитель автозаводской православной гимназии Нижнего Новгорода Корягина М.Н.

Вышли в свет четыре выпуска Альманаха СГЛК *“Thesaurus scientiarum et virtutum: Сокровищница знаний и добродетелей”*.

Постоянные разделы Альманаха посвящены реализации в современных условиях основополагающих идей православного классического образования в широком смысле этого слова, вопросам менеджмента в образовании, методике преподавания языковых дисциплин и предметов духовного цикла.

В выпусках Альманаха находят отражение также вопросы классической филологии: публикуются статьи филологического, историко-культурного содержания, материалы по античной и древнерусской истории, философии, искусству и римскому праву.

Специальный раздел Альманаха посвящается проблеме православного исторического сознания в отечественной истории и культуре. Публикуются переводы, аннотации, рецензии. Каждый выпуск Альманаха включает раздел, посвященный творчеству наших читателей.

И наиболее важным достоинством Альманаха является то, что в нем активное участие принимают учителя и руководители православных гимназий.

Пятый выпуск Альманаха, который вы держите в руках, продолжает реализацию задач, определенных при создании Славяно-греко-латинского кабинета ПФО РФ.

Раздел «Персоналии» пятого выпуска мы посвятили Его Высокопреосвященству **Митрополиту Нижегородскому и Арзамасскому ГЕОРГИЮ,** который вместе с нами в этом году отмечает десятилетний юбилей архиерейской хиротонии и архипастырских трудов на Нижегородской земле на благо Православной церкви и России.

Геннадий Рябов

Лушина О.В.
Директор НОУРО «Православная гимназия г. Дзержинска»

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ ПРАВОСЛАВНОЙ ГИМНАЗИИ

В настоящее время православным образовательным учреждением может являться только то учреждение, которое имеет конфессиональное представление (осуществляет Православный Образовательный Стандарт), выданное Синодальным Отделом Русской Православной Церкви и благословлено к ведению своей образовательной деятельности Патриархом Всея России Кириллом.

Но, являясь учреждением **общеобразовательным,** оно руководствуется также нормативно-правовыми документами, каковыми для такого типа учреждений являются Федеральные, то есть государственные законы, такие так закон «Об образовании», Федеральные Государственные Образовательные Стандарты и другие законодательные акты и приказы Министерства Образования РФ.

Православная гимназия призвана:

- *разработать и внедрить содержание православного образования (учебные программы, учебные предметы и учебные задачи), позволяющие личности овладеть основами православных традиций русской культуры и христианского благочестия народа;*

разработать новые формы организации учебно-воспитательной работы, соответствующие данному содержанию образованию;

- *создать такое учебное учреждение - гимназию, которая сможет обеспечить наиболее благоприятные условия для развития и воспитания в православии личности и освоить это содержание образования.*

Учебный процесс гимназии построен таким образом, что позволяет выполнить все требования государственного базисного учебного плана.

Гимназический компонент учебного плана и предметы дополнительного образования дают возможность познакомить учащихся со следующими направлениями Православной культуры, а именно: - Закон Божий; Священное Писание Ветхого и Нового Завета; Катехизис; История Церкви; начала Литургики; Церковное Искусство - все эти дисциплины являются образовательными модулями предмета «Основы православной веры», который введен в образовательную систему гимназии с 1 по 11 класс. Кроме этого предмета, основными дисциплинами православной гимназии являются также «

Церковно-славянский язык», Латинский язык», «Древнегреческий язык», Церковное пение», «Изобразительное искусство и иконопись».

Высшая цель, которую ставит педагогический коллектив гимназии в своей деятельности – научить детей жить по заповедям Божиим, в мире с собой, с товарищами, близкими и с окружающей средой, укрепить их духовность через формирование интереса к православию, любовь и уважение к Отечеству, народу, своей культуре, к святыням.

Главная задача православного воспитания – передать детям веру и благочестие русского народа, готовить их к жизни земной и жизни вечной. Решая эту задачу, мы отдаём себе отчет в огромной ответственности, налагаемой пониманием того, что в основе христианского воспитания заложено воспитание доброты и стремление *«узреть образ Божий в человеке».* По мысли профессора В.Зеньковского, воспитание доброты не ограничено законами материальной жизни и в конечном смысле ставит проблему спасения души.

Воспитание детей в Православной Вере в рамках христианской нравственной традиции педагогическим коллективом гимназии осуществляется через:

- формирование высокоразвитой разносторонней личности, обладающей наследием Православной Церкви и богатой сокровищницей культуры русского народа;

- передачу знаний учащимся Гимназии о многообразном, чудесном, удивительном и в тоже время строгом и нравственно возвышенном мире Православия;
- воспитание православного Гражданина культурным, высокообразованным семьянином и тружеником.

Взяв за основу высказывания Патриарха Всея России Кирилла о том, что *«…у Церкви нет иной цели во взаимоотношениях с миром, с человеком, с окружающей средой, с космосом, кроме цели спасения …»педагоги, родители и благочиние в целом выстраивают единый процесс воспитания и обучения гимназистов в Православии в соответствии с этой сотереологической целью (с греч. «сотер» – спаситель). При этом « … цель религиозного образования видится в формировании жизненного стандарта, определенной системы ценностей, которые определяют поведение человека в различных обстоятельствах и делают насущной для него христианскую мотивацию поступков и решений.*

Через религиозное образование к православному образу жизни – такова должна быть стратегия современной православной педагогики. … Но, утверждая эту вечную перспективу, настаивая на факте вечной жизни человеческого духа и связывая спасение с этой вечной жизнью человеческого духа,

Церковь ясно утверждает следующее: что начинается спасение здесь, на Земле, в условиях исторической реальности».

Эти мысли Владыки, легли в основу Концепции воспитания и обучения в нашей гимназии и определяют в повседневной педагогической практике направления педагогической деятельности, через: духовно-нравственное, интеллектуальное, эстетическое, социальное, трудовое, физическое развитие и воспитание характера.

Перечисленные концептуальные направления педагогической деятельности позволили нам определить основополагающие принципы, цели и задачи образовательной деятельности гимназии:

образовательные задачи непосредственно связаны с воспитательными – *воспитание детей в православной вере;*

- духовные традиции Православия основаны на неразрывном единстве с православной культурой. Освоение православной культуры – духовной, эстетической, социально-исторической, бытовой – определяет специфику *гуманитарного направления образования.* Только опираясь на знание истории и усвоения традиций православной культуры, мы можем надеяться на ее восстановление и продолжение;

- *содержательное единство* подхода к изучению данных дисциплин определяется христианским учением о происхождении мира, промыслительном характере истории и предназначения человека. Учебно-методическое и дидактическое единство подхода к изучению гуманитарных дисциплин определяется следующими принципами:

- *фундаментальное историческое изучение дисциплин с последовательным расширением и углублением материала;*
- *ориентация на понимание целостности природы познания: развитие различных его форм – эстетическое, научное, практическое;*
- *интеграция гуманитарных курсов.*

Основой православного гуманитарного образования является подготовка сознательных, образованных, активных, творческих, воцерковленных людей, обладающих широким культурным кругозором. Объединение образовательных, воспитательных и развивающих возможностей учебного процесса позволяет разносторонне и целостно подходить к развитию учащихся. Особая роль в учебном процессе отводится изучению Закона Божия и предметам вероучительного цикла. В тесной взаимосвязи с этими предметами находятся уроки овладения навыками церковного пения и чтения на церковнославянском языке. Духовному воспитанию служат и участие в делах благотворительности и милосердия, паломничества по святым местам. Культурно обогащают детей экскурсионные поездки.

Осознавая самоценность гимназического образования, наша православная гимназия ориентирована на приготовление учащихся к дальнейшему обучению, как в светских, так и в духовных учебных заведениях. «Школа есть посредник, который передает новым поколениям нравственные ценности, накопленные прежними веками. В этом деле школа и Церковь призваны к сотрудничеству. Церковь стремится содействовать школе в ее воспитательной миссии, ибо от духовного и нравственного облика человека зависит его вечное спасение, а также будущее отдельных наций и всего человеческого рода» - эта мысль митрополита Нижегородского и Арзамасского ГЕОРГИЯ является основой педагогической деятельности учителей и воспитателей в православной гимназии города Дзержинска.

Лушина О.В.
Директор НОУРО «Православная гимназия г. Дзержинска»
Андрианова О.А.
Зам. дир. по воспитательной работе НОУРО «Православная гимназия г. Дзержинска»

ПРОГРАММА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ВОСПИТАНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ НОУРО «ПРАВОСЛАВНАЯ ГИМНАЗИЯ Г. ДЗЕРЖИНСКА»: МАСТЕРСКАЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

1. Введение

Программа духовно-нравственного воспитания и развития обучающихся гимназистов разработана в соответствии с требованиями Закона «Об образовании», Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования, Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования, на основании Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России и опыта реализации воспитательной работы гимназии.

На современном этапе развития общества и человека изменяется, прежде всего, представление о самом человеке как носителе духовности, его возможностях, интересах, потребностях. Рождается новый тип человека: свободного, самодостаточного, творчески мыслящего и ориентированного, открытого, гуманного, способного к социокультурной интеграции. По-прежнему образовательное учреждение для ребенка является той адаптивной средой, духовно-нравственная атмосфера которой и обусловит его ценностные ориентации. Именно поэтому, решая задачи воспитания, образовательное учреждение должно опереться на разумное и духовно-нравственное в человеке, помочь каждому воспитаннику определить ценностные основы собственной жизнедеятельности, обрести чувство ответственности за сохранение духовно-нравственных основ общества.

Программа духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся православной гимназии ориентируется на православную педагогическую традицию и направлена на воспитание в каждом ученике гражданина и патриота, на раскрытие способностей и талантов обучающихся, подготовку их к жизни в высокотехнологичном конкурентном мире. Следует отметить, что духовно-нравственное воспитание на основе православных традиций благотворно влияет на все стороны взаимоотношений человека с миром, на его этическое и эстетическое развитие, мировоззрение, формирование гражданской позиции, патриотическую и семейную ориентацию, эмоциональное состояние и общее физическое и психологическое развитие.

Программа духовно-нравственного развития и воспитания гимназии разработана с учётом православных ценностей и традиций и направлена на создание условий для формирования достойной жизненной перспективы для

каждого ребенка, его образования, воспитания и социализации, максимально возможной самореализации в социально позитивных видах деятельности.

Программа реализуется образовательным учреждением в постоянном взаимодействии и тесном сотрудничестве с семьями учащихся, с другими субъектами социализации – социальными партнерами школы. Развитие социального партнерства с учреждениями дополнительного образования, общественными организациями, учреждениями досуговой направленности и т. д. создает условия для построения широкого образовательного и духовно-нравственного пространства через реализацию совместных образовательных и воспитательных программ и проектов.

Программа духовно-нравственного развития и воспитания носит название «Мастерская духовно-нравственной культуры» (5-9 классы; расширение и углубление представлений о православной культуре, закрепление православного стиля мышления, подготовка к духовно-нравственному и творческому подходу к жизни).

2. Нормативно-правовая и документальная основа программы

1. Закон Российской Федерации «Об образовании».
2. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. – М.: Просвещение, 2009.
3. Концепция Федеральной целевой Программы развития образования на 2011-2015 годы от 28 февраля 2011 года.
4. Концепция гражданского образования в Нижегородской области на 2009-2013 гг. (от 03.11.2009 №680)// НИРО, 2009.
5. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования от 6 октября 2009 г. № 373.
6. Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. Начальная школа / [сост.Е. С. Савинов]. – М.: Просвещение, 2010. – 191с.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования от 17 декабря 2010 г. № 1897.
8. Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 №223-ФЗ.
9. Устав Нижегородской Епархии Русской Православной Церкви (Московского Патриархата).
10. Устав Гимназии.

3. Цель и задачи духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся

Духовно-нравственное воспитание – это педагогически организованный процесс, в котором учащимся передаются духовно-нравственные нормы жизни, создаются условия для усвоения и принятия обучающимися базовых национальных ценностей, для освоения системы общечеловеческих, культурных, духовных и нравственных ценностей многонационального народа Российской Федерации.

Духовно-нравственное развитие детей осуществляется в процессе социализации, последовательного расширения и укрепления ценностно-

смысловой сферы личности, формирования способности человека оценивать и сознательно выстраивать на основе традиционных моральных норм и нравственных идеалов отношения к себе, другим людям, обществу, государству, Отечеству, миру в целом.

Цель программы духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся: обеспечить системный подход к созданию условий для становления и развития высоконравственного, ответственного, творческого, инициативного, компетентного гражданина России с христианским мировоззрением, укоренённого в православной и культурной традиции России.

Задачи программы духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся:

В области формирования личностной культуры:

- принятие обучающимся христианских ценностей, православных, базовых культурных и национальных ценностей и традиций;
- формирование у воспитанников осознанной необходимости в определённом поведении, обусловленном нормами христианского мировоззрения;
- формирование у ребенка объективной нравственной самооценки и нравственного самосознания, укрепление жизненного оптимизма;
- формирование у ребенка внутренней саморегуляции и ответственности за свои слова, свои поступки, дела;
- формирование у ребенка осознания нравственного смысла учения;
- формирование эстетических потребностей, ценностей и чувств;
- развитие трудолюбия, способности к преодолению трудностей, целеустремлённости и настойчивости в достижении результата.

В области формирования социальной культуры:

- формирование основ российской гражданской идентичности;
- пробуждение чувства личной ответственности за Россию, любви к своему Отечеству, своему народу;
- воспитание ценностного отношения к своему национальному языку и культуре;
- формирование патриотизма и гражданской солидарности;
- развитие навыков организации и осуществления сотрудничества с педагогами, сверстниками, родителями, старшими детьми в решении общих проблем;
- формирование навыков христианского благочестия и добродетельной жизни.

В области формирования семейной культуры:

- формирование осознанного позитивного отношения к семейным ценностям, семье как к малой церкви и основе российского общества;
- формирование у обучающегося уважительного отношения к родителям, осознанного, заботливого отношения к старшим и младшим, согласно заповеди «Почитай отца своего и мать свою, чтобы продлились дни твои на земле».

В области формирования культуры безопасного и здорового образа жизни:

- формирование ценностного отношения к своему здоровью и здоровью других людей как к дару Божию;
- формирование понимания, осознанного отношения, потребности в соблюдении норм здорового образа жизни, правил личной гигиены и негативного отношения к вредным привычкам;

- формирование представления об особенностях физического развития своего организма.

4. Ценностные установки духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся

Соответственно традиционным источникам нравственности на второй ступени обучения у обучающихся определяются базовые национальные ценности, каждая из которых раскрывается в системе нравственных ценностей (представлений):

патриотизм – любовь к России, к своему народу, к своей малой родине, служение Отечеству;

социальная солидарность – свобода личная и национальная, доверие к людям, институтам государства и гражданского общества, справедливость, милосердие, честь, достоинство; гражданственность – служение Отечеству, правовое государство, гражданское общество, закон и правопорядок, поликультурный мир, свобода совести и вероисповедания;

православная вера – вера в Господа Бога Иисуса Христа, милосердие, сострадание, жертвенность, любовь к ближнему, традиции православной церкви;

семья – любовь и верность, здоровье, достаток, уважение к родителям, забота о старших и младших, забота о продолжении рода;

труд и творчество – уважение к труду, творчество и созидание, целеустремлённость и настойчивость;

наука – ценность знания, стремление к истине, к познанию научной картины мира;

традиционные российские религии – представления о вере, духовности, религиозной жизни человека, ценности религиозного мировоззрения, толерантности, формируемые на основе межконфессионального диалога;

искусство и литература – красота, гармония, духовный мир человека, нравственный выбор, смысл жизни, эстетическое развитие, этическое развитие;

природа – эволюция, родная земля, заповедная природа, планета Земля, экологическое сознание;

человечество – мир во всём мире, многообразие культур и народов, прогресс человечества, международное сотрудничество.

Базовые национальные ценности лежат в основе целостного пространства духовно-нравственного развития и воспитания школьников, т. е. уклада школьной жизни, определяющего урочную, внеурочную и внешкольную деятельность обучающихся.

Важно, чтобы гимназисты получали представление обо всей системе базовых ценностей, могли видеть, понимать и принимать духовно-нравственную культуру российского общества во всём её социокультурном многообразии и национальном единстве.

5. Портрет выпускника основной школы НОУРО «Православной гимназии имени Серафима Саровского г. Дзержинска»

Выпускник основной школы – это человек:

верующий в Бога, милосердный, сострадательный, любящий ближних;

любящий родной край и свою Родину;

уважающий и принимающий православные ценности

уважающий и принимающий ценности семьи и общества;

готовый самостоятельно действовать и отвечать за свои поступки перед семьей и гимназией;

обладающий основами коммуникативной культуры (умеет слушать и слышать собеседника, высказывать свое мнение);

владеющий основами умения учиться, способный к организации собственной деятельности;

активно познающий мир, владеющий основами самостоятельного творческого мышления;

владеющий опытом мотивированного участия в конкурсах и проектах регионального и международных уровней;

трудолюбивый, способный к преодолению трудностей, настойчивый в достижении результата;

доброжелательный, умеющий слушать и слышать партнера, умеющий высказывать свое мнение;

выполняющий правила здорового и безопасного образа жизни для себя и окружающих.

6. Основные направления духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся

Духовно-нравственное развитие и воспитание учащихся строится на основании базовых национальных ценностей по следующим направлениям:

Воспитание гражданственности, патриотизма, уважения к правам, свободам и обязанностям человека.

Ценности: любовь к России, своему народу, своему краю, служение Отечеству; уважение к закону и правопорядку, свободе личной и национальной; доверие и уважение к людям, институтам государства и гражданского общества.

Воспитание нравственных чувств и этического сознания.

Ценности: нравственный выбор; жизнь и смысл жизни; ответственность и чувство долга; милосердие; целомудрие; терпение; послушание; забота и помощь, мораль, честность, забота о старших и младших; представление о православной вере, духовной культуре и светской этике, благоговейное отношение к святыням Русской Православной Церкви.

Воспитание трудолюбия, творческого отношения к учению, труду, жизни.

Ценности: целеустремлённость и настойчивость, творчество; стремление к познанию; настойчивость, бережливость, трудолюбие.

Формирование ценностного отношения к здоровью и здоровому образу жизни.

Ценности: здоровье как дар Божий, здоровье физическое и здоровье нравственное, психологическое, забота о поддержании своего здоровья.

Воспитание ценностного отношения к природе, окружающей среде (экологическое воспитание).

Ценности: родная земля; планета Земля; заповедная природа; ответственность за окружающую среду.

Воспитание ценностного отношения к прекрасному, формирование представлений об эстетических идеалах и ценностях (эстетическое воспитание).

Ценности: дар слова; красота; гармония; духовный мир человека; красота и внутренний смысл Богослужения; самовыражение в творчестве.

Все направления духовно-нравственного развития и воспитания дополняют друг друга и обеспечивают развитие личности на основе отечественных нравственных, православных и культурных традиций.

7. Содержание духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся на ступени основного общего образования

Основные принципы уклада гимназической жизни

Категория «уклад школьной жизни» является базовой для организации пространства духовно-нравственного развития обучающегося.

Уклад гимназии рассматривается нами как пространство воспитания, в котором все участники объединены общими ценностями.

Уклад жизни гимназии организуется педагогическим коллективом школы при активном и согласованном участии Церкви и семьи, и определяется следующими принципами:

Принцип традиционности. Основанием уклада гимназии являются православные традиции, которые позволяют создавать неординарное пространство для духовно-нравственного развития.

Принцип соборности. Становление человека происходит в пространстве совместно-распределенной деятельности, в пространстве событийной общности. Формированию сообщностей способствует организация совместной деятельности.

Принцип ориентации на идеал. Образ выпускника начальной школы предстаёт идеалом воспитания в духе православных национальных ценностей.

Аксиологический принцип. Православные и общечеловеческие ценности определяют основное содержание духовно-нравственного развития и воспитания личности школьника в гимназии.

Принцип следования нравственному примеру. В нашем понимании наиболее ярким нравственным примером являются примеры жития святых, жертвенная любовь к ближним. В примерах жития демонстрируется устремлённость людей к вершинам духа, персонифицируется, наполняется конкретным жизненным содержанием национальный воспитательный идеал.

Принцип идентификации (персонификации). Наиболее значимыми персонифицированными идеалами для нас являются святые Русской Православной Церкви.

Принцип диалогического общения. Общение в гимназии строится на диалогической основе. Для обучающегося очень важен диалог с духовником гимназии, который дает советы, духовные наставления, помогает преодолеть трудности. Большую роль в воспитании играет диалог, организуемый учителем на уроке, через создание психолого-педагогических ситуаций. Он помогает приобрести детям опыт построения собственного мировоззрения. В диалоге со

сверстниками школьники учатся слушать и слышать друг друга, достигать взаимопонимания, приходить к договору и взаимному уважению.

Принцип системно-деятельностной организации воспитания. Интеграция содержания различных видов деятельности обучающихся осуществляется в гимназии на основе базовых национальных и христианских ценностей.

Учебный год в гимназии выстроен в соответствие с церковным годовым циклом (кругом). Круг имеет в своей основе естественные природные ритмы смены времен года, которые влекут смену форм человеческого поведения, его отношений с внешним миром. Стержнем же является православное вероучение. Год представляет собой систему христианских событий, включающую в себя праздники и трудовые будни, в их четком последовательном взаимодействии. Выделяются периоды покаяния (посты) как время глубокой внутренней работы и периоды праздников, как дней радости, духовного просветления. Чередование труда и отдыха позволяет человеку понять смысл, усвоить и выполнить жизненные правила, выработать привычки к личной физической и духовной гигиене, расширить поле миропонимания и исключить произвол. Проживание этих правил упорядочивает жизнь людей, дает незыблемые ориентиры.

В православной гимназии каждый день начинается с общей молитвы в храме. Молитва – это общение с Богом. С 2008 года по благословлению Архиепископа Нижегородского и Арзамасского Георгия в домовом храме гимназии проходят учебные литургии, во время которых гимназистам поручают все церковные послушания, которые могут выполнять миряне в храмах.

Ученики гимназии принимают активное участие в жизни храма: помогают в алтаре, поют на клиросе, читают Апостол, Часы, Псалтирь, прислуживают у подсвечников. Еженедельно читается акафист Преподобному Серафиму Саровскому.

8. Условия реализации программы духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся на ступени основного общего образования

1. Организация подпространства гимназии:

тематически оформленные рекреации, используемые в воспитательном процессе,

наличие специально оборудованного актового зала для проведения школьных праздников, культурных событий, социальных проектов;

тематически оформленный кабинет «Основ православной культуры», позволяющий учащимся изучать символы российской государственности и символы родного края; общенациональные, муниципальные и школьные праздники; историю, культурные традиции, достижения учащихся и педагогов школы; связи школы с социальными партнерами; осваивать православную культуру; эстетические ценности красоты, гармонии, совершенства в архитектурном и предметном пространстве школы; ценности здорового образа жизни, осваивать культуру общения и взаимодействия с другими учащимися и педагогами.

2. Реализация целевых воспитательных и авторских программ:

Целевая воспитательная программа по развитию интеллектуальной деятельности «Эрудит», которая предполагает организацию основ

исследовательской деятельности учащихся, подготовку и участие в международных конкурсах.

Авторская программа по церковному пению «Клиросный хор», которая реализуется как предмет Стандарта православного образования. Цель программы – формирование христианских добродетелей, посредством искусства церковного пения.

3. Использование возможностей дополнительного образования.

9. Взаимодействие с социальными субъектами

Для организации пространства согласовываются усилия субъектов воспитания: педагогического коллектива, семьи, организаций, расположенных на территории г. Дзержинска и Нижегородской области.

Общественные организации и учреждения	**Формы и содержание работы**
Управление образования г. Дзержинска	Учащиеся гимназии участвуют в предметных олимпиадах, районных конференция НОУ, муниципальных этапах Всероссийской олимпиады школьников, разнообразных конкурсах детского творчества.
Нижегородская митрополия (православные гимназии митрополии)	Межепархиальные конкурсы
Центр художественных ремесел г. Дзержинска»	Благотворительные акции, рождественские и пасхальные представления, совместные конкурсы
Детская школа искусств №5	План совместных мероприятий
Дом ветеранов г. Дзержинска	Благотворительные акции, рождественские и пасхальные представления
МБОУ СОШ №15 г. Дзержинска	План совместных мероприятий внутри православной гимназии
Фонд поддержки активного отдыха	План совместных мероприятий между православной гимназией и другими субъектами партнёрства

10. Совместная деятельность школы, семьи и общественности по духовно-нравственному развитию и воспитанию учащихся

Одной из педагогических задач разработки и реализации данной программы является организация эффективного взаимодействия школы и семьи в целях духовно-нравственного развития и воспитания учащихся.

Формы	**Содержание**
Общешкольные родительские собрания	Православный компонент в системе школьного образования и воспитания, нормативно-правовые документы о школе, основные направления работы, задачи, итоги работы

	техника безопасности в образовательном процессе, роль епархии в решении материальных вопросов гимназии, состояние санитарно-гигиениченского режима и др.
Формы	**Содержание**
Классные родительские собрания	Православные традиции и уклад школьной жизни, учебно-воспитательная работа класса, планирование воспитательной работы класса, определение путей сотрудничества семьи и школы, рассмотрение актуальных педагогических проблем, особенности организации учебного труда школьников, православные ценности семьи и их значение для ребенка, психолого-педагогические особенности школьников, режим дня школьника, демонстрация достигнутых ребенком успехов и др.
Лекции	«Православные традиции в воспитании детей», «Воспитание нравственного сознания и человечности», «Профилактика вредных привычек», «Поведение и нравственное сознание», «Подросток: кто он?!», «Взрослые и дети: педагогика понимания» и др.
Школа для родителей «Источник веры»	Беседы духовника гимназии, православных психологов и педагогов
Индивидуальные консультации педагогов и психолога	Текущая успеваемость, выполнение режима дня, вредные привычки, подготовка к итоговой аттестации
Посещения на дому	Обследование условий проживания учащегося, разрешение конфликтных ситуаций
Открытые уроки	Знакомство с классом, наблюдение за ребенком в процессе обучения
Конференции	Обсуждение насущных проблем проведение исследований и принятие решений
Круглые столы	Обмен опытом, обсуждение насущных вопросов, «мозговой штурм»
Психологические тренинги	Развитие навыков взаимодействия с детьми
Совместные мероприятия и праздники	«Серафимовские дни», «Рождество Христово», «Пасха Христова», «День именин гимназии», День матери, День Победы, День гимназиста, мероприятия, посвященные православным памятным датам; спортивные мероприятия, паломнические поездки и экскурсии
Участие в работе совета гимназии	Активизации деятельности родительских комитетов классных коллективов учащихся, проведения совместных школьных мероприятий, подготовка школы к очередному учебному году, оказание материальной помощи нуждающимся семьям, поддержание связей с государственными и общественными организациями

11. Ожидаемые результаты духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся

По каждому из заявленных направлений духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся на ступени основного общего образования планируется достижение следующих результатов:

Воспитание гражданственности, патриотизма, уважения к правам, свободам и обязанностям человека:

ценностное отношение к России, своему народу, своему краю, отечественному культурно-историческому наследию, государственной символике, законам Российской Федерации, русскому и родному языку, народным традициям, старшему поколению;

элементарные представления о России как государстве и социальной структуре российского общества, наиболее значимых страницах истории страны, о традициях и культурном достоянии своего края, о примерах исполнения гражданского и патриотического долга;

первоначальный опыт постижения ценностей гражданского общества, национальной истории и культуры;

опыт ролевого взаимодействия, социальной коммуникации;

начальные представления о правах и обязанностях человека, гражданина, семьянина, товарища.

Воспитание нравственных чувств и этического сознания:

начальные представления о моральных нормах и правилах нравственного поведения, закрепленных в заповедях Божих;

нравственно-этический опыт взаимодействия со сверстниками, старшими и младшими детьми, взрослыми в соответствии с общепринятыми нравственными нормами;

знакомство с историей Православной Церкви, с житиями святых, традициями православия; бережное отношение к ним;

опыт участия в богослужении, исповеди, опыт подготовки к причастию;

неравнодушное отношение к жизненным проблемам других людей, сочувствие к человеку, находящемуся в трудной ситуации;

способность эмоционально реагировать на негативные проявления в детском обществе и обществе в целом, анализировать нравственную сторону своих поступков и поступков других людей;

уважительное отношение к родителям (законным представителям), к старшим, заботливое отношение к младшим;

знание традиций своей семьи и образовательного учреждения, бережное отношение к ним.

Воспитание трудолюбия, творческого отношения к учению, труду, жизни:

ценностное отношение к труду и творчеству, человеку труда, трудовым достижениям России и человечества, трудолюбие;

ценностное и творческое отношение к учебному труду;

элементарные представления о различных профессиях;

первоначальные навыки трудового творческого сотрудничества со

сверстниками, старшими детьми и взрослыми;

осознание приоритета нравственных основ труда, творчества, создания нового;

первоначальный опыт участия в различных видах общественно полезной и личностно значимой деятельности;

потребности и начальные умения выражать себя в различных доступных и наиболее привлекательных для ребёнка видах творческой деятельности;

мотивация к самореализации в социальном творчестве, познавательной и практической, общественно полезной деятельности;

ценностное отношение к гимназическому и государственному имуществу как к результатам труда других людей;

приобретение первоначального опыта в подержании должного состояния обще гимназического и личного имущества (книг, мебели, игрушек и т.п.).

Формирование ценностного отношения к здоровью и здоровому образу жизни:

ценностное отношение к своему здоровью, здоровью близких и окружающих людей как дару Божию;

элементарные представления о взаимообусловленности физического, нравственного, социально-психологического здоровья человека, о важности морали и нравственности в сохранении здоровья человека;

первоначальный личный опыт здоровье сберегающей деятельности;

первоначальные представления о роли физической культуры и спорта для здоровья человека, его образования, труда и творчества;

знания о возможном негативном влиянии компьютерных игр, телевидения, рекламы на здоровье человека.

Воспитание ценностного отношения к природе, окружающей среде (экологическое воспитание):

ценностное отношение к природе и всем формам жизни как дару Божию;

первоначальный опыт эстетического, эмоционально-нравственного отношения к природе;

элементарные знания о традициях нравственно-этического отношения к природе в культуре народов России, нормах экологической этики;

первоначальный опыт участия в природоохранной деятельности в школе, на пришкольном участке, по месту жительства;

личный опыт участия в экологических инициативах, проектах.

Воспитание ценностного отношения к прекрасному, формирование представлений об эстетических идеалах и ценностях (эстетическое воспитание):

первоначальные умения видеть красоту в окружающем мире;

первоначальные умения видеть красоту в поведении, поступках людей;

элементарные представления об эстетических и художественных ценностях отечественной культуры;

первоначальный опыт эмоционального постижения народного творчества, этнокультурных традиций, фольклора народов России;

первоначальный опыт эстетических переживаний, наблюдений эстетических объектов в природе и социуме, эстетического отношения к окружающему миру и самому себе;

первоначальный опыт самореализации в различных видах творческой деятельности, формирование потребности и умения выражать себя в доступных видах творчества;

мотивация к реализации эстетических ценностей в пространстве образовательного учреждения и семьи.

Основные результаты духовно-нравственного развития и воспитания учащихся оцениваются в рамках мониторинговых процедур, в которых ведущими методами являются: экспертные суждения (родителей, партнёров школы); анкеты, позволяющие анализировать (не оценивать) ценностную сферу личности; различные тестовые инструменты, созданные с учетом возраста; самооценочные суждения детей.

К результатам, не подлежащим итоговой оценке индивидуальных достижений выпускников начальной школы, относятся:

ценностные ориентации выпускника, которые отражают его индивидуально-личностные позиции;

характеристика социальных чувств (патриотизм, толерантность, гуманизм и др.);

индивидуальные личностные характеристики (доброта, дружелюбие, честность и т.п.).

Оценка и коррекция развития этих и других личностных результатов образовательной деятельности обучающихся осуществляется в ходе постоянного наблюдения педагога в тесном сотрудничестве с семьей ученика.

12. Система мониторинга программы духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся

В рамках мониторинга психолого-педагогическое исследование предусматривает внедрение в педагогическую практику комплекса различных самостоятельных эмпирических методов исследования, направленных на оценку эффективности работы программы духовно-нравственного воспитания.

Основной целью исследования является изучение динамики процесса духовно-нравственного воспитания в условиях специально-организованной воспитательной деятельности.

В рамках психолого-педагогического исследования следует выделить три этапа:

Этап 1. Контрольный этап исследования (диагностический срез) ориентирован на *сбор данных* социального и психолого-педагогического исследований до реализации программы духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся.

Этап 2. Формирующий этап исследования предполагает реализацию основных направлений Программы духовно-нравственного развития и воспитания.

Этап 3. Интерпретационный этап исследования ориентирован на сбор данных социального и психолого-педагогического исследований после реализации Программы духовно-нравственного развития и воспитания. Заключительный этап предполагает исследование динамики воспитания обучающихся.

Критериями эффективности реализации воспитательной и развивающей программы является динамика основных показателей воспитания: динамика развития личностной культуры; динамика развития социальной культуры; динамика развития семейной культуры; динамика развития культуры безопасного и здорового образа жизни.

Необходимо указать критерии, по которым изучается динамика процесса воспитания обучающихся:

положительная динамика (тенденция повышения уровня нравственного развития обучающихся) – увеличение значений выделенных показателей воспитания обучающихся на интерпретационном этапе по сравнению с результатами контрольного этапа исследования (диагностический);

инертность положительной динамики подразумевает отсутствие характеристик положительной динамики и возможное увеличение отрицательных значений показателей воспитания на интерпретационном этапе по сравнению с результатами контрольного этапа исследования (диагностический);

устойчивость (стабильность) исследуемых показателей духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся на интерпретационном и контрольном этапах исследования.

Тимофеева О.В.
аспирант ННГУ им Н.И. Лобачевского,
директор НОУРО “Нижегородская православная гимназия”
tim.ok.an@yandex.ru

ЦЕННОСТИ В ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЯХ

В работе показаны ценности и способы их трансляции. Выявлены исторические типы трансляции ценностей на примере передачи традиций. Высказаны предложения по коррекции образовательных процедур в соответствии с отмеченными традиционными формами передачи ценностей.
Ключевые слова: ценность, трансляция, традиция, формализованное знание, неформализованное знание, образование, воспитание.

Одной из приоритетных задач нашего государства и важной целью современного образования является воспитание не только инициативного и результативного гражданина, обладающего для осуществления своей профессиональной деятельности набором необходимых компетентностей, но и гражданина с широкой системой ценностных ориентаций.

Существует большое множество концепций и теорий по определению ценностей и ценностных ориентаций. Но, главным является то, что ценность не существует «сама по себе», а проявляется как элемент действия индивида и социальной группы. Ценности не могут существовать вне человека и носят социальный характер. Они формируются на основе общественной практики, индивидуальной деятельности человека и в рамках определенных конкретно-исторических общественных отношений и форм общения людей.

Ценностные же ориентации определяются как избирательное отношение человека к материальным и духовным ценностям, выраженное в его поведении и деятельности. Они отделяют существенное и важное для данного человека от несущественного. Система ценностных ориентаций личности образует своего рода ось сознания, обеспечивающую ее устойчивость, преемственность определенного типа поведения и деятельности. В силу этого они выступают важным фактором мотивации действий и деятельности. [9].

У каждого человека существует своя собственная система ценностей и ценностных ориентаций. Зрелая личность отличается их широтой и четко выстроенной иерархией, но для того, чтобы сформировалась эта система ценностей необходимо не только исходить из собственного жизненного опыта, но и ориентироваться на нравственные ценности социальной группы и духовные общечеловеческие ценности. Духовное развитие человека обусловлено развитием его сознания и самосознания.

Поэтому само понятие «ценность» приобретает значение не только в качестве философско-этической и психологической, но и педагогической категории. Такое положение дел требует серьезного, вдумчивого переосмысления самого понятия «воспитание» и создания новых подходов к построению воспитательной работы.

Воспитание сегодня – прежде всего работа со смыслами, ценностями, системой отношений человека, его эмоционально-волевой и рефлексивной сферами, со всем тем, что позволяет человеку осознавать, оценивать и усовершенствовать себя, делая при этом главным критерием собственных действий и поступков совесть.

В данной небольшой работе мы ставим своей целью не определение или выявление общих универсальных ценностей, а более скромную задачу – анализ трансляции ценностей в определенных условиях. При этом нам хотелось бы показать, что сама по себе процедура трансляции и может утвердить и сформировать приоритет одних ценностей перед другими. Но не всякий способ трансляции может сделать ценность ценностью, - это во – первых. Во – вторых, необходимо учитывать то обстоятельство, что ценности, как бы мы не избегали попыток их классификации, все же целесообразно подразделить по определенным критериям. Наконец, в – третьих, нужно выявить наиболее универсальные способы трансляции ценностей.

С нашей точки зрения, первое, что надлежит сделать для подтверждения вышеотмеченного, - это выделить такую форму трансляции как передачу традиции. Философское осмысление накопленных знаний позволяет систематизировать и упорядочивать их, что, несомненно, способствует более глубокому раскрытию сущности механизма распространения традиций и степени их влияния на человека. Трансляция ценностей в духовных традициях означает трансляцию в культуре образцов человеческой деятельности. Критерием данного деления, становится коммуникационная деятельность наставника, учителя. В одних традициях этот процесс происходит через персонифицированный характер взаимоотношений учителя и ученика. Индивидуальной формой обучения при этом является информация, исходящая от учителя: индивидуализированная, конкретная и адекватная.

В других традициях процесс передачи знаний и ценностей осуществлялся коллективно. Модель «учитель-ученик» усложняется. При групповом действии каждый участник имеет определенные функции, обладает какими-то знаниями, играет определенную роль. Входя в резонанс друг с другом, участники группы создают определенное энергетическое поле, где работает принцип «один для всех и все для одного». Каждый вносит толику того опыта и знаний, которые имеет.

Данная типология носит условный характер, поскольку в практике социального бытия традиций формы трансляции нередко сосуществуют, дополняя друг друга.

Справедливости ради, необходимо отметить, что образование само по себе также есть определенная ценность, и доказывать это обстоятельно нет необходимости. Поэтому нужно рассмотреть и эту форму ценности со всеми ее характеристиками, отмеченными выше, в том числе и такими, которые мешают полному ее восприятию.

Образование – это универсальный способ трансляции культурно-исторического опыта, дар одного поколении другому; общий механизм социального наследования, передача и сохранение норм и ценностей общей жизни во времени [13, С. 239]. Образование просто обязано быть ценностным по своей природе. Педагоги, работающие с детьми, самим фактом сосуществования рядом и вместе с ними транслируют им определенные ценности. Более того, конкретное содержание в процессе передачи ценностей (например, предметное, ситуативное) уходит, а ценности – остаются и закрепляются в виде внутренних духовных ориентиров учеников. Но и в этом случае, чтобы образование как деятельность было успешным, необходимо четко представлять: что есть человек? каким он должен и может стать? Понимание того, каким будет человек с его духовным, интеллектуальным, мировоззренческим и поведенческим багажом как конечный продукт образования, складывается только на определенной мировоззренческой платформе, в которой отсутствие смыслов и ценностей знаний низводит процесс получения знаний до уровня простой зубрежки, необходимой для того, чтобы «сдать» экзамен, а затем успешно забыть. В этом смысле нельзя не отметить предельно негативную роль подготовки и сдачи экзаменов в средней школе по тестовой системе. Ведь все отмеченные выше атрибуты отчуждения знаний от ученика и понимание знаний как формализованной информации, а не ценности, в полной мере содержится в данной системе. Поле смыслов и ценностей, необходимо для того, чтобы знание стало внутренней составляющей, а не внешним и преходящим – это то, что вырабатывается изнутри, в процессе выхода на некоторые предельные вопросы, возникающие в ходе трансляции знания от учителя к ученику.

Трансляция ценностей имеет целью трансляцию и освоение определенного когнитивно-деятельностного содержания (теоретического и инструментального знания, рефлексивно-мировоззренческих аспектов применения этого знания) [3, С. 83]. Соответственно, процесс трансляции ценностей должен осуществляться как передача экзистенционального знания: “знания-проблемы” и “знания-способа действия” (выбора, ориентации человека в мире). Поэтому трансляция духовных ценностей, в процессе образования, не может преподаваться только как наличное, понятное и обоснованное, как уже знание. При данной форме трансляции довольно важным является еще один момент образования. Настоящий образовательный процесс – это школа диалога, философия которой строится на принципе соразмерности позиций учителя и ученика, на соразмерности ученика и мира, ученика и культуры. Диалог – это движение не только от непонимания к пониманию, но и от понимания к непониманию, то есть к формированию открытой проблемы, нуждающейся в рассмотрении именно как проблемы, как неготового материала к непосредственно употребляемому знанию. Только такое диалогическое взаимодействие учителя и ученика ведет к процессу расширения сознания, в отличие от существующих педагогических практик, пропитанных идеологией культурного монологизма. И только в этом случае мы добиваемся сотворчества учителя и ученика в постановке и последующем решении проблемы. Эта ситуация не

«задачникового типа», когда ученик, решая задачу, знает, что он лишь повторяет уже найденное учителем решение, и в конце задачника есть правильный ответ на ее решение.

Для того, чтобы добиться такого типа обучения, возникает необходимость перехода к осмыслению и осознанному проектированию уклада жизни школы, который в свою очередь следует понимать как совокупность ценностей и смыслов, в том числе и образования, лежащих в основании всей системы жизнедеятельности школы, всех форм взаимоотношений, существующих между субъектами образовательного процесса. По этому поводу хотелось бы высказать ряд соображений.

1. При проектировании нового уклада жизни школы нам может оказать значимую помощь опыт формирования традиционных духовных ценностей. Специфика древних духовных традиций заключалась в первую очередь в том, что все обучение в них было построено на следующих принципах: а) мало только узнать нечто новое, б) недостаточно просто пережить новый чувственный опыт, в) нужно стремиться превратить знание в практику, сделать частью повседневной жизни. В традиционных сообществах существовал принцип единства теории и практики: знания передавались именно как совокупность собственно знаний (информации), навыков (умений) и ценностных установок (мотивации) [6, С. 27-68]. Обучение представляло собой органичный синтез всех трех вышеперечисленных компонентов и не могло происходить в отрыве одного элемента от других. Любому ученику необходим Учитель – тот человек, который сам прошел определенный путь, приобрел необходимый опыт, умеет находиться в резонансе с окружающей действительностью и чувствует потребность в передаче не только знаний, но и определенного опыта [2].

Взаимное согласование опыта предполагает изначальную гармонию ученика и учителя. Эффективность обучения достигается, таким образом, с помощью непосредственных тесных контактов, имеющих характер не просто соприсутствия, но и включающих тонкую духовную связь, духовную общность и понимание. Поведение Я и Другого характеризуется психологическим или феноменологическим переживанием общности интересов, действий и т.п. Эта общность не является постоянной, она всегда «движется», и часть коммуникативной «работы» всегда направлена на ее воспроизводство, достижение и поддержание в каждом новом акте общения. Условием и результатом взаимосогласованного опыта служит сочувствие, совместное осмысление, совместное волеизъявление.

Эти идеальные структуры совместного сосуществования выполняют регулятивную функцию, являются, тем порождающим началом, под влиянием которого формируются такие духовные явления, как патриотизм, память о прародителях, «дух семьи», «дух школы» и др. Само это совместное осмысление, совместное волеизъявление протекает на фоне и под воздействием той атмосферы, того духа, неуловимого в терминах формального монологичного механизма передачи знания, который и является отличительной чертой совместного интерсубъективного мира.

2. Трансляция ценностей эффективна в той среде, где есть системность, целостность, четкость, последовательность их передачи. В настоящий момент процессу трансляции высоконравственных ценностей в сфере образования препятствует отсутствие единой системы “семья-школа”. Всем известно, что ребенок впитывает, в первую очередь, ту модель семьи, в которой воспитывается сам. Если ценности, преподаваемые в школе, по своему содержанию, будут отличаться от ценностей, принятых в семье, то в сознании ребенка произойдет разрыв связи между “должным и наличным”, а это в свою очередь, либо затормозит процесс трансляции ценностей, либо приведет к отсутствию таковой.

Без совместных феноменологических переживаний, без совместного духовного мира, не может возникнуть общность духовных переживаний, согласованное восприятие и оценка событий. Для восприятия истинного смысла транслируемого знания, ценностей необходимо внутреннее единство системы, в противном случае общение носит чисто механический, внешний характер и сводится к простому обмену информацией. В сказанном нами нет совершенно ничего нового, об этом говорено не раз. Но приходится снова и снова возвращаться к данной теме, потому что практически ничего не делается в плане улучшения взаимодействия между семьей и школой. Исключение, пожалуй, составляют конфессиональные общеобразовательные учреждения (школы, гимназии), в которых обучение ведется по стандартизированным образовательным программам, но во внутренней среде являющейся единой для системы “семья-школа”. Именно системность и преемственность ценностных установок приводит к укорененности транслируемых, единых для системы ценностей.

Признаемся, что универсальных рецептов устранения ситуации у нас нет. Мы может лишь высказать предположение, что и здесь нужно создавать определенные традиции взаимоотношений школы и всех внешкольных форм влияния на формирование духовной личности ученика. С нашей точки зрения, довольно значимым может быть не только активно формируемые ныне традиции приобщения к физической культуре (строительство ФОКов), но и все более подвергаемые забвению традиции культуры русской литературной речи. И что действительно важно, - такие традиции должны передаваться не только, - а точнее не столько на уроках литературы в школе, сколько в семье, в кругу семейного общения. Нужно дать понять родителям, что пример семейного общения на литературном русском языке весьма существенно скажется на воспитании их ребенка, если угодно облагородит душу. Ребенок же должен понять, что овладение таким языком даст ему возможность выделиться из круга сверстников, сделает его оригинальным, чего, собственно, неосознанно добивается практически каждый из молодых людей.

3. Масс-медиа стали одним из компонентов психосоциальной среды обитания человечества, они претендуют на роль мощнейшего фактора формирования мировоззрения личности и ценностной ориентации общества. Им принадлежит лидерство в области идеологического воздействия на общество и личность. Они

стали трансляторами культурных достижений и, бесспорно, активно влияют на принятие, либо отрицание обществом тех или иных ценностей культуры.

Средства массовой информации можно охарактеризовать как объективно-исторический процесс трансляции культурного фонда, осуществляемый тремя методами: материального воплощения социальной и культурной информации (через печатные издания), вербального и аудиовизуального.

Компьютеризация всех сфер общественной деятельности и повседневной жизни человека - самый впечатляющий феномен последней четверти XX века. Распространение компьютерных сетей (в особенности развитие сети Internet) - это решающий шаг на пути к информационному обществу. В глобальной сети Internet не создается никакого знания, но зато многократно увеличиваются возможности осуществления коммуникаций.

Информационные технологии оказывают свое существенное влияние на все виды деятельности, в том числе и на трансляцию не только знаний, но и ценностей. Они преобразовывают знания в информационный ресурс общества, обеспечивают его хранение и передачу. К преимуществам информационных технологий относят огромный объем информации и большую скорость ее трансляции и обработки. Но отрицательной стороной данного процесса является оторванность людей от “реальной” социальной среды, реальной жизни. Более того, оторванность от реальности часто сопровождается формированием виртуальной реальности, причем с такой степенью воздействия, что происходит погружение в эту виртуальную реальность личности, порой безвозвратное. Прививаемые и интенсивно усваиваемые в этой реальности ценности, зачастую, ничего общего с реальными социальными ценностями не имеют. Поэтому необходимо показать молодежи, прежде всего школьникам, что новацией ныне является возврат к традициям. Все более интересным и даже модным становится формирование военно – исторических клубов, участники которых в деталях одежды, вооружения и прочего, стараются воспроизвести то или иное событие в истории нашей Родины. Возврат к традиционному укладу деревенской жизни, пожалуй, даже более полезен для здоровья и не менее интересен в познавательном отношении, но менее моден у нас в стране. Однако и он является явной формой построения виртуальной реальности, альтернативной многочисленным компьютерным играм, где ребенку прививают мысль о наличии у него «нескольких жизней», что убить другого и умереть самому не так уж страшно, - нужно всего лишь нажать некую кнопку и все возродится.

Сегодня телевидение обладает ни с чем не сопоставимым влиянием на мировоззрение людей, которое определяется тремя факторами: массовость, элитарность, доступность. Телевидение является прекрасным средством передачи достоверных философских и культурно-исторических знаний. Но вместо этого, на телевизионных экранах чаще всего видны акты насилия, неприкрытой похоти, и призывы разбогатеть, не работая. К сожалению, это так. И запретительные меры здесь, как по отношению к редакторам и авторам таких передач, так и по отношению к детям, тянущимся к экранам, по нашему мнению, не принесут плодов. Здесь остается настойчиво и

терпеливо внушать ребенку, что на экране показывают нереальную жизнь, что все это выгодно не ему, а владельцам телевизионных каналов, что этим показом его лишь отвлекают от реальности, а она совсем иная. Нужно рассказать, что мечтать – не вредно, даже полезно, но мечты должны быть своими, а не навязанными кем–то. Мечта – это ценнейшее внутреннее, зачастую совершенно интимное достояние. А когда ее пытаются украсть, а взамен грубо навязать другое, чуждое – это не просто плохо, - это низко.

4. Так же немаловажен тот момент, что государство, декларирующее определенные ценности для своих граждан, в первую очередь, должно само выступать примером их соблюдения и выполнения. Быть примером, показывая, что именно эти ценности являются путеводной нитью к самой главной цели жизни и общества и конкретного человека. После известных событий, изменивших структуру и цели развития нашей страны, в ее составе появилась группа работодателей, сформировавших определенный круг ценностей, значимых при приеме на работу в их частные структуры. К таким ценностям относятся, прежде всего: предприимчивость, деловитость, смелость в принятии решений, информационная (компьютерная) грамотность, сдержанность в общении с клиентами и сотрудниками и многое другое. Заметим, что такое ценностное качество сотрудника, как человеколюбие, явно не обладает приоритетом по отношению к перечисленным, поскольку прибыли компании не приносит.

Новое государство, при своем формировании, в качестве базовых социальных ценностей выдвигает такие ценности, как: патриотизм, гражданственность, социальная справедливость, законопослушность и т.д. Данные ценности неоспоримы. Возникает другой вопрос: как они взаимоотносятся с такими духовными ценностями как скромность (кстати, совсем исчезнувшая из перечня современных социальных ценностей), моральная устойчивость и чистота помыслов (как антитезы сексуальной распущенности), семейственность, самопожертвование и взаимопомощь и т.д.? Нужно признать, что государство сегодня делает немало для сближения социальных и духовных ценностей. Однако, группа корпоративных ценностей, по нашему мнению, еще весьма далека от такого сближения. А ведь в основном работодатель, требующий от высшей школы качества своего работника, практически никогда не вспоминает о ценностях духовных. Ему нужны либо современные «Остапы Бендеры», либо послушные автоматы, слепо выполняющие данные им поручения. Установление отношений между корпоративными, социальными и духовными ценностями – это сложнейшая задача, решать которую необходимо как можно быстрее.

Совокупность всех перечисленных ценностей и методов их трансляции образует единую культурно-коммуникативную систему, которая влияет на ценностную ориентацию общества при помощи различных типов культурных сообщений: печатных, телевизионных, радиотрансляционных, включающих ценности разнообразных порядков - экономические, социальные, моральные, эстетические и т.д., и разнообразных культурных жанров.

Подводя определенный итог нашим рассуждениям, заметим, что, с нашей точки зрения, одной из причин существующих ныне проблем в образовании является нарушение иерархии ценностей, вследствие которой духовные ценности отошли на второй план, уступив место корпоративно – экономическим. Между тем, несмотря на указываемые ныне средствами массовой информации, ориентиры для молодежи, главная цель образования – формирование личности, исходящая не только из внешних, социальных ценностей, - их никто не собирается отменять, - но и приобретение духовных ценностей, которые также являются ценностями. И они не в меньшей степени нужны для полноценной жизни человека. Кстати, общенародное понимание цели образования, довольно показательно отразилось в словаре В.И.Даля: “Просвещение - …свет науки и разума, согреваемый чистою нравственностью; развитие умственных и нравственных сил человека; научное образование, при ясном сознании долга своего и цели жизни. Просвещение одною наукою, одного только ума, односторонне и не ведет к добру” [10, С. 14].

В настоящий период, в результате введения новых федеральных стандартов образования личностному развитию учащихся уделяется существенное значение. Основным назначением фундаментального ядра общего образования является определение системы базовых национальных ценностей, определяющих “самосознание российского народа, приоритеты общественного и личностного развития, характер отношения человека к семье, обществу, государству, труду, смысл человеческой жизни” [7, С. 3]. Соответственно происходит то необходимое единение внешнего и внутреннего мира человека.

Выявление всеобщих ценностных оснований бытия человека, его практической деятельности и поведение, приводит к осознанию его влияния человека на отношение к бытию, на раскрытие системы ценностных представлений, в соответствии с которыми это отношение формируется и развивается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альбедиль М.Ф. Зеркало традиций: Человек в духовных традициях Востока. СПб.: « Азбука- классика»; «Петербургское Востоковедение», 2003., 288 с.
2. Дробовцева С.В. Формы и методы передачи знаний в духовных традициях// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки, 2007, № 3 (8), с. 179–185
3. Доронин Д.Ю. Религиозное знание в общеобразовательных школах / Роль религии в жизни современного российского общества., Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., г. Арзамас, 2009., Н.Новгород: Изд-во НИЦ Поволжья «Нижегородское религиоведческое общество”, 2010.- 302 с.
4. Залевская А.А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте. Тверь. ТГУ, 1996., 195 с.
5. Зеленов Л.А. Становление личности. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1989. 166 с.

6. Козлов В.В., Кондаков А.М. Фундаментальнове ядро общего образования/ 3-е изд. – М.: Просвещение, 2011. – 59 с. (Стандарты второго поколения).
7. Левицкий С.А. Очерки по истории русской философской и общественной мысли. В 2 томах, - Франкфурт-на-Майне, изд. "Посев", Т.1, 1968, 198 с.
8. Лобастов Н.А. Путь домой/ Изд.: Кстовская типография, 2011, 498 с.
9. Новиков А.М. Культура как основание содержания образования.// Педагогика.2011. №6.
10. Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1995. С. 336.
11. Семенцов. В. С. "Восток-Запад", М.: Наука, 1988г., http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-civil/tradition/vchk-vin-civil-tradition-sementsov.html
12. Слободчиков В.И. Антропология образования и образовательное знание/ Образование в XXI веке Стратегии и приоритеты /Матер. Междунар. Науч-практич. Конфер. М:, Свято-Филатетовский Православно-христианский институт, 2011. – 360 с.
13. Философский Энциклопедический словарь. М., «Советская Энциклопедия», 1983, 840 с.
14. Холкин Д.В., Холкина Т.А. Подходы к трансляции лучшей практики Технологические и институциональные подходы к трансляции лучшей практики // Университетское управление. 2005. № 4(37). С. 38-47.

Строгецкий В.М.
Нижний Новгород, НГЛУ

СУДЬБЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ, ЕЕ РЕФОРМЫ И БОРЬБА РЕАЛИЗМА И КЛАССИЦИЗМА

История России со времени Петра Великого и до сегодняшнего дня характеризуется серией перманентных реформ в области образования, но далеко немногие из них можно считать завершенными и обеспечившими определенное развитие системы образования в России.

Петровские реформы утвердили светскую систему образования, которой до этого в России не было[1]

Елизавета Петровна и Екатерина II своими реформами продолжали преобразования Петра. При Елизавете открылся в России первый университет в 1755 г. Екатерина II благодаря реформе, учредившей уездные и губернские училища, положила начало развитию среднего образования в России, создала условия для возникновения российского студенчества, так как окончившие губернские училища имели право поступать в университеты. Открытие при

[1] Крижанич Ю. Политика / Текст и перевод под ред. А.П. Тихомирова. М., 1965.

Екатерине II Академии русского языка обеспечило дальнейшее развитие в России русской национальной художественной и научной литературы[2].

Важной вехой в развитии среднего и высшего образования в России стали реформы Александра I и Александра II. В 1802 г. при Александре I было учреждено Министерство народного просвещения. Министерство стало разрабатывать положения и уставы классического гимназического образования. Среднее и высшее образование при Александре I было всесословным. В это время были выработаны основные принципы среднего гимназического и высшего университетского образования[3]. Прообразом для этого послужили лучшие традиции античного культурного наследия. Их обобщил и адаптировал к современной системе образования и воспитания выдающийся немецкий философ, психолог и педагог И. Гербарт[4].

Он разработал важнейший принцип образования, как среднего, так и высшего, который получил название «пайдейя». Это греческий термин, обозначающий воспитывающее обучение, основанное на просвещении. Именно эта идея была положена в основу создания Министерства народного просвещения. В этом заключена сущность классической системы обучения. Идея пайдейи оставалась основополагающей всей системы Российского образования вплоть до 1917 г. Только с захватом власти большевиками и утверждением ленинского указа от 4 марта 1921 г., о ликвидации классической системы образования, от понятия «пайдейя» отказались, исчез термин просвещение, его заменило до боли знакомое и вместе с тем столь же ненавистное слово «пропаганда».

Но, к сожалению, именно в 40-е гг. XIX в. появились и противники классического образования, так называемые «реалисты»[5]. Идеи реального образования получили распространение, как в Европе, так и в России. Обусловлено это вполне объективными причинами. Начало XIX в. прежде всего в Европе характеризовалось весьма ускоренным процессом демократизации общественных отношений, вызванной новым этапом научно-технической революции, ростом городов. Именно в этих условиях в Европе, а в 40-е гг. и в России возникло требование, особенно в среде демократической части городского населения, отказа от гимназий. Реалисты требовали создания массовых общеобразовательных школ. Они считали нецелесообразной роскошью тратить время на изучение древних языков, фундаментальное изучение математики и гуманитарных наук. Поэтому реалисты добивались, чтобы в общеобразовательных школах учащиеся изучали только такие реальные предметы, которые могли бы помочь школьникам сравнительно быстро после окончания школы постигать те специальности и профессии, которые особенно необходимы в развивающемся индустриальном обществе.

---

[2] Ешевский С.В. Очерк царствования Елизаветы Петровны. Соч. ч.2. М., 1870; Бильбасов В.А. История Екатерины II. Т. 1-2. СПб, 1890-1891.

[3] Путята Н. Обозрение жизни и царствования императора Александра I // Исторический сборник. 1872. № 1. С. 426-494; Шильдер Н.К. Император Александра I. Т. 1-4. СПб, 1904-1905.

[4] Гербарт И.Ф. Избранные педагогические сочинения / Русский перевод. Т. 1. М., 1940.

[5] Алешинцев И.А. История гимназического образования в России XVIII-XIX вв. СПб, 1912.

Власть имущие и государственные чиновники видели в классическом образовании опасность в том, что оно развивало у выпускников гимназий способность к творческому и независимому мышлению и критическому восприятию действительности, что с их точки зрения затрудняло управление государством и обществом. Николай I, пришедший к власти после смерти Александра I и подавивший восстание декабристов, отменил в большинстве гимназий преподавание древних языков[6]. Вместо них стали преподавать право, экономику и другие реальные предметы. Царь руководствовался сформулированным им самим принципом: « Мне не нужны умники, мне нужны подданные».

Реальное образование уже после его введения показало резкое падение грамотности, образованности и нравственных качеств выпускников гимназистов. Сократилось число квалифицированных учителей и профессоров. Поэтому после прихода к власти Александра II директора гимназий и ректоры университетов обратились к царю с просьбой восстановить классическую систему образования. Эта реформа была им проведена и в России получили распространение мужские и женские классические гимназии и реальные училища, приравненные к классическим гимназиям[7].

Реформы Александра II в области образования положительно отразились уже во второй половине XIX в. Россия получила «Золотой век» русской культуры. Но эти реформы не могли обеспечить спокойное прогрессивное развитие российского общества. Они опоздали более чем на полвека.

Леворадикальные, экстремистские и террористические выступления буквально захлестнули страну. Жертвой террора стал Александр II, ехавший 1 марта 1881 г. подписывать конституцию.

Александр III, находясь под сильным влиянием и давлением «черносотенного направления российской реакции» в лице Победоносцева и консервативного окружения, слыл символом эпохи контрреформ. Период контрреформ 80-х гг. был тусклым безвремением в том числе и в области образования[8]. Оживление началось с воцарением Николая II. К концу царствования Александра II в России было 8 университетов, а к 1915 году их стало уже 12.

Время с 1905 г. по 1914 г. отличалось быстрым прогрессом в области образования. С 1908 г. в разных городах открывались народные университеты, призванные повышать грамотность и заниматься просвещением. Такой народный университет открылся в 1914 г. и в Н. Новгороде. С 1905 г. была восстановлена университетская автономия, и университетское образование уже полностью

---

[6] Шильдер Н.К. Император Николай I, его жизнь и царстовование. Т. 1-2. СПб, 1903; Полиевктов М. Император Николай I. СПб, 1914; Эпоха Николая I / Под ред. М.О. Гершензона. М., 1910.

[7] Татищев Р.С. Император Александра II. Т. 1-2. СПб, 1911; Каконов Г.И. Устав гимназий и прогимназий 30 июня 1871 г. // ЖМНП. 1872. Ч. 159. Февраль, отд. III. С. 174-202; Модзалевский А.Н. Очерки истории воспитания и обучения. СПб, 1892-1899.

[8] Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1-2. М., 1925-1926; Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. М., 1960.

соответствовало западноевропейским образцам. Плата за обучение составляла 50 золотых рублей в год. Эта плата была самой низкой в Европе, особенно если учесть, что зарплата квалифицированных рабочих составляла 700-800 золотых рублей в год, а зарплата учителей была от 900 до 2500 руб. в год. В отличие от Европы и Америки, где в университетах обучались главным образом дети аристократии и буржуазии, в России основную массу студентов составляли разночинцы. Перед Первой мировой войной в российских университетах обучалось свыше 100 тыс. студентов. Из 4017 студентов Московского университета 1950 человек были освобождены от платы за обучение. Накануне 1914 года всего в России было 117 высших учебных заведений. В них обучалось 123, 5 тыс. студентов[9].

В России получило значительное развитие женское высшее образование. В 10 крупных городах существовали женские университеты. В 5 городах были учреждены женские медицинские институты. В различных городах появились женские педагогические институты. Число студенток к 1915 г. насчитывало 24 тыс. человек.

В области среднего образования прогресс был весьма заметным. Так в 1915 г. в России насчитывалось 797 мужских средних школ, в том числе 474 классические гимназии, где обучались свыше 150 тыс. учащихся и 297 реальных училищ с более 80 тыс. учащихся. Число женских гимназий в 1914 г. превышало 800 (в них обучалось 350 тыс. гимназисток).

После 1905 г. в России появились разные типы средних специальных учебных заведений. К 1912 г. было 20 учительских институтов, 43 педагогических института, 168 семинарий и школ.

К 1915 г. всего в России было 2 тыс. средних школ. В них обучалось более 700 тыс. человек. В 1908/7г. Николай II утвердил закон о введении всеобщего начального образования. Оплачивали это образование земства, города и Министерство народного просвещения. К 1915 г. насчитывалось 149500 школ. Число учащихся достигло 6 млн. 220 тыс. Большое внимание уделялось обучению крестьянских детей[10].

Главными научными центрами в пореформенной России были Академия наук и университеты. Правительство уделяло большое внимание и финансировало издательскую деятельность академических отделений и университетов. Университетские библиотеки располагали всей выходившей тогда научной и художественной отечественной и зарубежной литературой. Равное внимание и финансирование уделялось как гуманитарным наукам истории, литературе, лингвистике и юриспруденции, так и естественным и физико-математическим наукам.

Относительно подробно мною рассмотрены реформы образования, связанные с эпохой Александра II и Николая II, прежде всего с той целью, чтобы показать, что эти реформы, начатые Петром и его последователями, продолженные Александром I и Александром II и затем выдающимися

[9] Пушкарев С.Г. Россия 1801-1917: власть и общество. М., 2001. С. 453сл
[10] Ук. соч. С. 455сл.

реформаторами периода правления Николая II. П.А. Столыпин и С.Ю. Витте, имели вполне прогрессивное развитие и могли бы дать и в последующие времена великолепные плоды. Но в октябре 1917 г. грянула геополитическая катастрофа, связанная с захватом власти в России Лениным, Троцким, Сталиным и другими. Это была не только геополитическая катастрофа, но и величайшее преступление, совершенное большевиками, разрушившими тысячелетнюю историческую Россию.

Реформы, которые стали проводить большевики в области образования, в основе своей были негативными, разрушительными и бесперспективными. В результате упомянутого выше указа Ленина были ликвидированы центры классического образования гимназии, историко-филологические, юридические и философские факультеты университетов. Ленин и Сталин считали представителей российской интеллигенции врагами советской власти. Поэтому свою задачу они видели в том, чтобы не оставлять образование в руках российской интеллигенции. Со значительной частью ее представителей большевики расправлялись физически. Наиболее известных и выдающихся из них они изгнали из страны в 1922 г, заставив каждого дать расписку, что при возвращении в советскую Россию, он будет расстрелян.

1922 год в истории советской России принято считать продолжением, так называемой культурной революции, одним из важных актов которой был декрет о ликвидации неграмотности. Ленин неслучайно приурочил этот декрет к 1922 г., так как все реформы в образовании в исторической России, начиная со времени Екатерины II, были нацелены на ликвидацию неграмотности и С.Ю. Витте своей реформой предполагал к 1922 году полностью решить проблему неграмотности в стране. Ленин и большевики приписывали эту заслугу себе, хотя в результате их преступных действий в России началась гражданская война, принесшая неизгладимые страдания народу, огромное количество детей оказалось беспризорными и соответственно неграмотными. Да и цели, которые ставил перед собой С.Ю. Витте, решая проблему неграмотности, и Ленин своим декретом, были абсолютно различны. Политика Витте была многогранна. Она не только предусматривала научить детей и взрослых писать и читать. Большое значение он придавал целям просвещения, приобщая широкие слои россиян к великим достижениям общечеловеческой культуры.

Ленин же откровенно и цинично заявлял, беседуя с Ю.П. Анненковым, говоря, что «наш лозунг «ликвидировать безграмотность» отнюдь не следует толковать как стремление к нарождению новой интеллигенции. Ликвидировать безграмотность следует лишь для того, чтобы каждый рабочий и крестьянин мог самостоятельно без чужой помощи читать наши директивы, приказы и воззвания. Цель вполне практичная только и всего»[11].

---

[11] Аненков Ю.П. Дневник моих встреч Л.,1991, Т.2.С.247. К этому см. Строгецкий В.М. Основы культурологии. Н.Новгород, 2012. С. 65сл.; Джимбинов С. Коэффициент искажения. Революция и искажения. Революция и культура // Новый мир. 1992. № 9. С. 207.

12.Такер Р. Формирование административно-командной системы в 20-30-х гг. – М., 1992; Пушкарёв Б.С.Две России XXв. 1917-1993.- 2008. С 156-162.

К 1934 году Сталин восстановил среднее и высшее образование, но оно представляло собой карикатурное отражение того, что Россия имела до 1917 г. Оно было поставлено под жесточайший надзор и контроль партийных и репрессивно - политических органов. Ленинско-сталинская политика ввергла российское образование в затхлый провинциализм, в котором ленинская партия, диалектический и исторический материализм в догматической упаковке считались вершиной гуманитарной науки. Таким образом, большевики довели до абсурда понятие реальное образование, превратив его в идеологический инструмент всей своей тоталитарной политики[12].

Новый этап реформирования образования в Советском Союзе, начался с 60-х гг. XX в., связанный с деятельностью Хрущева[13]. И опять идеологическим инструментом для реализации этой политики было выдвинуто глубоко ошибочное мнение о том, что для «соединения школы с жизнью необходимо соответствующим образом финансировать, и развивать, прежде всего, естественные и технические науки. Следствием этого возникло и было внедрено в практику понятие «средняя общеобразовательная политехническая школа». Серьезные изменения внесены в структуру среднего образования. В нем время, отведенное на изучение естественных и технических знаний, значительно было увеличено, а время на изучение гуманитарных наук, особенно русского языка, истории и литературы, резко сокращено.

В высшем образовании также было сокращено финансирование на развитие гуманитарных наук и время для их изучения. Да и условия, и возможности обстоятельного изучения и исследования проблем общественных наук были крайне ограничены. Центральные и местные архивы для историков были практически закрыты. Доступ к соответствующим фондам был избирательным и требовал особых разрешений. Современная иностранная литература как тогда, так и теперь поступала и поступает только в центральные московские и петербургские библиотеки. Но, как правило, это уже литература предшествующих лет. Значительная часть иностранной литературы была в спецхранах, и ее можно было читать, получая специальные разрешения.

Изучение иностранных языков в средних общеобразовательных школах – поставлено было так, что их выпускники практически не знали, да и сейчас не знают, в то время как выпускники российских гимназий могли, окончив гимназию, писать, читать и говорить на тех иностранных языках, которые изучали в гимназиях. В общественных и гуманитарных науках господствовал идеологизированный и превращённый в догму марксизм-ленинизм.

---

[12] Такер Р. Формирование административно-командной системы в 20-30-х гг. – М., 1992; Пушкарёв Б.С. Две России XX в. 1917-1993.- 2008. С 156-162.

[13] В 1958-1964 гг. была проведена реформа среднего образования СССР. Средняя школа приобрела политехнический профиль. Она преобразовалась в трудовую политехническую среднюю школу. К этому см. Ковалев Н.Е. и др. Введение в педагогику. М., 1975; Аксютин Ю.В., Волобуев О.В. XX съезд КПСС: новации и догмы. – М. 1991.

Лишь к концу 80-х гг., когда СССР находился на грани своего краха, стала меняться ситуация и в области образования. В начале 90-х гг. министром образования и науки стал Э.Д. Днепров, инициативный и перспективный руководитель. Будучи специалистом в области истории педагогического образования в России, он прекрасно понимал достоинства и важность гимназического образовании. Поэтому он всячески поощрял инициативу учителей-новаторов. Он был противником единой общеобразовательной школы[14]. Все это рождало надежды на возрождение традиций классического образования.

Однако надежды не увенчались успехом. По мере утверждения авторитарной формы правления, начиная с 2000 года, укрепилась установленная сверху центральными органами управления вертикальная власть, и свободное педагогическое творчество кануло в Лету.

Сегодня черты кризиса в системе образования стали наиболее очевидными. Они затронули как среднее, так и высшее образование.

Переход на многоуровневую систему образования: средняя школа (гимназия), бакалавриат и магистратура оказался не продуманным. Во-первых, этот переход осуществлялся как для средней, так и для высшей школы одновременно. Ни учителя, ни выпускники средней школы не были готовы к восприятию и пониманию сущности и содержания новой системы высшего образования. Поэтому сначала нужно было провести реформу среднего образования сущность, которой заключалась в том, чтобы гимназисты в процессе обучения научились выбирать для себя дальнейшую траекторию обучения, а учителя оказывали бы им в этом помощь.

Во-вторых, высшие учебные заведения должны были быть подготовлены к тому, чтобы систему «бакалавриат-магистратура» они могли реализовать. В нынешнем состоянии вузов при сохранении традиционных форм обучения студентов и финансирования вузов система «бакалавриат-магистратура» не будет реализована или ее реализация будет сугубо формальной.

Абитуриент сам, а не по решению взрослых(родителей, родственников и знакомых), избравший для себя еще в средней школе траекторию обучения и выбрав тот вуз, где он намерен ее реализовать, должен иметь возможность выбирать дисциплины из программ «Б» и «С» учебного плана бакалавриата. Число обязательных фундаментальных дисциплин программы «А» должно быть хорошо продуманным и не превышающим 20-30%. Поэтому в программе «Б» должно быть предусмотрено 60-70% предметов, предлагаемых вузом для обязательного открытого выбора самими студентами, причем это должны быть предметы, действительно необходимые для тех студентов, которые сознательно выбрали для себя именно этот вуз, раскрывающие их профессиональные и интеллектуально-нравственные компетенции.

[14]Днепров Э.Д. Школьная реформа между «вчера» и «завтра». – М.,1996; Он же. Современная образовательная реформа и развитие российского образования. – М.,1997, Он же .Современная школьная реформа в России.- 1998. К этому см. также Миронов В.В. Размышление о реформе образования. М, 2011.

Но в этом случае должна быть радикально изменена система приема абитуриентов в вуз и система финансирования вузов. Во-первых, нужно отказаться от понятия бюджетные и коммерческие места. Вуз должен принимать всех тех, кто подал документы, успешно (не ниже хорошей оценки) сдав ЕГЭ, и те экзамены, сдача которых требуется для данного вуза. Только в этом случае студенты могут свободно выбрать предметы, необходимые им для изучения, а вуз получит то количество групп, которое необходимо для соответствующей учебной нагрузки его профессорско-преподавательского состава. В этом случае финансирование вуза предполагает, что в нем в процентном отношении должны участвовать государство, бизнес и сами студенты или их родители.

Реформа введения в вузах системы «бакалавриат-магистратура» вновь повторяет совершенно неправильное понимание современными реалистами, главным образом из Высшей школы экономики, сущности социально-рыночных отношений в системе высшего образования.

Когда речь идет о высшем образовании, то главное в ней не спрос и предложение, а профессиональные, нравственные и духовные качества субъектов этого процесса, как самих специалистов, так и работодателей.

Наконец, необходимо отметить еще один важный недостаток реформы высшего образования. Реформаторы пытаются скопом изменить сразу всю вузовскую систему. Таким образом, можно только разрушить все высшее образование, что сейчас и проходит. Во-первых, необходимо было отобрать несколько старых университетов, возникших еще в исторической России. С помощью государственных и частных средств восстановить в них структуру и систему фундаментального классического физико-математического и гуманитарного образования, которые существовали там со времени реформ Александра II. Они составили бы гордость России. Такие университеты есть в США, Англии и других европейских странах. Без таких университетов не может быть никакой модернизации ни в образовании, ни в стране в целом.

Во-вторых, программу «бакалавриат-магистратура» нужно принимать и реализовывать в той форме и в том содержании как она развивается в европейских странах, принявших ее, а не адаптировать ее к советской системе образования. Это все равно, что новое «молодое вино заливать в старые меха». Для реализации этой системы нужно было бы избрать несколько вузов и даже не университетов, а институтов и внедрить в них эту систему. Прежде всего, это должны быть технические и педагогические вузы.

И далее нам нужно, наконец, восстановить Министерство народного просвещения, наделить его необходимыми полномочиями и средствами, с тем, чтобы оно с помощью ученых, выдающихся общественных деятелей, начали бы осуществлять просвещение россиян, начиная с детских садов, по освобождению российских людей от наследия тоталитарного коммунистического прошлого, которое уже на генетическом уровне внедрилось в нашу ментальность и продолжает разрушать наше общество, а значит Россию.

Строгецкий В.М., Соболева Е.В.
Нижний Новгород, НГЛУ

ПРОГРАММА КУРСА ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПО ЛАТИНСКОМУ И ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМУ ЯЗЫКАМ И ЕГО СВЯЗЬ С РУССКИМ И ЕВРОПЕЙСКИМИ ЯЗЫКАМИ

Если цель образования и просвещения заключается в том, чтобы средние учебные заведения формировали в молодых людях высоконравственные качества поведения, приоритетное отношение к духовным ценностям, осознание необходимости образования, способность к самостоятельному и независимому мышлению, осознанную необходимость подлинных гражданских и патриотических чувств, то одним из важнейших средств, позволяющих реализовать эти цели, является изучение древних и современных языков.

Шведский натуралист К.Линней отмечал: «Если ты не знаешь слов, то невозможно исследование вещей». А выдающийся русский поэт А.Фет писал о значении языка так:

«Язык есть исповедь народа.
В нем слышится его природа,
Его душа и быт родной».

Знание языков открывает для молодых людей необозримый простор общечеловеческой культуры: литературы, искусства, истории и философии. Это и является важнейшим условием процесса вхождения личности в социокультурную среду общества и осознания необходимости постоянного повышения своего духовного роста и просвещения, а также активного гражданского участия в жизни общества.

Но главным и непреложным условием для любого человека, который хочет получить полноценное среднее образование, позволяющее продолжить обучение в высших учебных заведениях или заняться активной трудовой деятельностью на благо общества, является засвидетельствованная временем и подтвержденная множественными примерами человеческих судеб необходимость изучения древних языков латинского и древнегреческого.

Только эти языки вместе с математикой могут развить у человека, начиная с ранней юности, способность к самостоятельному логическому мышлению, умению правильно говорить, используя причинно-следственные связи, а также умело использовать аргументы и контраргументы.

В ходе курсов повышения квалификации учителя языковых дисциплин получат знание основ латинского и древнегреческого языков и навыки использования их в преподавании русского и иностранного языков.

Программа курса повышения квалификации по латинскому языку с учителями православных гимназий

Древние языки являются «помощниками» в изучении русского и современных иностранных языков.

В преподавании древних языков в классических православных гимназиях существуют два аспекта с точки зрения их сопоставления с русскими и другими современными языками: не только опираться на знания родного языка для лучшего усвоения древних, но и использовать новые знания в области классических языков для лучшего понимания и усвоения фактов русского и современных иностранных языков. Причем делать это можно и нужно на всех уровнях существования и изучения языка: фонетическом, графическом, лексическом морфологическом, синтаксическом, фразеологическом.

Рассмотрим на нескольких примерах как можно вести такое сопоставление и для чего это необходимо.

I. Фонетический уровень

Многочисленные грецизмы и латинизмы оказали влияние на фонетику славянских языков. Осознание этого факта поможет научить правильно произносить и писать слова греческого и латинского происхождения, причем, не заставляя запоминать как «исключение», «словарное слово», «так следует произносить», но сознательно, пользуясь полученными знаниями во всех подобных случаях. Заимствованное в разное время, через разные системы произношения, а также через латинский язык одно и то же слово может иметь разный фонетический облик, но восходить к одному корню, и без знания фонетики греческого и латинского родства, в конечном итоге, и смысл слова, не понять. Наличие в греческом языке обычного и литургического произношения объясняет наличие фонетических дуплетов.

В русском языке не было слов, начинающихся с «а», кроме некоторых звукоподражательных. Греческому языку мы обязаны появлением многих слов с начальным «а».

1. Апостол, архиепископ, алфавит, ангел, анафема.

2.Слова с начальным «е» в славянских языках имеют йотацию,ф в греческом – нет. Это отразилось в наличии фонетических дуплетов.

Эпилог, энтузиазм, эпитрахиль

Епископ, евангелие, Евгений.

3. Гекс<u>а</u>метр – гегз<u>е</u>метр

Амброс<u>и</u>я – амброз<u>и</u>я

<u>К</u>иклоп – <u>ц</u>иклоп

Омир (у Пушкина) – Гомер

Схима (schēma) – схема (schema)

Алфавит – библиотека

Пафос – патетика, паталогический.

4. Петр –Пётр

Алексий – Алексий (Алексей)

5. През<u>и</u>дент – сессия

Дезинф<u>е</u>кция – дезинф<u>и</u>цировать

6. Европа – Europa.

II. Графический уровень

Алфавиты, которыми пользуются учащиеся: кириллица, латиница, греческий алфавит – восходят к одному источнику – финикийскому, хотя в настоящее время высказывается и другая точка зрения, согласно которой греческий алфавит – автохтонный, то есть природный и финикийцы, обнаружив его на Крите, воспользовались им сами и передали другим народам, с которыми находились в тесном контакте. Ко времени знакомства с древнегреческим языком два первых – русский и латинский – должны быть известны гимназистам на достаточно хорошем уровне. Преодолеть трудности в знакомстве с новым алфавитом поможет сравнение графического изображения звуков и порядка букв в азбуке.

А	A	альфа
В	B	бета
Г	Γ	гамма
Д	Δ	дельта
*		
*		
*		
З	Z	дзета
*		
*		
*		
К	K	каппа
Л	Λ	лямбда
*		
*		
*		
П	Π	пи
*		
*		
*		
	T	тау

III. Лексика

Богатство лексики греческого и латинского происхождения, заимствованной непосредственно, а также через посредство других языков неисчерпаемо. То же относится и к современным европейским языкам, например, в английском 80% лексики латинского происхождения. Греческая, латинская, греко-латинская лексика используется в различных сферах жизни – быт, образование, политика, литература, искусство, государство, техника, культура, терминология всех наук. Греческая и латинская лексика и ее дериваты изучаются на занятиях по греческому и латинскому языкам, но игнорировать ее при изучении русского и других языков было бы непростительной ошибкой. Что дает такое изучение? Расширение словарного запаса, умение понимать значение новых заимствований, которых в связи с процессом глобализации становится все больше, среди них немало понятий широко обсуждаемых.

1. Тезаурус, архетип, эвтаназия, верификация, маргинальный, инфляция

2. Понимание слов в незнакомом или малознакомом иностранном языке на основе их латинского происхождения
Итал. Vita domestica; via centrale.
Франц. Une libertate totale; venire a temps
Исп. El centro docente; via Lactea.
Англ. Civil service; mode of prodaction.
Правильное определение родства слов.
3. Гладиатор – гладиолус, консервы – консерватория
4. Идиот, идея; стипендия- аппендицит- перпендикуляр
5. Правильное произношение и употребление, правописание слов. Нельзя писать и произносить «прецидент» или «прицедент», так как слово прецедент происходит от латинского глагола praecedo, где prae (пре) – приставка, а cedo(cessi, cessum, cedere 3) – глагол
Alter, altera,alterum другой из двух, поэтому «другая альтернатива» - неграмотно
Oikos + logos – «учение о доме», поэтому нельзя сказать «плохая экология»
Кардиология происходит не от латинского слова cor, cordis n – сердце, а от двух греческих слов: kardia – сердце и logos – наука, то есть кардиология – это наука о сердечно-сосудистой деятельности. Таким образом фондом для создания научной терминологии являются древнегреческий и латинский языки: губернатор, кибернетика, кинематограф.
IV. Словообразование

В русском языке приставки греко-латинского происхождения играют немалую роль. Из префиксов, то есть приставок(приставка происходит от латинского prefixum) со значением интенсивности, высокой степени только две русского происхождения: раз (разжечь, разгромить); сверх (сверхизвестность, сверхчувствительность) Пять из классических языков.
Пять из классических языков:
Супер-, ультра-, экстра- из латинского языка
Архи-, гиппер- из греческого языка
Среди приставок со значением противоположности, отрицания две русские:
Противо-, не-,
Шесть из греческого и латинского:
Контр-, де-, дез- , ин- (им-) – латинские
Анти-, а-, дис- - греческие

Учителям русского языка необходимо знать и уметь объяснить происхождение и значение этих приставок, а также то, что слова с этими приставками имеют общее значение.

Положение под чем-либо, снизу, подчиненность, недостаточность, понижение:
Sub (suf-, sug-, sur-, sus-) под
Субстрат от subsstratus - подстилка
Суспензия от suspension - подвешивание
Также сублимация, субмарина, субпродукты, субординация
Hypo (hyp-) под –
Гипотеза от hypotĕsis - предположение

Гипотаксис от hypotaxis - подчинение
Гипотенуза, гипотомия, гиподинамия, гипофункция

Умение видеть и объяснять наличие и значение греческой или латинской приставки помогает сознательно усвоенное правописание
Ассимиляция от ad- similis
Адъютант от ad-juto – (frequentativum) учащательный глагол к adjuvo – помогать,усердно содействовать

Не менее важную роль играют и греко-латинские суффиксы, которые вместе с заимствованными словами вошли в новые языки, а затем начали вести в них самостоятельную жизнь, соединяясь с корнями и образуя слова, которых не было в древних языках или с новыми корнями также создавая новое слово, сохраняющее значение древнего суффикса.

Усвоением этих суффиксов достигается сразу несколько целей: понимание значения слова, объяснение орфографических правил в новых языках, установление закономерных соотношений между древними и новыми языками, позволяющих по одному звену словообразовательной цепочки восстанавливать все остальные.
Так:

Греческий суффикс – ισμ – (ism) указывает на явление, состояние,

Качество: техницизм, скептицизм; на направление в науке и искусстве:
гностицизм, деизм, рационализм, модернизм.

Латинский суффикс – ор означает деятеля. Все слова на – ор- оратор, доктор, прокурор, диктор, куратор – действующие лица.

Этот суффикс с другими корнями помогает создать новые слова трактор, то есть то, что тащит; pastor, то есть пастух, священнослужитель

В русском языке латинские суффиксы большей частью транслитерируются. В английском – сохраняют латинское написание, но меняют произношение. Зная значение и написание латинского суффикса, можно легче преодолеть трудности английского спеллинга.

Лат. Narratio, narrationis - повествование

Англ. narration [nə´reʃn] – рассказ

Латинские суффиксы закономерно видоизменяются в различных языках и дают, благодаря этому возможность «предсказуемости» в одном языке на основании другого.
Tas- tatis
Фр. – té – université Анг. – ty – university
Анг. –ty - university
Нем – tät – Universität
Русский – тет- университет

От русского раритет можно восстановить:
Англ. rarity
Нем. Rarität
Лат. Raritas, raritatis
Фр. Rareté (отклонение в написании)

Бывают случаи, когда суффикс начинает жить в новых языках самостоятельной жизнью. Для слова: Генералитет - generalis не найдется соответствующего слова в латыни, по той простой причине, что латинский

generalis (всеобщий) не имело отношения к военной службе и что в Риме вообще не было профессиональных военных высшей категории.

Латинский суффикс – bilis – означает возможность какого-либо действия над предметом; mobilis – тот, которого можно подвинуть, подвижный. В русском с тем же значением в словах с русским корнем: читабильный, смотрибильный.

Занятия по латинскому языку

1. Изучение древних языков - основа лингвистической, культурной, интеллектуальной подготовки; на этой основе осуществляется развитие когнитивных и творческих способностей учащихся. Методы классической филологии (неприятие приблизительности, стремление к точности в интерпретации и оценке языковых явлений) оказывают значительную помощь при изучении родного и иностранных языков, указывают на индоевропейское родство классических и современных европейских и славянских языков. Изучение латинского языка как отправная точка русского и современных западных языков, их письменности, лексики, словесной культуры - 4 ч.

2. Латинский алфавит как основа современных алфавитов западноевропейских языков. Его родство с древнегреческим и русским. Буквенно-звуковые соответствия. Диграфы и дифтонги. Сочетания с буквой ***u,*** буквой ***h.***
Правила ударения. Два типа произношения и их отражение в новых языках. Фонетические законы - 4 ч.

3. Богатство латинской лексики. История заимствований. Направление заимствований. Типы заимствований. Роль лексики латинского происхождения в русском и английском языках. Латинская лексика в разных сферах жизни. Этимологизация. Освоение новой научной терминологии и развитии языковой догадки на основе изучения латинской лексики. Сознательное употребление и правильное произношение иноязычных слов латинского происхождения - 6 ч.

4. Синтетический строй латинского языка. Система частей речи, их индоевропейское родство. Общность грамматической терминологии на основе генетического родства обозначаемого материала. Создание на основе латинской грамматической терминологии русской и английской. Морфологический анализ как основа понимания словоформ. Роль морфолого-синтаксического анализа в раскрытии смысла латинской фразы - 4 ч.

5. Латинский глагол. Основы и основные формы глагола. Различия глагольных основ в образовании лексики, ее правописании. Глагол «быть» в латинском, русском, английском языках, индоевропейское родство его форм. Личные окончания глагола в латинском и русском языках. Страдательный залог и способы его выражения. Система глагольных времен в латинском и английском языках. Глагольная префиксация. Неличные формы глаголов. Личные и неличные

формы глагола как источник лексических заимствований. – 6 ч.

6. Имя существительное. Типы склонений. Историческая и практическая основа существительного. Образование слов латинского происхождения от основы именительного и родительного падежа. Средний род в латинском и русском языках. Система латинского склонения. Распределение по склонениям в русском и латинском языках: сходство и различия. – 6ч.

7. Синтаксис простого предложения. Значение падежей и их функции. Синтаксис падежей в латинском и русском языках. Латинская падежная система и предложные конструкции в английском языке. - 4 ч.

8. Латинское словообразование, его способы, типы, элементы. Значение латинских аффиксов и их роль в образовании новых слов в современных языках. – 6ч.

Итого: общее количество часов занятий – 144: из них:

аудиторных занятий – 40ч.

самостоятельная работа и выполнение заданий в соответствии с программой под руководством преподавателя – 40ч.

форма контроля – подготовка рабочей тетради – 64ч

Занятия по древнегреческому языку

Занятие 1- 6ч.

1. Алфавит, фонетика, рейхлиново и эразмово чтение и произношение звуков.
2. Имя существительное: род, число, падеж, склонение. Типы существительных первого склонения.
3. Предварительные сведения о глаголе. Глаголы, служащие связкой в составном именном сказуемом.
4. Praesens indicativi activi, imperativus indicativi activi, infinitivus indicativi activi. Participium praesentis activi.
5. Imperfectum indicativi activi.
6. Глаголы с приставками

συλ συμ εκ εμ επι απο περι προ

Занятие 2 – 6ч.

1. Второе склонение существительных. Прилагательное I и II склонения.
2. Местоимения, выполняющие функции прилагательных I и II склонения (притяжательные и определительные местоимения).
3. Слитные I и II склонения существительных и прилагательных.
4. III склонение существительных. Существительные с основами на сонорные

λ ρ ν

5. Прилагательные III склонение с основами на сонорные.
6. Praesens indicative medii et passivi.
7. Imperfectum indicativi medii et passivi.

Занятие 3- 6ч.

1. Существительные III склонения с основами на зубные, гортанные и губные согласные.

2. Существительные и прилагательные с основами на **ντ** и **σ.** Причастие и причастные обороты. Accusativus cum infinitivo genetivus absolutus.
3. Существительные III склонения с основой на гласные и дифтонги
ι υ ο/οι ω ευ αυ.

Занятие 4- 6ч.
1. Обзор прилагательных и степени их сравнения.
2. Числительные (порядковые и количественные).
3. Местоимения (личные, возвратные, притяжательные указательные,
4. относительные, вопросительные, неопределенные, взаимное местоимение).

Занятие 5- 6ч.
1. Неслитные глаголы на «ω». Основные функции наклонений. Спряжение неслитных глаголов в настоящем времени и имперфекте активного и медио-пассивного залогов. Синтаксические правила.
2. Спряжение слитных глаголов на «α, ε, ο» и в настоящем времени и имперфекте активного и медио-пассивного залогов. Особенности слияния гласных слитных глаголов при спряжении.
Синтаксические правила.
Согасование наклонений. Прямые и косвенные вопросы в вопросительных предложениях.

Занятие 6- 6ч.
1. Будущее I и аорист I активного и медиального залогов чистых глаголов. Значение будущего времени и аориста. Синтаксические правила.
2. Четыре класса нечистых глаголов с основой на согласный звук. Образование настоящего времени и имперфекта активного и медио-пассивного залогов у нечистых глаголов с основой на согласный звук.
3. Образование будущего I и аориста I активного и медиального залогов нечисых глаголов с основой на согласный звук: а) глаголы с основой на немые согласные (verba muta); в) глаголы с основой на плавные согласные (verba liquida). Синтаксические правила.

Занятие 7- 6ч.
1. Образование аориста 1(слабого) и будущего времени 1(слабого) пассивного залога чистых глаголов.
2. Образование аориста 1(слабого) и будущего времени 1(слабого) пассивного залога нечистых глаголов с основой на согласный звук: а) глаголы с основой на немые согласные (verba muta); в) глаголы с основой на плавные согласные (verba adiectiva verbalialiquida). Синтаксические правила.
3. Удвоение согласных и гласных звуков для образования перфекта, Плюсквамперфекта и футурум 3. Образование перфекта 1и Плюсквамперфекта 1 активного и медио-пассивного залогов чистых глаголов, а также futurum exactum 3 пассивного залога чистых глаголов.
4. Перфектум 1 и плюсквамперфектум 1активного и медио-пассивного залога нечистых глаголов с основами на согласные звуки: а) глаголы с основой

на немые согласные (verba muta); глаголы с основой на плавные согласные (vtrba liquida); Futurum exactum 3пассивного залога с основой на согласный звук. Синтаксические правила.

Занятие 8- 6ч.

1. Образование аориста 2 (сильного) активного, медиального и пассивного Залога. Примеры образования второго сильного аориста и образцы его спряжения в активном и медиальном залоге. Образование пассивного залога второго сильного аориста.
2. Наиболее употребительные глаголы, от которых образуется пассивный залог второго сильного аорист. Образование Futurum 2 пассивного залога и образец его спряжения. Корневой аорист. Основные формы наиболее употребительных глаголов, образующих корневой аорист и образцы их спряжения
3. Образование Perfectum 2 и Plusquamperfectum 2 активного и медио-пассивного залогов и образцы их спряжения. Отглагольные прилагательные (adiectiva verbalia).

Занятие 9- 6ч.

1. Глаголы второго спряжения на «μι». Глаголы с удвоением основы. Образование настоящего времени и имперфекта активного и медио-пассивного залога глаголов второго спряжения первого класса
2. Образование аориста активного и медиального залогов глаголов второго спряжения первого класса. Образование других времён глаголов второго спряжения первого класса и образцы их спряжения. Отложительные глаголы (verba deponentia). Синтаксические правила.
3. Недостаточные глаголы на «μι» первого класса и образцы их спряжения (части 1и 2). Синтаксические правила. Синтаксические обороты: Participium absolutum; независимый инфинитив; accusatives cum ifinitivo et genetivus absolutus.
4. Глаголы на (ν) νυμι второго спряжения второго класса и образцы их спряжения. Синтаксические правила. Неправильные глаголы первого спряжения 5-8 классов и образцы образования у них времён. Синтаксические правила.

Итого: общее количество часов аудиторных занятий – 144: из них:

Аудиторных занятий – 54ч.

Самостоятельная работа и выполнение заданий в соответствии с Программой под руководством преподавателя – 54ч.

Чтение, грамматический анализ и перевод текстов под руководством преподавателя – 36ч.

Акимов С.С.
Н.Новгород, НГЛУ

Курсы «Введение в научное изучение искусства» и «Научные методы изучения искусства» в системе подготовки будущих искусствоведов

К настоящему времени в Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова уже в течение десяти лет по вечерней форме обучения ведется подготовка студентов-искусствоведов. Благодаря организационным усилиям инициаторов создания этой специальности – декана факультета очно-заочного обучения доцента Ю.В. Воронкова и профессора В.М. Строгецкого – и привлечению к преподаванию ведущих нижегородских искусствоведов, среди которых должны быть в первую очередь отмечены опытный педагог, художественный критик и талантливый график кандидат педагогических наук Н.В. Квач и В.Н. Кривова, в течение 17 лет возглавлявшая Нижегородский государственный художественный музей, ВУЗ стал основным центром искусствоведческого образования в регионе (с недавнего времени обучение искусствоведов осуществляется также в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского).

Переход на обучение в системе «бакалавриат/магистратура» потребовал введения в учебный план в соответствии с государственным стандартом курсов «Введение в научное изучение искусства» и «Научные методы изучения искусства», призванных дать студентам базовые знания по методологии и методике научно-исследовательской работы в области искусствоведения. Автором настоящей статьи разработаны и реализуются публикуемые ниже программы этих курсов.

Обе дисциплины носят в равной степени мировоззренческую и практическую направленность. Их цель – на основе изучения истории и современного состояния искусствоведческой науки сформировать у студентов представления о специфике и общественной значимости выбранной ими профессии, о методологии искусствоведческого исследования, а также вооружить студентов конкретными методами изучения произведений искусства, художественно-исторического процесса, историографии истории искусства. В связи с этим первый курс сосредоточен на вопросах истории и методологии искусствознания, второй знакомит с методами экспертизы и атрибуции произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства, подходами к изучению истории искусства как эволюционного процесса, принципами и приемами историографических исследований в области истории искусства. Тем самым оба курса образуют единое целое, имея междисциплинарные связи с такими дисциплинами как «Введение в изучение изобразительного искусства», знакомящее студентов с базовыми категориями теории искусства, искусствоведческой терминологией и дающее навыки анализа произведений живописи, графики, скульптуры, «Декоративно-прикладное искусство», «Теория и история художественной

критики», «Актуальные проблемы теории искусства», дающие методологическую базу и практические умения в области работы с современными явлениями искусства. По итогам освоения курса «Введение…» предусмотрен экзамен в форме реферата по истории искусствознания. Такая форма контроля позволяет студентам расширить свои знания о развитии и современных тенденциях науки об искусстве, а также приобрести и закрепить умения в написании искусствоведческих текстов, на практике освоить те положения научной деятельности, о которых идет речь в ходе изучения дисциплины.

Что касается семинарских занятий, то их содержание связано с углублением и расширением знаний по изучаемой теме, работе с научной литературой, в т. ч. классическими трудами западных и российских историков искусства, при этом каждый студент получает, как правило, индивидуальное задание. Приводить в публикуемых программах эти задания вряд ли необходимо (это могло бы быть темой отдельной методической статьи) – каждый преподаватель сам разработает данную часть курса, сообразуясь с особенностями той аудитории, с которой работает.

Главные трудности в преподавании «Введения в научное изучение искусства» связаны с тем, что дисциплина читается на первом курсе, когда студенты еще не обладают знаниями по истории зарубежного и отечественного искусства, которые позволили бы им легко ориентироваться в проблемах развития и методологии искусствоведческой науки. В ходе изучения курса «Научные методы…», читающегося на втором году обучения, студенты НГЛУ, к сожалению, лишь теоретически знакомятся с современными лабораторными методами технико-технологических исследований предметов искусства, поскольку нет возможности практических занятий из-за отсутствия в Нижнем Новгороде оснащенных должным образом реставрационных мастерских и исследовательских лабораторий.

Интенсификация учебного процесса при переходе на бакалавриат, когда времени на то, чтобы дать студентам объем необходимых знаний и умений, стало на год меньше, настоятельно требует издания учебной литературы, содержащей рекомендации по оптимальным методикам освоения выбранной профессии, по самостоятельной работе и самообразованию, например, недавно переведенного на русский язык пособия Ксавье Барраль-и-Альтэ «Histoire de l'art», где речь идет не об истории искусства, а о том, как ее изучать[15] (содержащего, правда, ряд очевидных фактических неточностей), или замечательного пособия-практикума по истории искусства, подготовленного коллективом авторов из РГПУ им. А.Н. Герцена[16]. Студентам-искусствоведам НГЛУ важным подспорьем в этом плане стало пособие Н.В. Квач по написанию рефератов, курсовых и дипломных

[15] Барраль-и-Альтэ К. История искусства. Пер. с франц. Н.Ю. Лебедевой. М., АСТ, Астрель, 2009. – 192 с. Первое французское издание вышло в 1989г.

[16] Яковлева Н.А., Чаговец Т.П., Т.Ю. Дегтярева Практикум по истории изобразительного искусства. Учебно-методич. Пособие. М., Высшая школа, 2004. – 319 с.

работ[17]. Смеем надеяться, что публикуемые нами программы смогут оказать кому-либо из коллег практическую помощь в преподавании курсов, связанных с историей и методологией искусствознания.

ПРОГРАММА КУРСА «ВВЕДЕНИЕ В НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ИСКУССТВА»

1. Цель освоения дисциплины состоит в формировании у студентов представлений о специфике деятельности искусствоведа, профессиональной культуры научно-исследовательской работы в области искусствоведения на основе освоения общенаучной, гуманитарной и специальной искусствоведческой методологии и знакомства с главными этапами развития искусствоведческой мысли с древности до настоящего времени.

В ходе изучения дисциплины решаются следующие **задачи**:

1. освоение студентами основ общенаучной методологи и методологии гуманитарного познания, базовых принципов ведения научно-исследовательской деятельности и оформления ее результатов;

2. ознакомление студентов с системой наук, объектом исследования которых являются искусство в целом и пространственные искусства в частности, спецификой и структурой искусствоведческого знания;

3. изучение основных этапов эволюции философско-теоретического, исторического и практического знания об искусстве с древности до начала XX в. – времени становления современного научного искусствознания;

4. ознакомление с научным наследием ведущих зарубежных и российских школ современного искусствоведения, ведущих западных и отечественных ученых, анализ методологических концепций современной искусствоведческой науки;

5. формирование способности к самостоятельной познавательной и творческой деятельности, развитие творческого мышления, самостоятельности суждений, интереса к отечественному и мировому историческому наследию, его сохранению и преумножению.

2. Требования к уровню освоения содержания дисциплины. По итогам изучения курса студент должен знать основные принципы общенаучной методологии и методологии гуманитарных наук, законы научно-исследовательской деятельности в области теории и истории искусства; основные этапы развития искусствоведческой мысли с античности до настоящего времени; методологические и конкретно-научные достижения зарубежного и отечественного искусствознания конца XIX – XX вв.; уметь формулировать и аргументировано отстаивать собственную позицию по различным проблемам теории и истории искусства и художественной критики; владеть методологическими принципами изучения искусства, основанными на принципе историзма и других основополагающих принципах современных гуманитарных знаний.

---

[17] Квач Н.В. История и теория изобразительного искусства. Учебное пособие по подготовке рефератов, курсовых и дипломных работ. Нижний Новгород, НГЛУ, 2012. – 184 с. Рецензия на пособие: Акимов С.С. О новом учебном пособии для студентов-искусствоведов // Новые педагогические технологии. Материалы VII Международн. научно-практич. конф. М., 2012, с. 90-94.

3. Содержание дисциплины

Наука как деятельность, система знаний и социальный институт. Искусствоведение, его специфика, основные направления профессиональной деятельности искусствоведа. Искусствоведение как гуманитарная наука. Многообразие определений науки. Ее признаки. Функции науки. Структура и содержание научно-исследовательской деятельности. Научное знание, его критерии и структура. Наука как социальный институт. Понятие методологии науки, состав и уровни методологического знания. Проблема классификации наук. Специфика гуманитарного познания.

Искусствоведение в системе наук об искусстве.

Искусство как объект научного познания. Система наук об искусстве (эстетика, философия искусства, социология искусства, психология искусства, их проблемные поля). Искусствоведение, его структура, задачи и возможности. Специфика и ключевые методологические проблемы теории искусства, истории искусства, художественной критики. Восприятие искусства и знание об искусстве. Проблема демаркации научного и вненаучного знания в искусствоведении. Профессия искусствоведа: направления деятельности и профессиональные компетенции. Организационные формы искусствоведческой науки на современном этапе.

Основные этапы развития искусствоведческой мысли с древности до XX в. Философское знание об искусстве в Древней Греции (Платон, Аристотель), сведения о несохранившихся теоретических трактатах скульпторов и художников, жанр описания достопримечательностей (Павсаний). Теория и история искусства в Древнем Риме: «Естественная история» Плиния Старшего, «Десять книг об архитектуре» Витрувия. Богословие как основа эстетических учений средневековой Европы, Византии и Руси. Развитие теории искусства в эпоху Возрождения: сочинения Л. Гиберти, Л.Б. Альберти, Пьеро делла Франческа, Леонардо да Винчи, А. Дюрера. Дж. Вазари и его «Жизнеописания…» как саморефлексия ренессансной культуры и начальная стадия формирования истории искусства как особой области знания. Полемика вокруг барокко, классицизма и академизма в Европе XVII в. И.И. Винкельман и становление научной истории искусства в его трудах об античном искусстве. Развитие истории исторических знаний об искусстве в Европе и России XIX в., культурно-историческая школа в искусствоведении. Основные направления европейского искусствознания рубежа XIX-XX вв., общая характеристика.

4. Распределение часов по видам занятий [18].

№	Тема разделов	Всего часов	Аудиторных	Лекции	Семинары	Самост. работа
1.	Наука как деятельность, система знаний и социальный институт	24	4	2	2	20
2.	Искусствоведение в системе наук об искусстве	24	4	2	2	20

[18] На факультете очно-заочного обучения НГЛУ учебный процесс организован по блокам, включающим пять 4-х- или 5-часовых (4 или 5 недель с аудиторными занятиями по субботам или воскресеньям) занятий с зачетом или экзаменом на 6-м занятии. Данный курс рассчитан на один такой учебный блок.

3.	Основные этапы развития искусствоведческой мысли	60	8	4	4	52
	Экзамен	36[5]				
	Итого	**144**	**16**	**8**	**8**	**92**

5. Темы экзаменационных работ по курсу

1. Философское и практическое знание об искусстве в античной Греции.
2. Теория и история искусства и архитектуры в Древнем Риме.
3. Византийская литература по проблемам искусства.
4. Знания о пространственных искусствах в средневековой Европе.
5. Теория искусства в Италии первой половины XV в.: сочинения Ч. Ченнини и Л. Гиберти.
6. Теоретические труды Л.Б. Альберти.
7. Дж. Вазари и жанр жизнеописания художников как начальная форма истории искусства.
8. Художественная теория европейского барокко.
9. Художественная теория европейского классицизма.
10. И.И. Винкельман – основоположник научной истории античного искусства.
11. Культурно-историческое направление в европейском искусствознании XIX в.
12. Формальная школа в европейском искусствоведении рубежа XIX-XX вв. А. Ригль и Г. Вельфлин.
13. Методология М. Дворжака в контексте эволюции венской школы истории искусства.
14. Иконологическая школа. А. Варбург и Э. Панофский.
15. Знания об искусстве в Древней Руси.
16. Теория и история искусства в России XVIII – первой половины XIX в.
17. Изучение византийского и древнерусского искусства в России XIX в. Ф.И. Буслаев, Н.П. Кондаков, Д.В. Айналов.
18. Художественные музеи в России на рубеже XIX-XX вв. Практика и развитие теории музейного дела.
19. Становление и развитие отечественного искусствоведения в начале XXв.
20. Методологические дискуссии в советском искусствознании 1920-х гг.
21. Советское искусствоведение 1940-1980-х гг. Основные тенденции и крупнейшие имена.
22. Б.Р. Виппер – исследователь классического западноевропейского искусства.
23. В.Н. Лазарев и его труды по истории византийского, итальянского и древнерусского искусства.
24. А.Д. Чегодаев и его труды по европейскому и американскому искусству Нового времени.

22. Основные направления развития искусствознания на Западе и в России на современном этапе.

Требования к работе. Работа должна состоять из следующих разделов: введение, основная часть, заключение, оформленный по алфавиту список использованной литературы. Введение должно включать обоснование актуальности выбранной темы, формулировку цели и задач работы, краткий историографический обзор по теме. Основная часть работы представляет собой логически последовательное, структурированное, снабженное библиографическими ссылками изложение выбранной темы и должна содержать не только пересказ взглядов того или иного искусствоведа, но также анализ этих взглядов и оценку места ученого в развитии искусствоведческой науки. Если работа посвящена личности и наследию конкретного теоретика или историка искусства, то необходимо не только осветить специфику его взглядов и их значение для науки, но и показать их связь с предшествующей традицией искусствоведческой мысли, а также сопоставить их со взглядами современников. В заключении необходимо изложить итоговые выводы. Объем работы должен составлять 15-20 страниц, набранных шрифтом 14 с интервалом 1,5. Сноски постраничные, автоматические, нумерация сквозная. Критериями оценки являются полнота и логичность раскрытия темы, точность изложения фактического материала, обоснованность сделанных выводов, грамотность речи, правильное использование искусствоведческих терминов, соответствие текста правилам оформления.

6. Литература по курсу

Основная литература

1. Арсланов В.Г. История западного искусствознания XX в. М., 2003.

2. Базен Ж. История истории искусства от Вазари до наших дней. Пер. с фр. М., 1994.

3. Бучило Н.Ф., Исаев И.А. История и философия науки. Уч. пособие. М., 2012.

4. Ванслов В.В. Искусствознание и критика. Методологические основы и творческие проблемы. М., 1988.

5. История европейского искусствознания. От античности до конца XVIII в. Отв. ред. Б.Р. Виппер, Т.Н. Ливанова. М., 1963.

6. История европейского искусствознания. Первая половина XIX в. Отв. ред. Б.Р. Виппер, Т.Н. Ливанова. М., 1965.

7. История европейского искусствознания. Вторая половина XIX – начало XX в. Кн. 1-2. Отв. ред. Б.Р. Виппер, Т.Н. Ливанова. М., 1969.

8. Лебедев С.А. Современная философия науки. Дидактические схемы и словарь. М. – Воронеж, 2010.

9. Прокофьев В.Н. Художественная критика – история искусства – теория общего художественного процесса: их специфика и проблемы взаимодействия в пределах искусствоведения // Советское искусствознание’77. Вып. 2. М., 1978. (Переиздано: Прокофьев В.Н. Об искусстве и искусствознании. Статьи разных лет. М., 1985).

10. Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004.

11. Рузавин Г.И. Методология научного исследования. М., 1999.

Дополнительная литература

1. Акимов С.С. Методология Макса Дворжака и российское искусствознание // Перспективы возрождения и модернизации России – от Н.А.Добролюбова до наших дней. Сб. докладов Международн. научн. конф. XXXVI Добролюбовские чтения. Нижний Новгород, 2012.

2. Философия социальных и гуманитарных наук. Под общ. ред. С.А. Лебедева. 2-е изд. М., 2008.

3. Бернштейн Б.М. История искусств и художественная критика // Советское искусствознание'73. М., 1974.

4. Ванслов В.В. О профессии искусствоведа // Ванслов В.В. Искусство и красота. Статьи по общей теории искусства. М., 2006, с. 220-275.

5.Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М., 1986.

6. Гершензон-Чегодаева Н.М. Теории развития искусства в западноевропейском искусствознании 1900-1940 гг. // Современное искусствознание за рубежом. Очерки. М., 1964, с. 40-61.

7. Гращенков В.Н. История и историки искусства. Статьи разных лет. М., 2005.

8. Ильина Т.В. К вопросу о историографии русского искусства XVIII в. // Проблемы историографии и источниковедения отечественной и всеобщей истории / Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 4. Л., 1978, с. 93-101.

9. Каган М.С. Художественная критика и научное изучение искусства // Каган М.С. Искусствознание и художественная критика. Избранные статьи. Спб., 2001, с. 105-129.

10. Кызласова И.Л. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920-1930-е годы. По материалам архивов. М., 2000.

11. Лазарев В.Н. О методологии современного искусствознания // Критерии и суждения в искусствознании. Сб. ст. М., 1986, с. 91-95.

12. Никитина И.П. Философия искусства. Уч. пособие. М., 2010.

13. Свидерская М.И. Из истории искусствознания // Свидерская М.И. Пространственные искусства в западноевропейской художественной культуре XIII-XIX вв. М., 2010, с. 677-720.

Классика зарубежного искусствоведения XX в.

1. Вельфлин Г. Классическое искусство. Спб., 1997.

2. Вельфлин Г. Основные понятия истории искусства. Проблема эволюции стиля в новом искусстве. М., 2009.

3. Вельфлин Г. Ренессанс и барокко. Спб., 2004.

4. Дворжак М. История искусства как история духа. Спб., 2001.

5. Дворжак М. История итальянского искусства в эпоху Возрождения. Т. 1-2. М., 1978.

6. Зедльмайр Г. Искусство и истина. М., 1999.

7. Лонги Р. От Чимабуэ до Моранди. М., 1984.

8. Панофский Э. Перспектива как «символическая форма». Готическая архитектура и схоластика. Спб., 2004.

9. Панофский Э. Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. Спб., 2006.

10. Панофский Э. Смысл и толкование изобразительного искусства. Спб., 1999.

ПРОГРАММА КУРСА «НАУЧНЫЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСКУССТВА»

1. Цель изучения дисциплины – познакомить студентов-искусствоведов с основными методами исследования произведений изобразительного искусства, художественно-исторического процесса и принципами историографии в области истории искусства.

В ходе изучения дисциплины решаются следующие задачи:

1. расширение и закрепление усвоенных студентами ранее (курс «Введение в научное изучение искусства») основ общенаучной методологи и методологии гуманитарного познания, базовых принципов ведения научно-исследовательской деятельности;

2. расширение знаний студентов о системе наук, объектом исследования которых являются искусство в целом и пространственные искусства в частности, специфике и структуре искусствоведческого знания, его методологии;

3. ознакомление с основными современными методами изучения произведений изобразительного искусства, в т.ч. лабораторными технико-технологическими исследованиями, теорией и методикой атрибуции памятников изобразительного искусства;

4. ознакомление с научным наследием ведущих зарубежных и российских школ современного искусствоведения и освоение основополагающих принципов изучения художественно-исторического процесса, а также принципов историографических исследований в области теории и истории искусства;

5. формирование способности к самостоятельной познавательной и творческой деятельности, развитие творческого мышления, самостоятельности суждений, интереса к отечественному и мировому историческому наследию, его сохранению и преумножению.

2. Требования к уровню освоения содержания дисциплины. По итогам изучения курса студент должен знать методологическую базу современной науки об искусстве; теоретико-методологические основания образно-стилистического анализа произведений искусства как базового метода искусствоведческого исследования; специфику, задачи и возможности современных лабораторных методов технико-технологического исследования памятников изобразительного искусства, теоретические основы экспертизы и атрибуции, принципы и методику историографических исследований в области теории и истории искусства; уметь использовать в исследовательской деятельности информацию, предоставляемую о произведении искусства современными специальными лабораторными методами исследования; владеть методикой образно-стилистического анализа как базового метода искусствоведческого исследования.

3. Содержание дисциплины

Методология современного искусствознания. Структура, содержание и особенности научно-исследовательской деятельности в искусствоведении. Основные этапы развития искусствоведческой мысли от античности до настоящего времени (повторение изученного ранее). Основные направления европейского искусствознания рубежа XIX-XX вв.: А. Ригль и венская школа, Г. Вельфлин и формальная школа, духовно-исторический метод М. Дворжака, иконология А. Варбурга и Э. Панофского. Российское искусствознание в XX в.: методологические поиски, достижения, проблемы.

Образно-стилистический анализ как базовый метод искусствоведческого исследования. Произведение как образно-пластическая целостность. Художественный образ и средства его воплощения в пространственных искусствах. Историко-культурный контекст создания произведения и его роль в понимании авторского замысла. Восприятие и интерпретация. Их отношение к научному знанию об искусстве. Практические приемы образно-стилистического анализа. Эволюция методологических подходов к образно-стилистическому анализу.

Технико-технологические исследования произведений искусства. Понятие об экспертизе и атрибуции предметов искусства, их теоретико-методологические основы. Атрибуция по стилистическим признакам. Технико-технологические исследования, их задачи и возможности. Визуальное обследование произведений живописи и графики. Лабораторные методы исследования живописи и графики: рентгенография, специальная фотосъемка, микрохимический анализ, эмиссионный микроспектральный анализ.

Изучение художественно-исторического процесса. Основные направления и подходы в западной и отечественной науке. Роль письменных источников в познании истории искусства, некоторые приемы работы с данным видом источников.

Историографические исследования в области истории искусства. Методологические принципы и практические приемы историографического исследования.

4. Распределение часов по видам занятий [19].

№	Тема разделов	Всего часов	Аудиторных	Лекции	Семинары	Самост. работа
1	Методология современного искусствознания	11	4	2	2	7
2	Образно-стилистический анализ как базовый метод искусствоведческого исследования	14	4	1	3	10

[19] На факультете очно-заочного обучения НГЛУ учебный процесс организован по блокам, включающим пять 4-х- или 5-часовых (4 или 5 недель с аудиторными занятиями по субботам или воскресеньям) занятий с зачетом или экзаменом на 6-м занятии. Данный курс рассчитан на один такой учебный блок.

3	Технико-технологические исследования произведений искусства	14	4	2	2	10
4	Изучение художественно-исторического процесса	19	4	2	2	15
5	Историографические исследования в области истории искусства	14	4	2	2	10
	Экзамен.	36[7].				
	Итого	108	20	9	11	52

Брагова А.М.,
Нижний Новгород, НГЛУ

Разнообразие упражнений на занятиях древними языками (латынью) как фактор повышения эффективности обучения

Разнообразие упражнений при обучении иностранным языкам принимается в расчет во многих научных исследованиях, связанных с преподаванием живых языков.[20] Так, С.Ф. Шатилов указывает на то, что «овладение речевой деятельностью на иностранном языке…возможно только в процессе выполнения разнообразных упражнений».[21] Вопрос о разнообразии упражнений при обучении древним языкам (латыни) рассматривается лишь в немногих работах.[22] Например, Н.С. Гринбаум отмечает, что «усилению мыслительного процесса во время занятий способствует разнообразие упражнений»,[23] но дальше этого утверждения автор не идет: им не предложено какой-либо системы упражнений. Серьезный вклад в составление системы упражнений по латинскому языку внесен Н.Л.

[20] Методика обучения иностранным языкам в средней школе: Учебник / Гез Н.И., Ляховицкий М. В., Миролюбов А. А. и др. М., 1982. С. 168—172, 192—193, 210—213, 234—239; Шатилов С. Ф. Методика обучения немецкому языку в средней школе: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». М., 1986. С. 55—61; Методика преподавания иностранных языков: общий курс: [учеб. пособие] / отв. ред. А. Н. Шамов. М., 2008. С. 66—76; Сосенко Э. Ю. Коммуникативные подготовительные упражнения. М., 1979 и др.

[21] Шатилов С. Ф. Указ. соч. С. 60.

[22] Кацман Н. Л. Система упражнений по латинскому языку // Обучение иностранным языкам в высшей школе. Сборник научных трудов № 6/11. М., 1972. С. 93—105; она же. Теоретическое обоснование системы учебных пособий по латинскому языку с использованием технических средств (для языковых вузов). Автореф. на соиск. уч. ст. к.пед.н. М., 1975. С. 20—28; Гринбаум Н. С. Взгляд в античность. Varia. СПб., 2010. С. 303.

[23] Гринбаум Н. С. Указ. соч. С. 303.

Кацман. Автор пишет, что «упражнения…должны быть разнообразными по структуре и способам выполнения».[24] Наряду с упражнениями на склонение, спряжение и перевод текстов в ее работах и учебниках можно встретить подстановочные, трансформационные упражнения, упражнения, основанные на множественном выборе и на нахождении соответствий, а также разгадывание кроссвордов как вид упражнений. Однако современная методика преподавания иностранных языков (в частности, зарубежная) не стоит на месте, и в последнее время появилось много новых упражнений, например, упражнения на исправление ошибок в утверждениях по тексту, на определение правдивости / ложности утверждений. Кроме того, чаще стоит использовать такие традиционные упражнения, как вопросы к тексту или упражнения на перевод с родного языка на древний (последние были весьма популярны в преподавании древних языков в XIX веке). Также необходимо внедрять в практику преподавания комплексы лексико-грамматических упражнений к связным текстам. Такие комплексы упражнений широко используются при работе с живыми языками, но не с древними. Вместе с тем такие упражнения в случае с древними языками особенно необходимы, потому что при изучении древних языков на основе грамматико-переводного метода единственным видом речевой деятельности является чтение.[25] Однако, несмотря на ограниченность видов речевой деятельности, остается простор для выбора упражнений. Так, при подготовке к чтению и переводу текстов обучающиеся выполняют упражнения на фонетику, грамматику (морфологию и синтаксис) и лексику. Таким образом, упражнения могут быть направлены как на умение читать и переводить, так и на формирование фонетических, грамматических и лексических навыков.[26]

Среди фонетических упражнений можно выделить упражнения в слушании и упражнения в воспроизведении. «Эти две группы тесно связаны друг с другом, и они обе необходимы для развития как слуховых, так и произносительных навыков».[27] Кроме того, оправданны упражнения на множественный выбор, поскольку позволяют экономить время.[28] Можно использовать упражнения на

---

[24] Кацман Н. Л. Система упражнений по латинскому языку… С. 93.

[25] Мы основываем свои рассуждения о видах речевой деятельности, исходя из использования грамматико-переводного метода, т. к. считаем такой метод единственно приемлемым при изучении мертвых языков. Поскольку носителей древних языков не осталось, нет смысла использовать на занятиях говорение и аудирование. Что касается письма, то такой вид речевой деятельности возможен, но лишь на продвинутом этапе овладения языком, достижение которого едва возможно из-за малого количества часов, отводимых на изучение древних языков как в школе, так и в вузе.

[26] Об упражнениях при обучении латыни см.: Брагова А. М. Лингвистическая интерференция и способы ее преодоления при чтении и переводе латинской прозы // Вестник НГЛУ. Н.Новгород, 2012. С. 188—197; она же. Система упражнений для обучения студентов-лингвистов чтению и переводу латинских текстов // Классическая филология: Материалы секции XLI Международной филологической конференции, 26—30 марта 2012 г., Санкт-Петербург. СПб., 2012. С. 19 – 25.

[27] Методика обучения иностранным языкам…С. 168.

[28] Например, дано слово Thermopylae и варианты ответов, один из которых правильный: a) [termópil□] b) [thermopíl□] c) [termopulái].

группировку слов на определенное правило чтения и ударения. Эффективны всевозможные конкурсы, например, мини-конкурс с заданием быстро и без ошибок прочитать фразу или предложение или фонетический конкурс с несколькими заданиями.

Среди грамматических упражнений можно выделить упражнения на морфолого-синтаксический анализ слов и их группировку,[29] подстановочные,[30] трансформационные,[31] упражнения на множественный выбор,[32] на исправление ошибок,[33] на нахождение соответствий,[34] на перевод с русского языка на древний и наоборот,[35] причем некоторые из данных грамматических упражнений могут использоваться в составе комплекса упражнений к связному тексту.[36]

---

[29] Это традиционный вид упражнений. Например, в предложении *Aquilam volare doces* глагол *doces* употреблен в *praesens indicativi activi*, *persona secunda, singularis* и является сказуемым.

[30] Например, задание согласовать причастия с существительными»: *librō lect_; puellā lectūr_*(к этому см.: Брагова А. М. Неличные формы латинского глагола / Учебно-методическое пособие для студентов. Нижний Новгород: НГЛУ, 2006. С. 20).

[31] Например, морфологические трансформации с заданием заполнить таблицу, заменив *praesens conjunctivi* глаголов на *imperfectum conjunctivi*, при этом сохранив лицо и число: *vinc**a**s – vincĕ**re**s* (см.: Брагова А. М. Латинский конъюнктив: значение, образование и употребление / Учебно-методическое пособие для студентов. Нижний Новгород, 2010. С. 15); синтаксические трансформации с заданием преобразовать сложноподчиненные предложения в простые, осложненные оборотом *participuim conjunctum*, и перевести их на русский язык»: *Puellă,* ***quae carmen lĕgit****, meă amică est.* → *Puellă,* ***carmen legens****, meă amică est.* (см.: Брагова А. М. Неличные формы… С. 30).

[32] Например, задание выбрать третий лишний: *a. optāt b. optēt c. optāvit* (к этому см.: Брагова А. М. Латинский конъюнктив…С. 16—18, 51—61).

[33] Например, задание найти ошибку и исправить ее»: *Caesar in Galliam venisti.*

[34] Например, задание сопоставить существительные с прилагательных и найти существительному “пару”: *puellă, amīcos, dentium, visu, rebus* → *bono, felīces, aegrotōrum, sapiens, incertis.*

[35] Например, переводное упражнение в форме множественного выбора с заданием выбрать правильный перевод глагола: «Ты бы выучил» *a.docuisti b. docuisses c. docuĕras* (к этому см.: Брагова А. М. Латинский конъюнктив…С. 20). Об эффективности переводных упражнений см.: Жбанова С. К. Упражнения в переводе с родного языка как наиболее эффективный путь усвоения лексики до рецептивного уровня владения // Проблемы обучения иностранным языкам. Том XIV. Вопросы методики обучения иноязычному языковому материалу в школе. Владимир, 1978. С. 152—166; Сергеенко М. Е. Преподавание латинского языка в вузе // Вестник высшей школы, 1940. № 15. С. 15.

[36] Например, грамматическое задание сделать морфолого-синтаксический разбор глаголов в конъюнктиве, входящее в состав лексико-грамматических упражнений к тексту «*De Helvetiis*» (к этому см.: Брагова А. М. Латинский конъюнктив…С. 23—24).

Для формирования лексических навыков используются лексико-семантические[37] упражнения, которые могут включать в себя упражнения на лексико-семантический анализ предложения,[38] подстановочные упражнения,[39] упражнения на нахождение соответствий,[40] трансформационные упражнения,[41] упражнения на множественный выбор,[42] упражнения на исправление ошибок,[43] упражнения на перевод с русского языка на древний, лексико-семантические упражнения в составе комплексной работы над связным текстом,[44] лексико-семантические игры для работы над изученной лексикой.[45]

---

[37] Поскольку лексика – это словарный состав языка, а семантика – это значения единиц языка, то при работе с новой лексикой могут использоваться как лексические упражнения, то есть направленные на усвоение лексических единиц в целом и на запоминание их основного значения, так и семантические, т.е. направленные на усвоение конкретного значения конкретной лексической единицы внутри конкретного устойчивого выражения. Например, обучающимся может быть предложено лексическое упражнение на определение значения слова *animus, animi m* и вместе с тем семантическое упражнение на определение значения фразеологического единства *in animo habere 2*, в составе которого имеется слово *animus* (об этом см.: Брагова А. М. Система упражнений для обучения студентов-лингвистов чтению и переводу латинских текстов…С. 21).

[38] Т. е. подбор правильного перевода слова из представленных в словаре и на основе контекста.

[39] Например, задание выбрать подходящее по смыслу слово и вставить в предложение»: ____ *(lupam, ululam, bovem) Athenas ferre.*

[40] Например, сопоставление латинских слов и их перевода: *struere, venire, cognoscere, dare, agere* → «давать», «приходить», «строить», «делать», «узнавать».

[41] Например, задание изменить предложение так, чтобы значение сослагательного наклонения было связано не с настоящим или будущим, а с прошлым: *Utĭnam amīcus meus librum* ***lĕgĕret****!* О если бы мой друг прочел эту книгу! (= он не прочел ее в настоящем) → *Utĭnam amīcus meus librum* ***lēgisset****!* О если бы мой друг прочел эту книгу! (= но он не прочел ее в прошлом) (к этому см.: Брагова А. М. Латинский конъюнктив…С. 22—23).

[42] Например, задание выбрать правильный перевод слова из трех предложенных: *amīcus* → «друг», «раб», «волк».

[43] Например, задание найти ошибку и исправить ее: *Marcus Tullius Cicĕro servus fuit.*

[44] Например, задания определить, верны (*verum*) или не верны (*non verum*) следующие утверждения, ответить на вопросы по тексту, определить значение конъюнктива и др. (к этому см.: Брагова А. М. Латинский конъюнктив…С. 23—24). В отношении комплекса заданий к связному тексту хотелось бы привести в пример идеи профессоров И. М. Бермана и В. А. Бухбиндера, которые предлагают следующие виды заданий к текстам для чтения элементарного уровня: «Найти и выделить в тексте предложения, являющиеся ответом на поставленные вопросы», «Найти в тексте предложения, являющиеся эквивалентом предложений, заданных на русском языке» и др. (к этому см.: Очерки методики обучения чтению на иностранных языках / под ред. И. М. Бермана и В. А. Бухбиндера. Киев, 1977. С. 156).

[45] Например, игра «Лексическое лото», которая может быть использована для работы с лексическими дериватами в новых языках. Суть игры состоит в том, что обучающимся раздают карточки с дериватами, и они сбрасывают те карточки, на которых написаны дериваты заявленного слова из древнего языка. За ошибочный дериват обучающемуся начисляют штрафные баллы, а карточка с дериватом, который не был вовремя предъявлен, остается с игроком до конца игры. Игра заканчивается, когда все игроки остались без карточек или с карточками, которые они не использовали по незнанию. Победителями считаются те, кто остался без карточек и штрафных фишек (к этому см.: Сажинова З. З. Использование лексического лото на занятиях латинского языка в филологическом вузе как средство

Что касается стилистических упражнений, то они намеренно не приводятся в данной статье из-за их второстепенности. По нашему убеждению, знакомство со стилистикой латинского языка должно быть *ad hoc*. По мере того, как встречаются тропы, стилистические фигуры, примеры синтаксической или лексической стилистики, преподаватель их комментирует, и этого на элементарном уровне владения языком обучающимися вполне достаточно.

Таким образом, для повышения эффективности обучения древним языкам (латыни) необходимо использовать все возможности, предоставленные методикой обучения иностранных языков как наукой. Главным инструментом освоения иностранного языка в современных условиях является «специально организованное в учебных условиях одно- или много разовое выполнение отдельной или ряда операций»,[46] т. е. упражнение. Немаловажной для сохранения заинтересованности обучающихся является смена видов речевой деятельности, однако при обучении древним языкам, когда вид речевой деятельности, как правило, один – чтение, большое значение приобретает разнообразие упражнений. В последние несколько десятилетий список упражнений пополнился: появились упражнения на определение правдивости / ложности высказываний, на исправление ошибок, комплексы упражнений к связному тексту. Хотелось бы использовать весь арсенал существующих упражнений не только при обучении живых, но и при обучении древних языков.

Малышева Е.А.
преподаватель Городецкой гимназии А. Невского

Интеллектуальная игра «Что? Где? Когда?» Для 6-7 классов.

Интересный вариант игры: **Учителя против Учеников**. За игровым столом сидят одна или 2 команды учеников. (Если команды две, то по жребию определяется команда, которая будет отвечать первой, вторая команда тоже дает свой ответ прежде, чем ведущий озвучит ответ правильный. Если правильный ответ дает команда, которая по жребию должна отвечать, то ей присуждается очко, если правильный ответ у команды соперника, то им присуждается полминуты дополнительного обсуждения.) Вопросы озвучиваются от имени того учителя, который ведет предмет. В победившей команде участниками выбирается лучший игрок.(рефлексия)

развивающего обучения // Лингвистические исследования и методика преподавания иностранных языков (Тезисы докладов межвузовской конференции молодых ученых). Иркутск, 1997. С. 102—104).

[46] Шатилов С. Ф. Методика обучения немецкому языку…С. 55.

Английский язык

Вы в Англии. Вам нужно зайти в магазин. Конечно же, вы знаете правила этикета и подождали, пока люди выйдут, чтобы не столкнуться в дверях. Вот вы сделали шаг, и увидели, что еще один англичанин стоит перед выходом из магазина. Он заметил ваше секундное замешательство по этому поводу …

Вопрос: *Назовите слово, которое он произнесет. Объясните, почему именно это слово сказал бы англичанин?*

Ответ: *извинится: I'm sorry! . Англичане извиняются по любому поводу, даже если ничего серьезного не сделали.*

Английский язык

Представьте, что вы в Англии. Вам нужно добраться как можно скорее до определенного места. Для этого, без сомнения, вы выберете метро. Вот вы вошли в вагон и увидели, что кто-то оставил этот предмет. Вы, конечно же, на время путешествия возьмете его в руки. Но, когда доберетесь до нужной станции, вам нужно будет его оставить.

Вопрос: *Назовите предмет, лежащий в черном ящике.*

Ответ: *newspapers-газеты. Таким образом, газета за день меняет не одного владельца.*

Музыка

Очень часто музыкальное произведение рождает какую-то ассоциацию, которая потом принимается многими. Давайте послушаем музыку.

«Свет в грусти или грусть в свете» - это можно сказать не только об авторе этого произведения, но и о самом произведении.

Вопрос: *назовите произведение, услышанное вами и его автора*.

Ответ: (*В.А. Моцарт Симфония № 40, 1 часть*)

Музыка

О главной теме этого произведения говорят: «Это Судьба стучит в дверь!» Внимание: музыка.

Жизнь этого композитора была борьбой с самого рождения и до конца дней: преодоление жизненных трудностей, неразделенные чувства, глухота…

Вопрос: назовите произведение, услышанное вами и его автора.

Ответ: (Л. Ван Бетховен Симфония №5, 1 часть)

ОБЖ

…Ударяя огнивом по кремню, высекайте искры. Трут расположите так, чтобы искры падали на него. Как только трут начнет тлеть, аккуратно раздувайте его ...

Вопрос: Объясните, для чего вы проделываете эти действия. Какими предметами в быту могли бы вы сократить время, чтобы получить тот же результат?

Ответ: Добываем огонь. Спички, зажигалка.

ОБЖ

Вопрос: Правильно решив ребус, вы ответите, как называются химические препараты против кровососущих насекомых, мух, клещей.

Ответ: Репелленты

Русский язык

Опыт спряжения

- Эх вы, разве так надо спрягаться? Я б вам показал, только у меня нет времени.
- Время мы тебе найдем. Какое тебе лучше настоящее или прошедшее?
-Мне лучше будущее. Да не забудьте про Вспомогательный Глагол: такие дела не делают без помощников.
Дали ему Вспомогательный Глагол.
Спрягается Вспомогательный глагол, только окончания мелькают. А он и буквой не пошевеливает.

Вопрос: *О какой глагольной форме идет здесь речь. Каковы ее морфологические особенности?*
Ответ*: Неопределенная форма глагола(инфинитив), морфологические особенности- неизменяемость*

Русский язык

-Ты кто? – отрывисто спросил крючок. А Палка, как будто ее толкнули под бока, закричал во весь голос:
-Ох! Ах! Ох, ох! Ах, ах!
-Я ученик четвертого класса.
-Фамилия? Имя?- допрашивал Крючок.
-Перестукин Виктор,- ответил я как на перекличке.
Если бы видели, что стало с Палкой!
-Ох! Ах! Увы! Тот самый! Ох! Ах! Увы!-
Без передышки выкрикивал он минут пятнадцать подряд.

Вопрос: *Кто эти палка и крючок? Назовите правильно характеристики предложений, которые показывают на необходимость в них этих самых крючка или палки.*
Ответ*: Восклицательный и вопросительные знаки. Предложение по цели высказывания – вопросительное; по эмоциональной окраске(по интонации) восклицательное*

Медицина

Утром я решила собрать с грядки зелень на салат. Пришла в огород, вокруг тишина и только слышно, как пчёлки жужжат и комарики пищат. Я нагнулась за петрушкой и вдруг почувствовала жгучую боль в кисти руки, я увидела чёрную точку, вокруг, которой стала появляться опухоль.

Вопрос: Что со мной произошло? Какую помощь мне необходимо оказать?

Ответ: Укус пчелы. Положить на место укуса нарезанную петрушку.

Медицина

В летний воскресный день я пошла на пляж. Солнце уже было почти в зените и мне так хотелось скорей упасть на песок, спустя 30 минут кожа моя покраснела, стала болезненной, появилась головная боль.

Вопрос: Что произошло и какие должны быть мои действия.

Ответ: Солнечный удар. Наложить на голову салфетку, смоченную водой, смазать кожу кремом от загара, сметаной, кефиром.

Литература

В 1781 году это произведение называлось « Сказка о корчаге, в которой золу содержат»

В 1825 г. Оно вышло пол названием « Сандрильона или Замарашка»

В издании 1845 года она называется «Чумичкой»

И только в 1847 году обретает привычное нам название.

Вопрос: Какое название носит это произведение? Кто его автор?

Ответ: «Золушка» Шарль Перро

Чумичка - большая ложка.

Сандрильона - Золушка

Корчага - сосуд наподобие горшка.

Литература

В черном ящике находится то, что чуть было не лишило наследницы одного из царей в известной сказке.

Этим предметом воспользовалась другая героиня, желающая узнать судьбу своего суженого.

Часть этого предмета чуть было не сделала бессердечным еще одного героя, но самоотверженность его сестры спасла его.

Вопрос: Назовите предмет, который лежит в черном ящике, а также имена тех, героев, о которых идет речь в вопросе.

Ответ: зеркало, царевна и царица (Пушкин А.С. « Сказка о мертвой царевне…»), Светлана (Жуковский «Светлана»), Кай и Герда (Г. Андерсен «Снежная королева»).

География

Вы знаете, что море – это часть мирового океана, это водоём отделённый от океана сушей, островами или лежащий в котловине дна океана.

Вопрос: Какое море не отделено от океана ни сушей, ни островами, ни рельефом дна? Единственная особенность этого водоема – это его флора.

Ответ: (Саргассово море (водоросль саргассум, саргасс), Атлантический океан)

Биология

В некотором царстве, в некотором государстве… Так начинаются многие сказки…

Вопрос: Расскажите нам биологическую сказку-быль о жителях одного биологического царства, которых вы видите на экране. (Увеличение в 600 раз)

Ответ: (Царство «Бактерии». Они не имеют ядра, микроскопические, в виде шариков – кокки, в виде палочек – бациллы)

Интеллектуальная игра «Умники и Умницы» по произведениям А.С. Пушкина для 6-8 классов

Для участия в игре необходимо внимательно прочитать все «Повести Белкина» А.С. Пушкина.

В игре 3 тура: в каждом три участника, которые выбирают- зеленую дорожку, на которой можно дважды ошибаться(4 вопроса); желтую, где допускается только одна ошибка(3 вопроса); красную – ошибаться нельзя(2 вопроса).

Вопросы под номерами представлены на табло сразу все, участники называют цифру, а ведущий озвучивает этот вопрос. Если участник не может дать ответ, то его задают залу «теоретикам», которые, отвечая на вопросы, и зарабатывая ордены, могут стать победителями, если таковых не окажется на дорожках.

Розыгрыш дорожек. Необходимо продолжить фразу*: «Каждый русский человек знает и любит Пушкина, потому что…»*

Ареопаг *(жюри) называет более интересное рассуждение, этот участник первый выбирает дорожку*

Вопросы для игры

1.Он выписан как романтический герой. Это подтверждает его портрет: «его обыкновенная угрюмость, крутой нрав и злой язык имели сильное влияние на молодые наши умы». Сильвио отличается от офицеров, окружающих его, выделяется из общей массы. Ему около тридцати пяти лет, и он, по меркам

обычных людей, ведет странный образ жизни. Не являясь военным, общается только с ними, живет расточительно и скудно одновременно.

Назовите его **(Сильвио)**

2.У Сильвио была одна черта, которую можно назвать талантом и за которую Вас так уважали молодые офицеры. Расскажите нам об этом таланте.

(«Я виртуозно стрелял, всегда, из любого положения, попадая в цель»)

3.Право первого выстрела выпало сопернику Сильвио. Он прицелился и попал ему в фуражку. Настала его очередь стрелять. Но он не выстрели. Почему?

(«Но граф вел себя так спокойно и непринужденно, ел черешни в ожидании своей участи, он не боялся смерти»)

4. «Между тем я стал ходить взад и вперед, осматривая книги и картины. В картинах я не знаток, но одна привлекла мое внимание. Она изображала какой-то вид из Швейцарии; но поразила меня в ней не живопись.»

А что?

(Картина была прострелена двумя пулями, всаженными одна на другую.)

5."Он всегда шутит, графиня, - отвечал ей Сильвио, - однажды дал он мне шутя пощечину, шутя прострелил мне вот эту фуражку, шутя дал сейчас по мне промах; теперь и мне пришла охота пошутить..." С этим словом он хотел в меня прицелиться... при ней! Маша бросилась к его ногам. "Встань, Маша, стыдно! - закричал я в

бешенстве; - а вы, сударь, перестанете ли издеваться над бедной женщиной?

Будете ли вы стрелять или нет?"

- "Не буду, - отвечал Сильвио…

Что дальше произнес Сильвио, объясняя свой отказ выстрелить?

« - Я доволен: я видел твое смятение, твою робость; я заставил тебя выстрелить по мне, с меня довольно. Будешь меня помнить. Предаю тебя твоей совести".

6. Почему недостаток смелости менее всего извиняется молодыми людьми?

«Они в храбрости обыкновенно видят верх человеческих достоинств и извинение всевозможных пороков». (Из повести «Выстрел»)

7. «Она была воспитана на французских романах, и, следственно, была влюблена. Предмет, избранный ею, был бедный армейский прапорщик, находившийся в отпуску в своей деревне.»

Её имя? (**Марья Гавриловна)**

8. «Эта счастливая мысль пришла сперва в голову молодому человеку и она весьма понравилась романическому воображению Марьи Гавриловны».

Сформулируйте эту мысль.

(Венчаться тайно, без благословения родителей)

9. Уже более часа был он в дороге. Жадрино должно было быть недалеко. Но он ехал, ехал, а полю не было конца. Все сугробы да овраги; поминутно сани опрокидывались, поминутно он их подымал. Время шло; Владимир начинал сильно беспокоиться.

Куда спешил Владимир? Что мешало ему в пути.

(В церковь венчаться. Метель)

10. У первой избушки он выпрыгнул из саней, подбежал к окну и стал стучаться. Через несколько минут деревянный ставень поднялся, и старик высунул свою седую бороду. "Что те надо?" - "Далеко ли Жадрино?" - "Жадрино-то далеко ли?" - "Да, да! Далеко ли?"

Сколько было до Жадрино? Назовите цифру и меру длины.

"Недалече; верст десяток будет".

11. "Что твоя голова, Маша?" - спросил Гаврила Гаврилович. "Лучше, папенька", - отвечала Маша. "Ты, верно, Маша, вчерась угорела", - сказала Прасковья Петровна.

Что случилось с Машей уже ночью?

(В ночь Маша занемогла. Послали в город за лекарем. Он приехал к вечеру и нашел больную в бреду. Открылась сильная горячка, и бедная больная две недели находилась у края гроба)

12.Время незабвенное! Время славы и восторга!

О каком времени здесь идет речь?

(Победа 1812 года)

13. «С Георгием в петлице и с интересной бледностию» встречаем мы его в повести. Кто он?

(Бурмин)

14. "Теперь уже поздно противиться судьбе моей; воспоминание об вас, ваш милый, несравненный образ отныне будет мучением и отрадою жизни моей; но мне еще остается исполнить тяжелую обязанность, открыть вам ужасную тайну и положить между нами непреодолимую преграду» .

Между кем и почему могла возникнуть преграда?

(Бурмин и Марья Гавриловна, он был женат)

15. «Вскоре порядок установился; кивот с образами, шкап с посудою, стол, диван и кровать заняли им определенные углы в задней комнате; в кухне и гостиной поместились изделия хозяина**…»**

Назовите эти изделия

«гробы всех цветов и всякого размера, также шкапы с траурными шляпами, мантиями и Факелами»

16. «Над воротами возвысилась вывеска, изображающая дородного Амура с опрокинутым факелом в руке, с подписью…»

О чем гласила эта надпись?

"Здесь продаются и обиваются гробы
простые и крашеные, также отдаются напрокат и починяются старые"

17. «Дверь отворилась, и человек, в котором с первого взгляду можно было узнать немца-ремесленника, вошел в комнату и с веселым видом приближился к гробовщику. "Извините, любезный сосед, - сказал он тем русским наречием,

которое мы без смеха доныне слышать не можем, - извините, что я вам помешал... я желал поскорее с вами познакомиться.»
Назовите человека, который пришел к гробовщику, объясните для чего он совершил этот визит.
«Я сапожник, имя мое Готлиб Шульц, и живу от вас через улицу, в этом домике, что против ваших окошек. Завтра праздную мою серебряную свадьбу, и я прошу вас и ваших дочек отобедать у меня по-приятельски».
18. « Живой без сапог обойдется, а мертвый без гроба не живет" – эти слова принадлежат гробовщику.
А что ему ответил на это его собеседник?
"Сущая правда, - заметил Адриян; - однако ж, если живому не на что купить сапог, то, не прогневайся, ходит он и босой; а нищий мертвец и даром берет себе гроб".

19. «На другой день, ровно в двенадцать часов, гробовщик и его дочери вышли из калитки новокупленного дома и отправились к соседу. Не стану описывать ни русского кафтана Адрияна Прохорова, ни европейского наряда Акулины и Дарьи, отступая в сем случае от обычая, принятого нынешними романистами. Полагаю, однако ж, не излишним заметить, что обе девицы надели …, что бывало у них только в торжественные случаи.»
Что одели дочери гробовщика?
(желтые шляпки и красные башмаки)
20. В пьяном бреду гробовщик произнес: «А созову я тех, на которых работаю»
Кого захотел пригласить к себе гробовщик?
«Мертвецов православных"
21. Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подьячим или по крайней мере муромским разбойникам?
О ком здесь идет речь?
Станционные смотрители.
22. «Тут он принялся переписывать мою подорожную, а я занялся рассмотрением картинок, украшавших его смиренную, но опрятную обитель»
Что это были за картинки?
«Они изображали историю блудного сына.»
23. «Маленькая кокетка со второго взгляда заметила впечатление, произведенное ею на меня; она потупила большие голубые глаза; я стал с нею разговаривать, она отвечала мне безо всякой робости, как девушка, видевшая свет.»
Назовите имя этой кокетки.
Дуня.
24.Чем лечила гусара дочка станционного смотрителя?
Уксусом (обвязывала голову платком).
25. Куда направлялась дочка станционного смотрителя вместе с гусаром, по мысли самого смотрителя?
(В церковь или к крестной матери)

26. «Долго стоял он неподвижно, наконец, увидел за обшлагом своего рукава сверток бумаг; он вынул их и развернул несколько пяти и десятирублевых смятых ассигнаций. Слезы опять навернулись на глазах его, слезы негодования!»
Расскажите о последующих действиях героя. (Станционного смотрителя)
« Он сжал бумажки в комок, бросил их наземь, притоптал каблуком и пошел... Отошед несколько шагов, он остановился, подумал... и воротился... но ассигнаций уже не было.»
27. Отчего умер станционный смотритель?
Спился.
28. Ехала она в карете в шесть лошадей…
А кто еще ехал вместе с ней?
«с тремя маленькими барчатами и с кормилицей, и с черной моською»

28. «Но навык света скоро сглаживает характер и делает души столь же однообразными, как и…»
На что так похожи по мнению Белкина Ивана Петровича одинаковые души?
Головные уборы.
29. «Ей было семнадцать лет. Черные глаза оживляли ее смуглое и очень приятное лицо. Она была единственное и следственно балованное дитя. Ее резвость и поминутные проказы восхищали отца и приводили в отчаянье ее мадам мисс Жаксон.»
Назовите героиню. **Лиза.**
30. Каким образом передавали письма друг другу Берестов и Акулина?
«Почтовая контора была учреждена в дупле старого дуба»
31. Почему, имея взаимную неприязнь, Муромский и Берестов становятся друзьями?
Берестов помог Муромскому, которого сбросила лошаь.
«Лошадь Муромского, не бывавшая никогда на охоте, испугалась и понесла. Муромский, провозгласивший себя отличным наездником, дал ей волю и внутренне доволен был случаем, избавляющим его от неприятного собеседника. Но лошадь, доскакав до оврага, прежде ею не замеченного, вдруг кинулась в сторону, и Муромский не усидел. Упав довольно тяжело на мерзлую землю, лежал он, проклиная свою куцую кобылу, которая, как будто опомнясь, тотчас остановилась, как только почувствовала себя без седока. Иван Петрович подскакал к нему, осведомляясь, не ушибся ли он…»

Интеллектуальная игра «Умники и Умницы» по произведениям М.Ю. Лермонтова для 6-8 классов

Для участия в игре необходимо внимательно прочитать (без изучения) следующие произведения М.Ю. Лермонтова: *«Бородино», «Мцыри», «Беглец», «Боярин Орша», «Песня про Царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».*

*В игре **3 тура**: в каждом три участника, которые выбирают- зеленую дорожку, на которой можно дважды ошибаться(4 вопроса); желтую, где допускается только одна ошибка(3 вопроса); красную – ошибаться нельзя(2 вопроса).*
*Вопросы под номерами представлены на табло сразу все, участники называют цифру, а ведущий озвучивает этот вопрос. Если участник не может дать ответ, то его задают залу **«теоретикам»**, которые, отвечая на вопросы, и зарабатывая ордены, могут стать победителями, если таковых не окажется на дорожках.*
***Розыгрыш дорожек**.* Необходимо продолжить фразу*: «Когда читаешь произведения М.Ю. Лермонтова, перед тобой открывается (открываются)…»*
***Ареопаг** (жюри) называет более интересное рассуждение, этот участник первый выбирает дорожку.*

Вопросы для игры

1. При описании Бородинского сражения Лермонтов называет роды русских войск, сражавшихся с французской армией. Как называется пеший и конный рода войск?

Ула́ны — наряду с гусарами род легковооружённой кавалерии, вооружённый пиками, саблями и пистолетами. Отличительным атрибутом их формы был высокий четырехугольный головной убор (*уланка)*

Улан — слово, заимствованное из тюркского языка, (от «оглан/олан», буквально значит «сын», «юноша») назывались члены ханской семьи из линий, не восходивших на престол. "Улан" в монгольском языке "Улаан - Красный". Красный символизирует - героический, войнственный.

Драгуны (фр. *dragon* — «драгун», букв. «дракон») — название конницы, способной действовать также и в пешем строю. В прежние времена под этим же названием понималась пехота, посаженная на лошадей

2. Между каких дорог был схоронен купец Калашников? (Промеж **Тульской, Рязанской, Владимирской»)**

3. «Песня про Царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» изобилует архаизмами (историзмами) такими как сажень, кафтан, стольник, чарка.

А что обозначает слово кушачок? (**пояс, обычно широкий, матерчатый)**

4. Что дал и что обещал дать Иоанн Грозный боярину Михаилу Орше ?

(«Он дал ему с руки своей
Кольцо, наследие царей
Он дал ему в веселый миг
Соболью шубу с плеч своих;
В день воскресения Христа
Поцеловал его в уста
И **обещался** в тот же день

Дать тридцать царских
деревень
С тем, чтобы Орша до конца
Не отлучался от дворца».)

5. Каким оружием сражался Мцыри с диким барсом? («**Надежный сук мой, как топор**…»)

6. Что во внешнем виде Алены Дмитриевны насторожило испугало купца Калашникова?
(«Перед ним стоит молода жена,
Сама бледная, **простоволосая,**
Косы русые расплетенные,
Снегом-инеем пересыпаны»)

7. Кто является рассказчиком о событиях сражения при Бородино в одноименном произведении М. Лермонтова(**солдат: участник и свидетель войны**)

8. «С окровавленными ногами
От острых камней и кустов,
Я шел безвестными тропами
По следу вепрей и волков»
Назовите поэму и героя, которому принадлежат эти слова.
(Гарун из поэмы «Беглец»)

9. Песня про купца Калашникова так понравилась боярину Матвею Ромодановскому, что в благодарность певцам он поднес меду пенного. А что подарила им его белолицая боярыня? («**На блюдце серебряном полотенце новое, шелком шитое»)**

Ромодановские – ветвь Стародубских Рюриковичей – прославились в XVII– XVIII вв. При Петре I и Екатерине I трое представителей этого рода поочередно управляли Москвой.
Прозвище Ромодановские – от одного из сел Стародубского удела – Ромоданова. Любопытно происхождение этого названия. Вероятнее всего, его основой является тюркское собственное имя Рамадан – Рамазан, которое, в свою очередь, происходит от одноименного арабского наименования девятого месяца в году. На этот месяц приходится важнейший мусульманский пост и праздник Рамазан. Поэтому часто ребенок, рожденный в это время, получал имя в честь названия месяца.
Ромоданово стало центром мелкого удела Ромодановских; другие села дали наименования фамилиям их родичей – знаменитых Пожарских (село Пожар), Ряполовских (Ряполово), Льяловских (Льялово) и других.

10. Назовите птиц, с которыми автор сравнивает царя и молодого опричника на трапезе.

(«Словно **ястреб** взглянул с высоты небес на младого **голубя** сизокрылого»)

11.Кто видел слезы Мцыри, когда он заблудился?

(«Лишь темный **лес** да **месяц**, плывший средь небес»)

12. С чем сравнивает себя Мцыри в начале своей последней исповеди? («**Грозой оторванный листок**»)

13. Чьи это размышления? Что толкает так размышлять этого человека?

«*Дай кучу злата мне теперь,*
С конюшни лучшего коня
Сейчас седлайте для меня -
Нет, не отъеду от крыльца…»

(«К калитке ***сторож*** подошел
И взоры на небо возвел:
"***А завтра быть грозе большой***!-
Сказал крестясь старик седой…» из поэмы «Боярин Орша»)

14.На слиянии каких двух рек стоял монастырь, о котором повествуется в поэме «Мцыри» (**Арагва и Кура**)

15. Кто оставил ребенка, о котором говорится в поэме «Мцыри», в монастыре?

(**Русский генерал)**

16. Кому принадлежат эти слова, и о ком в них идет речь? (назовите двух героев)

«*Жил-был за тридевять земель*
В тридцатом княжестве отсель
Великий и премудрый царь.
Ни в наше времечко, ни встарь
Никто не видывал пышней
Его палат - и много дней
В веселье жизнь его текла».
(Раб Сокол о Боярине Орше)

17.Как грозит наказать молодую жену купец Калашников?

(«Как запру я тебя за железный замок, за дубовую дверь окованную»).

18. К своим младшим братьям обращается купец за помощью, если он погибнет в схватке с опричником. В обращении к ним он говорит, что их Господь может и помилует. Почему так рассуждает купец»

(«На вас меньше грехов накопилося»)

19. Какие люди окружали царя Ивана Васильевича во время трапезы, назовите группы этих людей

(Князья,

Стольники- В Русском Царстве стольник — дворцовый чин, затем придворный чин в Русском государстве в XIII—XVII вв., а также лицо, имевшее такой чин. Первоначально в Древней Руси — придворный, прислуживавший князьям и царям за столом во время торжественных трапез, а также сопровождавший их в поездках.

Бояре – 1) высший наряду с великими и удельными князьями слой общества на Руси с X по XVIII вв., имевший землю на правах наследственной собственности. На Западе аналогичную социальную группу населения называют феодалами.

Опричники- человек, состоящий в рядах опричного войска, то есть гвардии, созданной Иваном Грозным в рамках его политической реформы в 1565 году. Опричник более поздний термин. Во времена Ивана Грозного опричников называли «государевыми людьми».По сословному составу опричники были разнородной массой, в которой числились князья, бояре и дворяне. Признаком службы опричника были собачья голова и метла, символизировавшие решимость «выгрызть и вымести измену».)

20. Кому и чему кланяется купец Калашников перед боем? («Поклонился прежде **царю** грозному, после белому **кремлю да святым церквам,** а потом всему **народу русскому**»)

21. В стихотворении М. Лермонтова «Бородино» есть такие строчки:

«И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
*Построили **редут**…»*

А что такое редут?

(Реду́т (фр. redoute — убежище) — укрепление сомкнутого вида, как правило (но не обязательно) земляное, с валом и рвом, предназначенное для круговой обороны)

22. Из какой книги Священного Писания взят эпиграф к поэме «Мцыри» (**1-я Книга Царств)**

23. «От войска русского гонцы
Во все помчалися концы,
Зовут бояр и их людей
На славный пир…»
О каком пире идет здесь речь?

По какому поводу устраивается пир?
(«на пир мечей», битва русских и литовцев)

24. К кому пытается вернуться с поля брани лирический герой поэмы «Беглец»?
(**К другу, к матери, к любимой)**

25. Какой музыкальный инструмент использовался при чтении «Песни про Царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова?» «на старинный лад» («мы сложили ее на старинный лад, мы певали ее под **гуслярный** звон»)

26. Какие драгоценные дары предлагает царь преподнести молодому опричнику для Алены Дмитриевны? («Вот возьми перстенек ты мой яхонтовый, да возьми ожерелье жемчужное»)

27. Назовите имя и отчество купца Калашникова. (**Степан Парамонович)**

Как обычно встречала Алена Дмитриевна купца, когда он возвращался домой? (« *Не **накрыт дубовый стол белой скатертью»***

Суриков И.Е.,
(Москва, ИВИ РАН)

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ ОБ АНТИЧНОМ ПУТИ РАЗВИТИЯ

Отечественное антиковедение в постсоветский период приобрело в значительной мере идиографический характер, специалисты концентрировались в основном на изучении тех или иных частных проблем и сюжетов, интерес к широким обобщениям почти исчез. Ситуация во многом закономерная. До того на протяжении многих десятилетий единственной теоретико-методологической базой любых построений в области исследования античности (равно как и любой другой исторической эпохи) являлся марксизм-ленинизм. Со времен перестройки на смену ему пришел идеологический плюрализм, что было воспринято многими историками фактически как освобождение от необходимости пользоваться какими бы то ни было «теориями и методиками». В результате возобладал позитивизм самого крайнего толка, с демонстративным отторжением любого теоретизирования. Психологически это вполне понятно – как реакция на засилье «единственно верного учения». Но, с другой стороны, с точки зрения развития науки это был шаг едва ли не назад (и уж, во всяком случае, точно не вперед).

Уместно здесь привести цитату, принадлежащую видному отечественному гуманитарию Ю.И. Семенову: «…Вообще без теории обойтись невозможно. В результате историки, даже те, которые на словах решительно порицают любое теоретизирование, на деле с неизбежностью обращаются к тем или иным концепциям историософии и теоретической историологии. И так как в большинстве своем они не обладают навыками самостоятельного теоретического мышления, то не могут должным образом оценить существующие концептуальные построения и нередко берут на веру далеко не лучшие из них… Еще хуже обстоит дело, когда они сами занимаются теоретизированием. Крайности сходятся: люди, пренебрегающие теорией, оказываются нередко в плену самых нелепых концепций: чужих или собственных… С этим связано бесконечное изобретение велосипедов. Заново создаются концепции, которые давно уже известны и отброшены в силу полной их несостоятельности»[47].

Как бы то ни было, но, думается нам, рано или поздно должно миновать это своеобразное «безвременье» в области теории, когда большинство коллег интересуется преимущественно проблемами «размера комариного носа». Кто спорит, иногда весьма полезно бывает скрупулезно и филигранно разобрать какой-нибудь конкретный вопрос. Но не только на этом стоит наука; точнее, если

[47] *Семенов Ю.И.* Философия истории: Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М., 2003. С. 6.

она будет стоять только на этом, она будет именно стоять. А любое движение вперед возможно только при условии построения и применения общетеоретических моделей. Причем, полагаем, нет смысла специально оговаривать, что такие модели должны находиться на современном мировом уровне, а не представлять собой чуть модифицированные «перепевы» идей, высказывавшихся еще в советскую эпоху.

С 2011 г. Институт всеобщей истории РАН начал издавать академическую «Всемирную историю» – капитальный многотомный коллективный труд. Как нам представляется, это уже само по себе стало неплохой возможностью обратиться в том числе и к проблемам теории исторического процесса. Первый том «Всемирной истории» вполне ожидаемо несет заголовок «Древний мир». В свое время автору этих строк тоже было любезно предложено принять участие в его создании. Однако не все тексты, подготовленные нами для этого тома, появились на его страницах.

В частности, мы получили поручение написать небольшую вводную главу к разделу «Античный мир», что нами и было сделано. Уж не знаем, по какой причине редколлегии тома не понравилось то, что мы подали, но, во всяком случае, вместо нашего текста в вышедшем томе помещен иной[48], в качестве авторов которого обозначены В.И. Уколова (одна из ответственных редакторов тома) и А.И. Немировский (последнее произвело несколько необычно впечатление: ведь Александра Иосифовича Немировского на момент начала работы над томом уже не было в живых).

Многое в этом обобщающем материале сказано совершенно верно. Например: «Обращаясь к реалиям античного мира, следует отметить, что на протяжении большего периода его существования основной силой, созидавшей его материальную и хозяйственную базу, являлись не рабы, а свободные труженики»[49]. Здесь налицо акцентированная полемика с расхожей, но некорректной точкой зрения на античное общество как «рабовладельческое» по своему основному принципу[50]. Нам тоже доводилось об этом недавно писать (применительно к греческой полисной цивилизации): «…в большинстве греческих полисов, безусловно, применялся рабский труд, в некоторых из них – даже в значительном количестве, но вряд ли можно сказать, что они совсем не могли обходиться без рабовладения, что оно определяло характер их общества. Все-таки античность – в основе своей крестьянская, а не рабовладельческая цивилизация»[51].

Вполне справедливо подчеркивается и роль категории полиса как структурообразующего для античности: «При рассмотрении античности как

---

[48] *Уколова В.И., Немировский А.И.* Ареал распространения, периодизация и материальная основа античной цивилизации // Всемирная история: В 6 т. / Гл. ред. А.О. Чубарьян. Т. 1: Древний мир / Отв. ред. В.А. Головина, В.И. Уколова. М., 2011. С. 403–406.

[49] *Уколова В.И., Немировский А.И.* Ук.соч. С. 405.

[50] См. в связи с проблемой классическое исследование: *Westermann W.* The Slave Systems of Ancient Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955.

[51] *Суриков И.Е.* Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М., 2012. С. 191–192.

особого исторического феномена его смыслообразующим ядром оказывается возникновение и развитие *полиса*…»[52]. Под всем этим можно только с удовольствием подписаться. В то же время встречаются в разбираемом тексте и суждения, с которыми трудно согласиться.

В частности, от какого момента начинать отсчет античности? Позиция В.И. Уколовой и А.И. Немировского однозначна, она проводится постоянно и настойчиво: «…в Средиземноморье расцвела Минойская цивилизация с центром на о-ве Крит, с которой принято (кем? – И.С.) связывать начало античности»[53]. Далее, правда, следует резонная оговорка, что минойская цивилизация «была ближе к Востоку, … чем к брезжащему где-то в исторической перспективе Западу в облике классической Греции. Тем не менее отсчет античности начинается (кем? – И.С.) именно с нее»[54].

Налицо внутреннее противоречие. С одной стороны, указывается на то, что античная цивилизация – по принципиальной сути своей полисная цивилизация[55]. С другой стороны, в рамки античности включается даже минойский Крит (и, понятно, a fortiori Микенская Греция), где мы не найдем даже каких-либо намеков на полис или что-то подобное. Общества, о которых идет речь, были по своему типу еще вполне древневосточными, с бюрократическими монархиями, централизованным дворцовым хозяйством и всем из этого вытекающим.

Внесем некоторую ясность. Материал по эгейским культурам и цивилизациям III–II тыс. до н.э., созданным отчасти догреческими этносами региона, отчасти греками (в основном ахейцами), – то есть по минойской цивилизации Крита, микенской цивилизации, а также ряду «недоразвившихся» – кикладской, раннеэлладской и др.[56], – традиционно включается в вузовские (да и школьные) учебники по истории Древней Греции. Но всем специалистам, конечно, надо понимать, что это делается исключительно в силу некой дидактической конвенции. Просто нужно же, в конце концов, эти цивилизации где-то освещать. По большому счету, место им, конечно, в учебнике «История Древнего Востока», но конвенция, ставшая традиционной, – вещь, которую трудно переломить[57].

---

[52] *Уколова В.И., Немировский А.И.* Ук.соч. С. 403. Курсив принадлежит авторам цитируемой работы.

[53] *Уколова В.И., Немировский А.И.* Ук.соч. С. 403. В цитатах мы сохраняем те написания, которые в них наличествуют, даже если они нам непонятны. В частности, почему здесь «минойская» идет с прописной буквы?

[54] *Уколова В.И., Немировский А.И.* Ук.соч. С. 403.

[55] Даже имперский Рим сохранял в значительной мере полисные черты; см. об этом в соответствующей главе того же издания: *Смышляев А.Л.* Эпоха принципата // Всемирная история: В 6 т. / Гл. ред. А.О. Чубарьян. Т. 1: Древний мир / Отв. ред. В.А. Головина, В.И. Уколова. М., 2011. С. 603–639.

[56] По отношению ко всем этим очагам культуры традиционно применяли термин «крито-микенская цивилизация», но он устарел ввиду своей недифференцированности. Правильнее говорить именно об «эгейских цивилизациях».

[57] Бывают конвенции и похлеще (причем формирующиеся буквально на наших глазах). «Не верь глазам своим», но в некоторые издания учебника по истории Древнего Рима,

Однако здесь перед нами – не вузовский (или тем более школьный) учебник, а капитальный академический труд, обращенный в том числе и к специалистам. В издании такого рода не нужны конвенции; рассмотрение материала должно подчиняться не дидактическому, а системному принципу. На самом деле в первом томе «Всемирной истории» именно так и сделано: глава о минойском Крите и ахейской (микенской) Греции находится в составе древневосточного раздела[58]. А потом мы вдруг читаем, что, оказывается, критяне-минойцы – это уже античность…

Из допущенной ошибки общего характера вытекает ряд частных. «Становление античной цивилизации пришлось на бронзовый век…»[59]. Мы с особенным удивлением прочитали эти слова. Для нас (и, думаем, не только для нас) античность однозначно ассоциируется с железным веком. Можно было бы привести массу аргументов в пользу того, что античная цивилизация могла сложиться и полис как феномен мог возникнуть *только* в условиях железного века. Мы не будем конкретизировать здесь эти аргументы, поскольку нужно двигаться дальше; думаем, их более или менее представляет каждый специалист.

Далее, из того же отсутствия дифференцированности между собственно античным и не-античным в историю античности В.И. Уколова и А.И. Немировский включают даже финикийскую колонизацию[60], что также представляется неоправданным, поскольку порождает очередное противоречие: сама Финикия однозначно принадлежит к древневосточным обществам[61], а ее колонии мы почему-то должны считать обществами античными?

Отдельная тема – периодизация античной истории, предлагаемая в анализируемой главе. Перед авторами стояла, оговорим сразу, непростая задача, поскольку обычно даются отдельные периодизации для истории Древней Греции и истории Древнего Рима, а тут, видимо стояла задача представить некую единую. Она имеет следующий вид: выделяются семь периодов[62], характеристики которых мы предельно кратко приведем. Первый период – эгейский мир в III–II тыс. до н.э. (как мы говорили выше, этот период вообще не следует включать в античность). Во второй попал целый ряд эпох древнегреческой истории («темные века», архаика, классика). Третий, по сути, совпадает с эллинизмом. Несколько загадочны четвертый (он «ознаменован образованием римской мировой державы в ходе войн в Средиземноморье»[63]) и пятый (приходящийся «на кризис и падение

подготовленного кафедрой истории древнего мира МГУ под редакцией В.И. Кузищина, оказался включен раздел о… доколумбовых цивилизациях Мезоамерики.

[58] *Молчанов А.А.* Древнейшие цивилизации Европы: минойский Крит и ахейская (микенская) Греция // Всемирная история: В 6 т. / Гл. ред. А.О. Чубарьян. Т. 1: Древний мир / Отв. ред. В.А. Головина, В.И. Уколова. М., 2011. С. 207–221.

[59] *Уколова В.И., Немировский А.И.* Ук.соч. С. 405.

[60] *Уколова В.И., Немировский А.И.* Ук.соч. С. 404.

[61] Потому она и рассмотрена в «восточном» разделе тома: *Немировский А.А.* Страны Леванта (Финикия, Сирия, Палестина) // Всемирная история: В 6 т. / Гл. ред. А.О. Чубарьян. Т. 1: Древний мир / Отв. ред. В.А. Головина, В.И. Уколова. М., 2011. С. 197–206.

[62] *Уколова В.И., Немировский А.И.* Ук.соч. С. 404–405.

[63] *Уколова В.И., Немировский А.И.* Ук.соч. С. 404.

Римской республики. Он охватывает столетие от Гракхов до Августа»[64]). Недоумение здесь вызывает то, что в хронологическом плане эти два периода полностью накладываются на третий. Так стоило ли обозначать их как отдельные? Во всяком случае, следовало более последовательно продумать соотношение временно́го и географического критериев. Периоды – это вообще-то отрезки времени, следующие строго друг за другом.

Наконец, в связи с шестым и седьмым периодами каких-либо проблем не возникает. В качестве таковых указаны, соответственно, ранняя Римская империя (принципат) и кризис III в. н.э. плюс поздняя империя. Но вообще, конечно, чувствуется, что главу писали специалисты в области истории Древнего Рима, на которой они и сделали акцент. Достаточно заметить, что из семи предложенных периодов четыре (!) связаны с Римом, а вся полисная Греция уместилась в один (!) период.

Разбиравшиеся только что положения, пожалуй, как нельзя лучше отражают то состояние отечественного антиковедения, которое имеет место на сегодняшний день[65]: ясности в общетеоретических вопросах нет, налицо некая путаница. И мы, безусловно, тоже ни в малейшей мере не претендуем на то, чтобы внести «окончательную ясность». Просто обозначим (скорее конспективно) то, как мы понимаем некоторые важнейшие особенности античного пути развития. Формулировать свои мысли будем по большей части применительно к истории Древней Греции, которая нам по ряду причин гораздо ближе.

* * *

Античность, или античная цивилизация, – принятое в науке общее название двух древних цивилизаций Европы[66]: древнегреческой (с рубежа II–I тыс. до н.э.)

---

[64] *Уколова В.И., Немировский А.И.* Ук.соч. С. 404.

[65] К характеристике этого состояния и тех предпосылок, которые его породили, см. совсем недавнюю работу: *Makhlayuk A.V., Gabelko O.L.* Classical Studies in Russia at the Beginning of the Twenty-First Century: A Collective Portrait in Contemporary Context // Ruthenia Classica Aetatis Novae: A Collection of Works by Russian Scholars in Ancient Greek and Roman History / Ed. by A. Mehl, A.V. Makhlayuk, O. Gabelko. Stuttgart, 2013. P. 13–30. Впрочем, не можем не ответить, что в указанной статье есть кое-какие «перегибы». Так, в однозначно черных красках нарисован советский период нашего антиковедения: будто бы в каждой работе нужно было совершенно обязательно делать ссылки на классиков марксизма-ленинизма, а на зарубежных ученых, напротив, ссылаться было нельзя (кроме как жестко-критически), иначе ждали неприятности… Никто не спорит, что плохого было много. Но зачем было до такой степени искажать реальную картину, особенно в статье, вышедшей на английском языке и, стало быть, адресованной нашим западным коллегам? Зачем вводить их в заблуждение? Мы же еще прекрасно помним советское время (более того, мы, в сущности, родом из этого времени). Неужели действительно не было работ с «позитивными» ссылками на зарубежных антиковедов? Да сколько угодно! Неужели не было вообще работ без цитирования Маркса–Энгельса–Ленина? Вполне были и такие. Рассуждать так – это даже в чем-то несерьезно…

[66] Подчеркиваем, что речь идет именно о *двух* разных цивилизациях. Все-таки греки и римляне, даже при общей полисной основе, очень непохожи друг на друга. См. детальнее об этом цивилизационном аспекте: *Суриков И.Е.* Камень и глина: К сравнительной характеристике некоторых ментальных парадигм древнегреческой и римской цивилизаций // Сравнительное

и римской, сформировавшейся несколько позже (с VIII–VI вв. до н.э.) под ее сильным влиянием. Эти цивилизации с рубежа нашей эры слились в рамках Римской империи в единую греко-римскую средиземноморскую цивилизацию, которая существовала до V–VI вв. н.э.[67]

Понятие «античность» обычно противопоставляют понятию «Древний Восток», включающему древние цивилизации Азии и отчасти Африки (Египет), но это противопоставление не имеет формального, чисто географического характера. При всех специфических особенностях в развитии древнегреческой и римской цивилизаций у них обеих есть ряд общих черт принципиального характера, в то же время отличающих их от древневосточных.

Этими чертами являются: в области экономики – решительный приоритет общинно-частного сектора над государственным[68], бóльшая, нежели когда-либо в мировой истории, роль отношений, основанных на рабстве классического типа[69], интенсивный, динамичный характер производства, порой выходящего на товарный уровень, достаточно важное значение ремесла и торговли[70], тесная связь с морем[71]; в области социальных отношений – четкая грань между свободными и рабами, существенный удельный вес последних (до трети населения), наличие значительного слоя свободных мелких крестьян[72], большая внутренняя мобильность общества[73], высокий уровень урбанизации[74].

изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход) / Отв. ред. К.В. Хвостова. М., 2000. С. 273–288.

[67] Ставим «завершающую» датировку именно так, – может быть, несколько необычно для многих антиковедов, привыкших завершать историю этой эпохи «фатальной» датой – 476 г. до н.э. Эта дата (низложение Ромула Августула) на самом деле современниками не была даже всерьез замечена. Она чисто условна. В качестве реального цивилизационного рубежа было бы предпочтительнее, скажем, закрытие афинских философских школ Юстинианом I в 529 г. до н.э. С другой стороны, медиевисты «закрывают» античность и «открывают» Средние века гораздо раньше, упирая на время Константина I Равноапостольного.

[68] Античной экономике, разумеется, посвящено очень много работ. Некоторые из них, являющиеся классическими, будут упомянуты выше – при разборе вопроса о двух основных концепциях античного пути развития. А здесь упомянем, для ориентации, несколько монографий самого последнего времени (по ссылкам в них желающий читатель сможет обратиться и к другой, более ранней литературе): *Amemiya T.* Economy and Economics of Ancient Greece. L. – N.Y., 2007; *Foxhall L.* Olive Cultivation in Ancient Greece: Seeking the Ancient Economy. Oxf., 2007.

[69] Хотя, как отмечалось выше, все-таки не следует абсолютизировать рабовладельческие отношения в античности, преувеличивать их роль до такой степени, чтобы считать их преобладающими в экономике.

[70] Но все-таки при сохранении сельского хозяйства в качестве главного сектора экономики.

[71] *Reed C.M.* Maritime Traders in the Ancient Greek World. Cambridge, 2003.

[72] К проблеме соотношения слоя свободных крестьян-граждан и слоя рабов см.: *Gschnitzer F.* Griechische Sozialgeschichte von der mykenischen zum Ausgang der klassischen Zeit. Wiesbaden, 1981; *Wood E.M.* Peasant-Citizen and Slave: The Foundation of Athenian Democracy. L., 1988.

[73] *Зайцев А.И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. 2 изд. СПб., 2000. С. 68 слл.

[74] См. к проблеме: *Gates C.* Ancient Cities: The Archaeology of Urban Life in the Ancient Near East and Egypt, Greece, and Rome. 2 ed. L. – N.Y., 2011; Settlement, Urbanization, and Population / Ed. by A. Bowman and A. Wilson. Oxf., 2011.

В государственно-политической сфере основополагающим для античности феноменом является полис[75], проходящий ряд стадий в своей эволюции (возникновение, развитие, расцвет, кризис) и в конечном счете растворяющийся, как на греческой, так и на римской почве, в «мировых империях» поздней античности, но оказывающий сильное влияние на их структуру. В тесной связи с полисным типом государственности стоят безусловное преобладание республиканских форм над монархическими[76], ключевое значение категории гражданина[77], в наиболее развитых полисах – тенденция к складыванию демократии[78] (впервые в истории человечества).

Важнейшие черты античной цивилизации в области культуры и ментальности[79] – меньшая, чем на Древнем Востоке, роль традиционных религиозных представлений в общем культурном развитии, появление целого ряда сфер культурной деятельности, не связанных напрямую с религией (философия, наука и др.), рациональный подход к явлениям природы и общества, гуманизм, большое значение личности и интерес к ней, что в своей совокупности

---

[75] Античный полис – еще одна тема, которая постоянно привлекает внимание специалистов, причем уже очень давно, как минимум со времен революционного исследования Фюстеля де Куланжа (см. в русском переводе: *Фюстель де Куланж Н.Д.* Древняя гражданская община. М., 1903). Сошлемся на недавно вышедший у нас коллективный труд: Античный полис: Курс лекций / Отв. ред. В.В. Дементьева, И.Е. Суриков. М., 2010. Из зарубежных работ на сегодняшний день наиболее важны исследования, проводившиеся в Копенгагенском центре по изучению полиса (Copenhagen Polis Centre) под руководством М. Хансена (к характеристике этой организации см.: *Суриков И.Е.* Изучение феномена полиса в западной историографии на рубеже XX–XXI вв.: Копенгагенский центр М. Хансена // Studia Historica. Т. 4. М., 2004. С. 164–176). Центром был подготовлен фундаментальный справочник, включивший в себя все полисы греческого мира (An Inventory of Archaic and Classical *Poleis*: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation / Ed. by M.H. Hansen and T.H. Nielsen. Oxf., 2004), выпущен ряд монографий (например: *Hansen M.H.* Polis and City-State: An Ancient Concept and its Modern Equivalent. Copenhagen, 1998; *idem.* Polis: An Introduction to the Ancient Greek City-State. Oxf., 2006) и большое количество сборников статей, – одним словом, внесен исключительно серьезный вклад в разработку данной проблематики.

[76] См. к проблеме: Braund D. Friends and Foes: Monarchs and Monarchy in Fifth-century Athenian Democracy // Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece / Ed. by R. Brock, S. Hodkinson. Oxf., 2000. P. 103–118; *Nadon C.* Republicanism: Ancient, Medieval, and Beyond // A Companion to Greek and Roman Political Thought / Ed. by R.K. Balot. Oxf., 2009. P. 529–541.

[77] *Finley M.I.* Politics in the Ancient World. Cambridge, 1983; *Farenga V.* Citizen and Self in Ancient Greece: Individuals Performing Justice and the Law. Cambridge, 2006; *Lape S.* Race and Citizen Identity in the Classical Athenian Democracy. Cambridge, 2010.

[78] Вот еще одна много исследовавшаяся тема. Укажем на нашу книгу: *Суриков И.Е.* Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб., 2008 (в ней упомянута важнейшая зарубежная литература).

[79] Очень хорошо эти черты освещены в замечательной работе: *Андреев Ю.В.* Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. См. также: *Вернан Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988; *Видаль-Накэ П.* Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001; *Суриков И.Е.* Полис, логос, космос…; *Gernet L.* Anthropologie de la Grèce antique. P., 1968; *Cartledge P.* The Greeks: A Portrait of Self and Others. Oxf., 1993.

привело к созданию в ходе античной истории огромного количества шедевров мирового, непреходящего значения.

Подчеркнем, что лишь совокупность перечисленных признаков или, по крайней мере, их большинства позволяет относить то или иное общество к античным. Так, в некоторых регионах Древнего Востока (например, в Финикии) наблюдалось и значительное развитие ремесла и торговли, и высокий уровень урбанизации, но это само по себе еще не дает права считать их частями античного мира. Особым и довольно сложным случаем являются общества, в которых совместились и вступили в синтез античные и древневосточные элементы (прежде всего эллинистическая цивилизация).

Античность – в полном смысле слова фундамент, на котором возникла и до сих пор основывается вся последующая европейская цивилизация, немыслимая без своего античного наследия. Само понятие «античность» возникло в начале XVIII в. во Франции и первоначально охватывало все древние общества, в т.ч. и восточные, но впоследствии сузилось до рамок греко-римской древности; иногда в том же значении употребляется термин «классическая античность».

Античность является не вторым после Древнего Востока этапом истории древнего мира, а особым типом древнего общества, сформировавшимся в уникальных конкретно-исторических условиях. По вопросу о специфике античного пути развития в историографии еще на рубеже XIX–XX вв. сформировались две основные точки зрения, которые, в сущности, и по сей день продолжают свое сосуществование и взаимное противоборство (разумеется, уже в модифицированном виде и в совокупности с появившимися с тех пор промежуточными концептуальными вариантами). Эти две точки зрения часто определяют как «модернизаторство» и «примитивизм».

С одной стороны, Эд. Мейер[80] делал акцент на тех чертах античного социума, которые роднили его с капиталистическими обществами Нового времени. Речь идет прежде всего о развитии товарно-рыночных отношений. Мейер безоговорочно употреблял по отношению к античной истории термины «буржуазия», «пролетариат» и т.п., что впоследствии дало повод его оппонентам упрекать его в модернизаторском подходе к прошлому. Аналогичных взглядов придерживался выдающийся русский ученый М.И. Ростовцев, на протяжении длительного периода являвшийся признанным главой мирового антиковедения[81]. В целом можно сказать, что в первой половине XX в. именно такого рода концепции задавали тон в исследовательской литературе об античности.

С другой стороны, К. Бюхер[82], напротив, подчеркивал те особенности экономики и социальной жизни античности, которые отличали эту цивилизацию от современных. Этот автор считал, что античные общества были значительно более простыми, даже «примитивными», нежели то представлялось Мейеру, что элементы рыночного хозяйства в них не развились до такой степени, чтобы стать

[80] *Мейер Эд.* Экономическое развитие древнего мира. СПб., 1907.
[81] См., например: *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. 1–3. N.Y., 1941.
[82] *Бюхер К.* Возникновение народного хозяйства. СПб., 1907.

основополагающей характеристикой этих обществ. Соответственно, любые разговоры об «античном капитализме» определялись как некорректные. Бюхера, в свою очередь, упрекали в примитивизме, искусственном упрощении реальной картины жизни античного мира, и, действительно, элементы такого упрощения в его работах были.

М. Вебер[83] и его ученики (Й. Хазебрек[84] и др.), также являвшиеся противниками практиковавшейся Мейером модернизации, но понимавшие и слабости концепции Бюхера, внесли в эту последнюю ряд существенных уточнений. Во второй половине XX в. решительным адептом этого «модифицированного примитивизма» выступил такой крупный специалист, как М. Финли[85]. С его трудами связан новый этап в понимании специфики античности. По сути дела, они надолго определили общий настрой основного потока историографии, стали своего рода «новой ортодоксией», как их иногда определяют в литературе.

К настоящему времени в антиковедении происходит отчасти реакция на длительное преобладание построений Финли; нередко раздаются призывы к ревизии этих построений, к возврату, – разумеется, на более высоком уровне, – к тому пониманию античного пути развития, которое фигурировало еще у Мейера[86].

Наверное, эти две основных концепции так и обречены на вечное противостояние, – прежде всего потому, что и в той и в другой есть значительное, хотя и абсолютизированное, зерно истины. Необходим, видимо, синтез между двумя крайностями. Есть также мнение, что греческая античность по своим главным чертам ближе к «бюхеровской» модели, а римская – к «мейеровской».

* * *

История Древней Греции и история Древнего Рима, судя по всему, должны изучаться как две части античной истории, каждая из которых имеет самостоятельное значение. В частности, в каждом из двух случаев применяется собственная периодизация. Для античной Греции I тыс. до н.э. эта периодизация имеет следующий вид (перечисляем этапы развития с краткой характеристикой):

1. «Темные века», или «гомеровский период»[87] (XI–IX вв. до н.э.). Время социального, политического и культурного упадка после крушения ахейской (микенской) цивилизации.

---

[83] *Вебер М.* Аграрная история древнего мира. М., 2001; *он же.* История хозяйства. Город. М., 2001.

[84] *Hasebroek J.* Stadt und Handel im alten Griechenland. Tübingen, 1928.

[85] Его главный труд по данной проблематике: *Finley M.I.* The Ancient Economy. Berkeley, 1973. См. также: *Finley M.I.* Economy and Society in Ancient Greece. N.Y., 1982.

[86] Несколько примеров работ, написанных в таком духе: *Tandy D.W.* Warriors into Traders: The Power of the Market in Early Greece. Berkeley, 1997; *Cohen E.E.* Athenian Economy and Society: A Banking Perspective. Princeton, 1997; *Schaps D.M.* The Invention of Coinage and the Monetization of Ancient Greece. Ann Arbor, 2004. См., с другой стороны, важное исследование с выводами несколько иного характера: *Reden S. von.* Exchange in Ancient Greece. L., 1995.

[87] Недавно мы предложили называть его просто «переходным периодом» (см.: *Суриков И.Е.* «Темные века» в Греции (XI–IX вв. до н.э.) – первый переходный период в истории европейской цивилизации // Переходные периоды во всемирной истории: Трансформация

2. Архаическая эпоха (VIII–VI вв. до н.э.)[88]. Резкий подъем во всех областях жизни («архаическая революция»). Повторное формирование государства, складывание полисной цивилизации. Расселение греков по берегам Средиземного и Черного морей (Великая греческая колонизация)[89].

3. Классическая эпоха (V–IV вв. до н.э.)[90]. Высший расцвет древнегреческого общества, полисного строя. Победа греков над великой Персидской державой Ахеменидов. «Золотой век» демократии в Афинах. Время создания величайших шедевров в области культуры. В конце данной эпохи – серьезный кризис классического полиса, установление македонской гегемонии в Элладе.

4. Эпоха эллинизма (конец IV – I в. до н.э.)[91]. Завоевание греко-македонянами Персидской державы. Создание на ее территории новых социально-политических образований – эллинистических государств, сочетавших начала греческого полисного строя и древневосточного общества. В конце периода – завоевание эллинистических государств Римом.

исторического знания / Отв. ред. М.С. Бобкова. М., 2012. С. 13–38. К проблемам, связанным с терминологией этого периода см. также: *Coulson W.D.E.* The Greek Dark Ages: A Review of the Evidence and Suggestions for Future Research. Athens, 1990. P. 7 ff.

[88] Эта эпоха долгое время находилась в некотором пренебрежении, но теперь литература о ней необъятна (подробнее см.: *Суриков И.Е.* Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007. С. 40 слл. Если нас спросят, какая из зарубежных работ будет наиболее полезной для понимания греческой архаики, ответ, пожалуй, будет таков: *Osborne R.* Greece in the Making, 1200–479 BC. L. – N.Y., 1996. Рекомендуя эту монографию, мы, разумеется, не заявляем, что безусловно согласны со всем, что в ней сказано.

[89] Великая греческая колонизация неоднократно и углубленно изучалась в мировой историографии; можно сказать, что это одна из приоритетных тем современного антиковедения. Укажем ряд классических исследований по данной проблематике: *Bérard J.* La colonisation grecque de l'Italie méridionale et de la Sicile dans l'Antiquité: l'histoire et la légende. P., 1957; *Graham A.J.* Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester, 1964; *Boardman J.* The Greeks Overseas: Their Early Colonies and Trade. 4th ed. L., 1999 (из многочисленных изданий этой знаменитой книги, впервые вышедшей в 1964 г., указываем последнее по времени, с каким нам доводилось работать). Отметим также относительно недавнюю монографию: *Miller Th.* Die griechische Kolonisation im Spiegel literarischer Zeugnisse. Tübingen, 1997 (ее примечательной чертой является то, что автор, в отличие, например, от Дж. Бордмана, уделяет основное внимание не археологическим памятникам, а данным нарративной традиции). Наконец, в самое последнее время одним из крупнейших специалистов в этой области выступает бывший наш соотечественник Г.Р. Цецхладзе, ныне работающий в Австралии. См. хотя бы: *Tsetskhladze G.R.* The City in the Greek Colonial World // A History of the Greek City. Oxf., 2009. P. 143–167. Он же – ответственный редактор капитальной двухтомной коллективной монографии: Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas. Vol. 1–2 / ed. by G.R. Tsetskhladze. Leiden – Boston, 2006–2008.

[90] Эта и следующая эпохи – так уж получилось в силу ряда факторов – изучены мировой историографией гораздо лучше, чем предшествующие (исследование которых находилось буквально на наших еще глазах in statu nascendi). Литература о греческой классике и об эллинизме буквально необъятна; именно поэтому здесь нет смысла давать какие-либо ссылки.

[91] Она особенно активно изучается в отечественном антиковедении (см. работы А.С. Шофмана, К.К. Зельина, С.Ю. Сапрыкина, О.Ю. Климова, О.Л. Габелко и многих других).

Безусловно, с включением в состав Римской державы Греция не перестала существовать. Иногда выделяют еще пятый, римский период ее истории (I–V вв. н.э.), в течение которого области греческого мира были провинциями в составе Римской империи. Но в этот период история греческой цивилизации обычно изучается уже как часть римской истории, а нам в рамках данной небольшой работы (уже и так разросшейся сильнее, чем нам хотелось бы) не пристало вторгаться в «сферу Рима».

Таким образом, общие хронологические рамки истории античной Греции – от рубежа II–I тыс. до н.э. до V в. н.э., то есть около полутора тысячелетий. Это огромная историческая эпоха. Следующие за античностью две эпохи – средневековье и Новое время – в своей совокупности пока примерно равны ей по протяженности.

Ареал распространения древнегреческой цивилизации не был неизменным, ее географические рамки расширялись по мере исторического развития. Основной, «исконной» греческой территорией был Эгейский регион, то есть юг Балканского полуострова, западное побережье Малой Азии и острова Эгейского моря. В архаическую эпоху греки освоили Сицилию и Южную Италию, а также побережье Черного моря. Наконец, после походов Александра Македонского эллинистический мир охватывал огромную территорию от Сицилии до границ Индии, от Крыма до порогов Нила. Особенно глубокой эллинизации подверглось Восточное Средиземноморье. Но центральной частью древнегреческой цивилизации всегда считался Эгейский регион, где греческая государственность и культура зародились и достигли расцвета.

Завершая, полагаем, что тем, кто приступает к изучению античности (например, студентам), наш предельно краткий по формулировкам текст не покажется лишним. Возможно, они даже почерпнут из него что-то полезное для себя.

Строгецкий В.М.
Нижний Новгород, НГЛУ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ КРИЗИСА НРАВСТВЕННОЙ ЭКОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ

Отталкиваясь от платоновского мифа о Прометее, можно отметить, что культура – это искусственно созданная человеком среда его обитания. Научное обоснование этого краткого тезиса, позволяющее понять как человек, будучи творцом собственной среды обитания, постепенно становился и ее разрушителем, можно сформулировать следующим образом: культура исторически и социально обусловленное, отраженное в разнообразных продуктах человеческой

деятельности, отношение человека к природе, обществу и к самому себе, побуждающее его к творчеству и к преобразованию окружающего его мира[92].

Не углубляясь в доцивилизационные эпохи, можно выделить несколько важных периодов, которые привели к современному кризису нравственной экологии культуры. В эпохи древневосточных и античных цивилизаций, человек, несмотря на то, что во взаимосвязи с природой находился в опосредованных отношениях, он еще считал себя частью природы. Чувство меры, присущее грекам и римлянам, избавляло их от стремления изменять или преобразовывать окружающий мир, отношение к природе оставалось теоретически познавательным, а не практически преобразовательным. Идеологической основой такого отношения к природе была сама политеистическая религия. Древневосточные и греко-римские боги жили в природе и были частью ее. Творцы и адепты этой религии выработали нравственный кодекс взаимоотношений человека с природой и обществом.

Осознание человеком своего места в природе и обществе стало резко меняться с переходом к монотеистическим религиям. Первая попытка создания такой религии была предпринята в Древнем Египте в середине II тыс. до Р.Х. во время правления знаменитого фараона XVIII династии Эхнатона или Аменхотепа IV – создателя единого солнечного культа бога Атона – творца природы и всего живого[93]. Реформа эта не получила всеобщего воплощения и после смерти Эхнатона была забыта.

Однако иудеи, жившие тогда в Египте, многому научились у египтян. Поэтому первая религия, которая вывела бога из природы и поставила его над ней, была иудейская религия, окончательно, сложившаяся к нач. I тыс. до Р. Х[94]. Ее основные религиозно-философские идеи нашли отражение в Ветхом Завете Библии. Квинтэссенцией их явилось учение о креационизме, ставшее основой также для христианской и мусульманской религий. Творческий акт Бога Яхве описан в первой главе первой книги Ветхого Завета «Бытие». Содержание 26 параграфа этой главы, ставшее идейным обоснованием совершения нового понимания места человека во всем мироздании, гласит: «сотворил Бог человека по своему образу и подобию; и да владычествуют они (люди) над рыбами морскими и над птицами небесными и над скотом, и над всею землей, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле».

Впоследствии в эпоху Средневековья находились представители духовенства, стремившиеся лишить человека монаршей власти над миром. Одним из них был Франциск Ассизский (1182-1226)[95]. Однако идея, однажды

---

[92] Строгецкий В.М. Теоретические основы культурологии. Часть 1. Античность и проблемы мировой культуры / Учебное пособие для вузов. Н.Новгород, 2009. С. 15 – 16

[93] Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть 2. Древний Египет. М., 1988. С. 422сл.; Строгецкий В.М. История культурологической мысли с древности до нач. XVII в. Н. Новгород, 2002. С. 4сл; Косидовский З. Библейские сказания / Пер. с латинского. М., 1978. С. 100сл

[94] Косидовский З. Ук. соч. С. 137сл. Шифман И.Ш. Ветхий Завет и его мир. М., 1987

[95] Легенды и рассказы о Фр. Ассизском собраны в анонимном сборнике «Цветочки св. Франциска Ассизского» / Пер. с латинского. М., 1913; см. также новый перевод с английского.

высказанная и неоднократно повторяемая как основополагающее религиозное учение всех трех монотеистических религий, становится материальной силой в большей степени, чем какая-либо светская философская или политическая теория.

Попытки некоторых представителей духовенства сопротивляться идее господства человека над землей и всем живым на ней не достигли успеха, прежде всего потому, что эта религиозная идея в Новое время, начиная с эпохи Ренессанса, стала основополагающей для нерелигиозного, рационалистического взгляда на мир. Подтверждением этому могут служить наиболее адекватные суждения известных философов и гуманистов эпохи Возрождения Пико дела Мирандолы и Ф. Бэкона. Выдающийся итальянский философ, приравнивая человека к самому Богу, утверждал, что «человек – творец самого себя, художник и преобразователь всей подчиненной ему природы»[96].

В XVI-XVII вв. великие географические открытия, развитие техники, пропаганда прогресса, основанного на опыте переустройства земли, развитие промышленного производства и естественнонаучных открытий стали основными чертами новоевропейской философии. В это время в Англии и Франции бывшие кружки ученых гуманистов стали превращаться в кружки математиков и естествоиспытателей. В концепции культуры в это время утвердилась мысль, повторяющая ветхозаветную идею о господстве человека над природой. Так, Ф. Бэкон в «Новой Атлантиде» провозгласил: «Целью нашего общества является познание причин и скрытых сил всех вещей и расширение власти человека над природой, пока все не станет для него возможным». Правда, Ф. Бэкон вместе с тем требовал, чтобы «чистый разум, освобожденный от ложных образов и суетности и вместе с тем послушный и вполне преданный Божественному Откровению, воздал вере то, что ей принадлежит, … чтобы мы не мудрствовали лукаво и не шли далее трезвой меры, но в кротости чтили истину»[97].

Но кто из естествоиспытателей после Ф. Бэкона помнили и помнят вторую часть его высказывания. Люди старшего поколения, в свое время окончившие советскую школу, хорошо помнят расхожее утверждение Мичурина, тогда считавшееся неопровержимой истиной: «нечего ждать милостей от природы, взять их у нее наша задача». Поэтому идея о господстве человека над природой, начиная с XVII в., стала приобретать отчетливо выраженный потребительский характер. Конечно, гуманисты эпохи Возрождения, руководствуясь идеей чистого разума и материалистическим восприятием природы и бытия в целом, даже не предполагали, что дальнейшее развитие рационализма и материализма вызовет к жизни атеизм, который, превратившись в

СПб., 2000. Современный взгляд на Фр. Ассизского см. Честертон Г.К. Святой Франциск Ассизский // Честертон Г.К. Вечный человек. М., 1991. С. 13-92; Его же Святой Франциск Ассизский // Цветочки Святого Франциска Ассизского / Пер. с англ. СПб., 2000. С. 339-446

[96] Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. М., 1980. С. 91 сл

[97] Бэкон Фр. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. М., 1993; Шендрик А.И. Трактовка культуры в трудах Ф. Бэкона // Шендрик А.И. Теория культуры / Учебное пособие для вузов. М. 2002. С. 89 сл; Строгецкий В.М. История культурологической мысли. С. 155сл

XVIII в. в воинственный атеизм, с конца XIX в. и в XX в. станет международным фактором, принеся неисчислимые бедствия человечеству.

Материалисты и естествоиспытатели XVII – XVIII вв. упростили мир, демифологизировали природу. Материализм, доведенный до абсурда, становился враждебным, как природе, так и человеку. Духовенство призывало ревностно молиться о духовном спасении человека, порабощаемого машиной. В основе тогдашних эпических теорий не без влияния христианской духовной традиции стала утверждаться идея умеренности и самоограничения. Однако быстро развивавшееся производство, поставленное на машинную основу, окончательно ликвидировало идеи бережного отношения человека к природе[98].

Девятнадцатый и особенно двадцатый века развивались под лозунгом научно-технической революции. Результатом НТР стало огромное все возрастающее материальное могущество человека, так называемая «глобальная империя человека». Однако, «покоряя» и «преобразовывая» природу, человек начал утрачивать чувство реальности и способность оценивать свою роль и место в мире и попадал в еще большую зависимость от природы, чем прежде. Трагедию человечества и его современной культуры, ориентированной на потребительское использование природы, голый прагматизм и утилитарное отношение к жизни, известный современный культуролог Х. Ортега-и-Гассет определился следующим образом: «Человек в современном мире не ставит перед собой никаких запретов и ограничений, а сама окружающая его действительность постоянно бередит его аппетиты, которые растут бесконечно»[99].

Здравомыслящие ученые как светские, так и религиозные, обнаружившие симптомы приближающейся трагедии, разными путями пытались и пытаются предотвратить катастрофу. Выдающийся российский мыслитель академик В.И. Вернадский[100]. в своих работах указал на те опасности, которые таила неконтролируемая активность человека. Всей своей деятельностью он стремился к тому, чтобы биосфера - связующее звено между космосом и землей - постепенно превратилась в сферу Разума. Именно поэтому он создал научное направление «антропокосмизм», стремясь объединить социально - гуманитарные знания и естественные науки, исследующие природу планеты Земля и космос с целью выведения человечества на путь разумного самоограничения в своих взаимоотношениях с природой и космосом.

Взгляды В.И. Вернадского перекликались с идеями французского философа, ученого антрополога и богослова П.Т. де Шардена[101], который

---

[98] Философия культуры / Под ред. М.С. Кагана и др. М., 1998. С. 31сл

[99] Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 318, к этому см. Мамонтов С.П. Основы культурологи. М., 1996. С. 197сл

[100] Вернадский В.И.: 1)Философские мысли натуралиста. М. 1988; 2) Научная мысль как планетное явление. М., 1991; 3) Биосфера и Ноосфера. М., 1989; 4) В. Вернадский: жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. М., 1993; 5) Живое вещество и биосфера. М., 1994; 6) Pro et contra / Под ред. Я.В. Яншина, СПб., 2000

[101] Шарден П.Т. де: 1) Феномен человека. М., 1994. С. 149. Божественная среда. М., 2001. С. 109 сл

придумал для сферы Разума специальный термин «Ноосфера». Но в отличие от В.И. Вернадского П.Т. де Шарден придавал своим идеям религиозную окраску и считал необходимым слияние религии и опытной науки с целью ограничения неконтролируемого разума. Разработанные В.И. Вернадским и П.Т. де Шарденом идеи о Ноосфере потребовали реализации их в конкретных исследовательских программах. Разработка таких программ началась одновременно на Западе и в бывшем СССР. На Западе в 1968 г. под эгидой ЮНЕСКО возникла неправительственная организация ученых, политиков и бизнесменов, так называемый «Римский клуб»[102]. В бывшем СССР в начале 70-х гг. под влиянием лекций известного биолога-генетика И.В. Тимофеева- Ресовского, прочитанных в АН СССР, и публикаций работ В.И. Вернадского, ученые обратились к исследованиям биосферы с целью выяснения ее состояния вследствие крупнейших воздействий на нее человека. Первый этап этого исследования был закончен в 1982 г. Была создана система для исследования климатических последствий на земле после ядерной войны. Об этой системе подробно рассказывает в своих книгах известный математик Н.Н. Моисеев[103]. Результаты этих исследований были апробированы на международной конференции «Мир после ядерной войны». С этого времени стали широко употребительными термины «ядерная ночь» и «ядерная зима». Всему миру стало ясно, что гонка вооружений может закончиться глобальной катастрофой. Противостояние двух ядерных сверхдержав и возглавляемых ими блоков двух противоположных социально – политических систем могло дорого обойтись человечеству. Это и было главной внешней причиной, способствовавшей перестройке советской тоталитарной системы и слома ее.

Итак, начиная с 60-х годов, главное внимание исследователей, прежде всего естествоиспытателей, было направлено на изучение так называемой «биологической экологии». С целью преодоления неконтролируемого воздействия человека на природу силой своего разума, как уже выше было сказано, в 1968 г. была создана неправительственная организация, объединившая свыше 100 ученых, бизнесменов и общественных деятелей. Эта организация получила название «Римский клуб». Цель клуба – углублять понимание особенностей развития человечества в эпоху НТР путем обсуждения и стимулирования исследований по так называемым глобальным проблемам.

Большая часть этих проблем посвящена как раз выяснению сущности биологической экологии, и ее изучения с целью недопущения экологической катастрофы. Однако выдающийся современный гуманист и мыслитель Д.С. Лихачев[104]. совершенно правильно провел различие между традиционной «биологической экологией» и экологией культуры и, отметив важность ее исследования, предложил дополнить учения В.И. Вернадского и П.Т. де Шардена

---

[102] Печчеи А. Человеческие качества / Пер. с итал. М., 1985. С. 210сл

[103] Моисеев Н.Н.: 1) Экология человечества глазами математика. М., 1988; 2) Человек и Ноосфера. М., 1990; 3) Быть или не быть … человечеству? М., 1999; 4) Судьба цивилизации. Путь разума. М. 2000; 5) Универсум. Информация. Общество. М., 2001

[104] Лихачев Д.С. 1) Земля родная М., 1983; 2) Раздумья. М., 1991; 3) Очерки по философии художественного творчества. М., 1996.

о «Ноосфере», учением о «гомосфере». Свою идею он сформулировал следующим образом: «Экологию нельзя ограничить только задачами сохранения природной биологической среды. Для сохранения жизни человека не менее важна среда, созданная культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды - задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его «духовной оседлости», для его привязанности к родным местам, для его нравственной самодисциплины и социальности. А между тем вопрос о нравственной экологии не только не изучается, он даже и не поставлен нашей наукой, как нечто целостное и жизненно важное для человека.… Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны – он, как правило, равнодушен и к своей стране.… Убить человека биологически может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение экологии культуры»[105].

Д.С. Лихачев, безусловно, прав говоря, что в современной отечественной науке вопрос о нравственной экологии равно как и вопрос о нравственной культуре на протяжении более чем 80-летнего существования СССР и его тоталитарной коммунистической идеологии и государственности не ставился. В современной России культура как предмет изучения и область объективного, творческого и научного исследования организационно оформилась в науку культурологию лишь с 1995 г. Это стало возможным только после ликвидации КПСС и отказа от марксизма – ленинизма, как главной и единственной идеологии, обеспечивавшей существование тоталитарного коммунистического режима. Марксизм-ленинизм рассматривал культуру как область идеологической манипуляции. Это лучше всего подтверждается откровениями самого Ленина, который в беседе с художником Ю.П. Анненковым не стесняясь в выражениях, рассуждал о том, как он понимает культуру и роль интеллигенции. Он говорил следующее: «Я знаете, в искусстве не силен… Искусство для меня – это что-то вроде интеллектуальной слепой кишки, и когда его пропагандная роль, необходимая нам будет сыграна, мы его – дзык! дзык! И вырежем за ненужностью.… Вообще к интеллигенции, как вы, наверное знаете, я большой симпатии не питаю и наш лозунг «ликвидировать безграмотность» отнюдь не следует толковать как стремление к нарождению новой интеллигенции. Ликвидировать безграмотность следует лишь для того, чтобы каждый крестьянин, и каждый рабочий мог самостоятельно без чужой помощи читать наши директивы, приказы и воззвания. Цель вполне практическая, только и всего»[106].

Поэтому адепты Ленина человека, как индивидуальную личность, находящуюся в конкретной культурной среде с его нравственными исканиями и сомнениями, вообще не рассматривали. О нем обычно говорили как о частице класса, коллектива, где индивидуальные особенности человека нивелировались и не принимались во внимание. Господствующим было догматическое утверждение о том, что в классовом обществе существуют две морали равно как и две

[105] Лихачев Д.С. Раздумья. М., 1991. С. 201-202.
[106] Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. Л., 1991. Т.2. С. 247.

культуры: мораль и культура господствующего и угнетенного классов, причем первые - всегда реакционны, вторые - всегда прогрессивны.

Между тем в свободно развивающемся обществе именно культура, а не экономика, политика или идеология служит главным ключом к пониманию нравственного состояния общества. Это бесспорно справедливо, ибо именно культура личности определяет уровень нравственной культуры общества. Нравственная культура тесно связана с проблемой смысла человеческого существования. Общество проявляет и осознает себя именно в нравственной культуре. Нравственная культура возникает, как проявление совокупного духовного потенциала народа. Поэтому кризис нравственной культуры возникает тогда, когда образуется разрыв между культурой в целом вместе со всеми ее институтами и структурами и резко изменившимися условиями общественно – политической жизни. На судьбе нравственной культуры сказывается столкновение духовно-нравственных идеалов с реальной жизнью. Это ярче всего обнаруживается на примере нашей страны. На протяжении более чем 80-летнего господства коммунистической идеологии и советского тоталитарного государства в результате изгнания и физической ликвидации российской аристократии, буржуазии, интеллигенции, наиболее активных, трудолюбивых и самостоятельно мыслящих рабочих и крестьян, уничтожения прогрессивно развивавшихся к началу XX века социально-правовых отношений в российском обществе, отказа от классической системы среднего и высшего образования, ликвидации российского Министерства народного просвещения и его всесословной просветительской деятельности, были полностью уничтожены важнейшие культурные и общественно-политические ценности, созданные исторической Россией в течение XIX – нач. XXвв.

Поскольку после 1991 г. наследие коммунистической идеологии и советской тоталитарной системы до конца не было преодолено, поэтому сегодняшняя Россия оказалась в окружении все возрастающей волны негативных культурных влияний и сохраняющей свое превосходство советской эрзац-культуры, ментальности, и общественно-политической мысли. Стоит ли тогда удивляться невиданному в мире цинизму российских коммерсантов, тесно породнившихся с высшей государственной бюрократией, а также депутатами Думы и Совета Федерации, их иезуитскому умению ради экономической выгоды обходить любой закон или оплачивать принятие удобных для них законов; всплеску преступности в самых изощренных формах; становлению в кратчайшие сроки жесточайшей отечественной мафии. Алчность, изворотливость, лицемерие проникли в плоть и кровь нации и особенно ее руководства. Коррупция пронизывает все ветви власти сверху донизу: честь, скромность, правдивость, порядочность, доброжелательность напрочь вытравлены из жизни нашего общества. Преодоление нравственного культурного кризиса и есть одна из задач экологии культуры.

Д.С. Лихачев совершенно прав в том, что в нашей стране вопрос о нравственной экологии культуры совершенно не ставился. Тем не менее, вопросы нравственной и духовной культуры нашли освещение в европейской науке. Одним из наиболее выдающихся культурологов и мыслителей середины XX в.

был нобелевский лауреат А. Швейцер[107], литературное наследие которого посвящено теории культуры. Проблемы нравственного кризиса культуры нашли отражение в его книге «Культура и этика». Конечно А. Швейцер, живя и работая в середине XX в., говорил о кризисе нравственной культуры и путях выхода из него, имея в виду западный мир, но его идеи можно считать пророческими, ибо они сегодня в равной мере характерны и для состояния культуры нашего общества. Главная идея его упомянутой книги заключается в том, что в культуре большинства развитых стран мира исчезло этическое начало, поэтому она из среды обитания человека по вине самого человека превратилась в среду, противостоящую ему. Сегодня деятельность субъектов в этих странах осуществляется на основе не принципов гуманизма, а технической целесообразности, политической заинтересованности и экономической эффективности.

Эти факторы и составляют сущность прогрессирующего процесса дегуманизации человечества. Остановить его становится делом чрезвычайной важности. Поэтому, по мнению А. Швейцера, задача заключается в том, чтобы создать условия, которые не только способствовали бы нормальной жизни человека, но и благоприятствовали развитию его способностей и задатков. В том случае, если такие условия отсутствуют о культуре того или иного общества не может идти и речи[108]. Сущность культуры, как считает А. Швейцер, двойственна. Эту мысль, как я уже отмечал, другими словами высказал Ф. Бэкон. А. Швейцер же подчеркивает, что культура предполагает, с одной стороны, господство разума над силами природы, с другой – господство разума над человеческими убеждениями. Из этих двух функций культуры важнейшей он считает вторую, так как только господство разума над человеческими убеждениями и помыслами поставит сегодняшний неконтролируемый разум человечества в определенные рамки, создаст для него нечто вроде сдержек и противовесов, которые присущи развитым формам демократической организации общества[109]. Поэтому, по мнению А. Швейцера, если вести речь о прогрессе, то следует говорить только о духовном, нравственном прогрессе. Материального прогресса в действительности нет, он иллюзорный, ибо он только разрушает человеческое бытие.

Поэтому сегодня кризис культуры достиг драматического состояния, поскольку векторы материально-технического и духовно-нравственного прогресса разошлись окончательно, но, к сожалению, основная масса людей этого не осознает. Большинство представителей как власть имущих, так и людей науки, прежде всего, естественно-технической, считают, что «культура состоит преимущественно в научно-технических и художественных достижениях и может

---

[107] Швейцер А.: 1) Культура и этика. М., 1973; 2) Упадок и возрождение культуры. М., 1983; 3) Благоговение перед жизнью. М., 1992. К этому см. Антология культурологической мысли / Авторы составители С.П. Мамонтов, А.С. Мамонтов. М., 1996. С. 218сл.; Мамонтов С.П. Основы культурологи. М., 1996. С. 208сл. Шендрик А.И. Теория культуры. М., 2002. С. 386-408; Иконникова С.Н. История культурологических теорий. СПб., 2005. С. 390-402

[108] Швейцер А. Культура и этика. М., 1973. С. 5 сл.

[109] Там же. С. 52.

обойтись без этики или может ограничиться ее минимумом»[110]. И как мы видели, в эпоху модерна и постмодерна даже искусство облекается в материально-технические формы.

Итак, мысль, высказанную еще Кантом в эпоху Просвещения, о том, что культуру могут творить только мыслящие и свободные люди, вполне разделяет и А. Швейцер[111]. Поэтому если человечество не хочет погибнуть от того, что в результате деградации нравственной культуры наступит глобальный биологический экологический коллапс, необходимо культурологам и культур - антропологам объединенными усилиями добиваться от властей внедрения в сознание людей этой краткой и вместе с тем весьма емкой идеи путем широких форм просвещения, используя для этого как политические каналы, так и каналы СМИ. Кроме того, освободив Министерство образования и науки в нашей стране от бюрократического формализма, возвратить ему отобранные большевиками просветительные функции и восстановить соответствующее сегодняшним потребностям название Министерство народного просвещения.

Сегодня в большинстве развитых государств, в том числе в нашей стране выдвигается на передний план реформа образования. Однако принцип утилитаризма, который в этом случае используется, предусматривающий привнесение в систему образования законов рынка, и прежде всего спроса и предложений, губит ее на корню.

Властям необходимо доказывать, и это опять-таки дело ученых культурологов и культур - антропологов, что подлинный капитал в образовании заключается не в профессии молодых людей, которая нужна или не нужна рынку, а в овладении ими фундаментальной системой знаний, сопряженной с высоким уровнем духовных и нравственных ценностей и идеалов, которыми они будут руководствоваться и творчески применять свои знания в конкретных условиях их жизни и деятельности, понимая необходимость их постоянного совершенствования. Это достигается не укреплением единой общеобразовательной школы, неважно как она называется лицей, гимназия или просто средняя школа, а возрождением многообразия форм образовательной деятельности и образовательных учреждений. Средние классические и реальные гимназии, призванные давать полноценное среднее образование и формировать в молодых людях высокую школу духовных и нравственных ценностей, должны занять ведущее место в системе образования[112].

Необходимо также возродить еще один важный принцип эпохи Просвещения, заключавшийся в том, что только в свободном обществе свободные люди могут быть активными субъектами культуры, создавать и усваивать культурные ценности. Для этого нужно, чтобы соблюдались несколько важных условий. Необходимо чтобы субъекты культуры, осознавая себя гражданами, понимали, что свобода не может быть дана кем-то. Она либо есть как результат

---

[110] Там же. С. 54.

[111] Там же. С. 40.

[112] Строгецкий В.М. Классическое образование в России и его значение для формирования духовных качеств личности // Альманах Славяно-греко-латинского Кабинета ПФО РФ / НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. Н.Новгород, 2009. С. 5-9.

договора между гражданами и властью, законодательно оформленного в виде конституции или соответствующих законодательных актов, либо ее нет. Свободу следует понимать не как абсолютное волеизъявление личности, но как самоограничение в словах, действиях и поступках, не допускающих нарушения и ущемления прав и интересов других людей. Наконец, каждый субъект культуры как гражданин, добиваясь от власти защиты своих прав, должен вместе с тем помнить и о своих обязанностях как по отношению к обществу и государству, так и к своим согражданам, что также регулируется конституций или соответствующими законодательными актами. С другой стороны государство должно руководствоваться принципом приоритета частного права над публичным и защищать в первую очередь личность гражданина, а затем институты власти. Нарушение этих условий приводит к конфликту личности и общества личности и государства. Государство ужесточает воздействие на личность, регламентируя все сферы человеческой деятельности, и приводит к тому, «что личности и идеи попадают под контроль институтов власти, вместо того, чтобы оказывать влияние на них и поддерживать в них живое начало[113].

Завершая рассмотрение проблем кризиса нравственной экологии культуры и характеризуя пути выхода из него, можно присоединиться к оптимистическим мыслям А. Швейцера о том, что «только при условии постоянной апелляции к мыслящему мировоззрению и при сохранении веры в возрождение наших творческих сил, можно пробудить все духовные способности человека»[114].

[113] Швейцер А. Ук. соч. С. 47.
[114] Там же. С. 69 сл.

Гвоздева Т. Б.
Москва. Литературный институт.
Финансовый университет при правительстве
Российской Федерации

АГОН РАПСОДОВ НА ВЕЛИКИХ ПАНАФИНЕЯХ

Спортивная программа Великих Панафиней состояла из двух типов агонов: больших и малых. Малые агоны входили в состав древнего праздника Афины, тогда как большие появились после 566 г. до н.э. — гимнический, конный и мусический. Этот последний открывал состязательную программу Панафиней в VI в. до н.э. В призовом панафинейском списке сер. IV в. до н.э. агона рапсодов нет, но реконструкция отсутствующих линий в верхней части колонок показывает, что эти состязания открывали мусический агон, проводившийся 21—23 гекатомбеона[115]. Однако мусический агон на Великих Панафинеях был гораздо более интересным и разнообразным, чем на других Панэллинских Играх. В него входили состязания рапсодов, кифаредов и кифародов, авлетов и авлодов, киклических хоров, исполнявших дифирамбы и синавлии[116].

Основным материалом по истории мусического агона на Панафинеях в VI и в нач. V вв. до н.э. являются данные псевдо-панафинейских амфор. Ранняя из них датируется 550—540 гг. до н.э. На ней изображён бородатый авлод, поющий под аккомпанемент бородатого авлета (British Museum, London, B.141)[117]. На псевдо-панафинейской амфоре из Лондона представлено самое раннее изображение кифариста (British Museum, London, 13 139 = ABV 139,12)[118]. Безбородый мужчина стоит прямо между двумя колоннами с петухами и играет на своём инструменте. Он может быть кифаристом, но может быть и кифародом. Возможно, это было состязание для взрослых кифаристов.

В VI в. до н.э. Афины постепенно становятся центром музыки и поэзии, чему в немалой степени способствовало правление Писистрата и его сыновей, Гиппия и Гиппарха. Именно Гиппарху (или Писистрату) источники приписывают введение в мусическую программу Великих Панафиней агона рапсодов.

Особенностью мусического агона Панафиней были состязания рапсодов, участники которого состязались в лучшем исполнении гомеровского эпоса (Ael.

---

[115] *Parke H.W.* Festivals of the Athenians. London, 1986. P. 35; *Johnston A.W.* IG II^2 2311 and the number of Panathenaic amphorae // The annual of the British school at Athens. 1987. Vol. 82. N. 38; *Shapiro H.A.* Mousikoi Agones: Music and Poetry at the Panathenaia // Goddess and Polis. The Panathenaic Festival in Ancient Greece / Ed. J. Neils. Princeton, 1992. P. 72.

[116] О мусическом агоне Великих Панафиней см.: *Гвоздева Т.Б.* Некоторые аспекты мусического агона на Великих Панафинеях // Древний восток и античный мир. К 70-летию исторического факультета. М., 2004. Вып. 6. С. 20—29.

[117] *Shapiro H.A.* Mousikoi Agones... P. 62, fig. 40; Г. Котсиди датирует эту вазу ок. 560 г. до н.э. см.: *Kotsidu H.* Die musischen Agone der Panathenäen in archaischer und Klassischer Zeit // Quellen und Forschungen zur Antiken Welt. Munich, 1991. № 8. P. 294.

[118] *Shapiro H.A.* Mousikoi Agones... P. 66, fig. 43; *Kotsidu H.* Op. cit. P. 294, no P2.

VH. VIII. 2; XIII. 14)[119]. Древними исполнителями гомеровского эпоса были певцы аэды, которые являлись также и сказителями эпоса. Различные эпизоды из «Илиады» и «Одиссеи» свидетельствуют о том, что «эпическое творчество давно уже находилось в руках певцов-профессионалов»[120]. Они пели под аккомпанемент струнных музыкальных инструментов — лиры или кифары. Аэды развлекали своими песнями знать на пирах. Так, аэд Фэмий услаждает слух женихов, пирующих в доме Одиссея (Hom. Od. I. 153; 325—344; XXII. 330—356). В VIII песне «Одиссеи» описан другой аэд — Демодок, поющий на пиру у царя Алкиноя о ссоре между Ахиллом и Одиссеем (Od. VIII. 73—82; XIII. 27—28). Гомер, возможно, сам был аэдом и подобно Демодоку пел на пирах под аккомпанемент струнных инструментов[121]. О призах на ранних состязаниях аэдов сообщает Гесиод. На погребальных играх Амфидаманта в Халкиде он выступал в качестве аэда и как победитель получил бронзовый треножник, который посвятил Музам Геликона, обучивших его пению (Hes. Erg. 650—659). В VI в. до н.э. жанр героического эпоса стал уступать место другим поэтическим жанрам, одновременно с этим стало приходить в упадок и оригинальное поэтическое творчество аэдов. На их место заступили певцы другого типа — рапсоды. Если аэды — это певцы сказители, то рапсоды в первую очередь — профессиональные исполнители эпоса[122]. Рапсоды исполняли различные песни Гомера, выступая при этом на общественных праздниках, а не на пирах в частных домах, как аэды. В отличие от аэдов, выступления рапсодов всегда были в рамках состязания. Геродот упоминает тирана Клисфена Сикионского, который в нач. VI в. до н.э. во время войны с Аргосом запретил в Сикионе состязание рапсодов потому, что в гомеровских поэмах воспевались Аргос и аргоссцы (Herod. V. 67)[123].

Об агоне рапсодов на Великих Панафинеях известно немного. Для выступления рапсодов на Панафинеях был принят некий «панафинейский закон», о котором речь идёт в диалогах Платона «Ион» (Ion. 531) и «Гиппарх» (Hipp. 228B). Также дополнительные сведения о нём находим у Исократа (Paneg. 158), Ликурга (Contr. Leocr. 102) и Диогена Лаэртского (I. 57). Однако у авторов нет единства в вопросе: кому принадлежит первая запись гомеровских поэм, организация состязания рапсодов, предоставление им музыкального сопровождения. Одни считают это заслугой Писистрата (Ael. VH. XIII. 14; schol. Aristid. 98; 196), другие — его сына Гиппарха (Ael. VH. VIII. 2; Plat. Hipp. 228b). Диоген Лаэртский право выступать рапсодам с поэмами Гомера приписывает

---

[119] *Mommsen A.* Feste der Stadt Athen im Altertum, geordnet nach attischen Kalender. Leipzig, 1898. S. 61—62; *Davison J.A.* Notes of the Panathenaea // Journal of Hellenic Studies. 1958. Vol. 78. P. 36—37; *Holloway R.R.* Music at the Panathenaic festival // Archaeology. 1966. XIX. P. 117; *Parke H.W.* Op. cit. P. 35.

[120] *Зайцев А.И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н.э. Ленинград, 1985. С. 150.

[121] *Shapiro H.A.* Mousikoi Agones... P. 72; *West M.L.* The Singing of Homer and the Modes of Early Greek Music // Journal of Hellenic Studies. 1981. Vol. 101. P. 113—115.

[122] *Ford A.* The Classical Definition of Rhapsodia // Classical Philology. 1988. Vol. 83. P. 303.

[123] *Cingano E.* Clistene di Sicione? Erodoto e i poemi del Cicio tebano // Quademi Urbinati di Cultura classica. 1985. Vol. 49. P. 31—40.

Солону (Diog. Laert. I. 57), но ни он, ни Исократ (Paneg. 158) не говорят о рапсодах в связи с Панафинеями. В диалоге «Гиппарх» утверждается, что мусические состязания были введены по инициативе Гиппарха (Hipp. 228b), Ликург же говорит о том, что эти состязания — достояние более далёкого прошлого (Contr. Leoc. 102). Причём Ликург уточняет, что гомеровский эпос исполняли на панафинейской пентетриде, т.е. на Великих Панафинеях. Следовательно, панафинейский закон о рапсодах мог быть введён после реорганизации праздника в 566 г. до н.э. и был призван упорядочить их деятельность. Дж. Дэвисон сомневался, что Солон мог установить состязание рапсодов на Панафинеях, так как Солону было гораздо легче вытеснить Гиппарха в литературной традиции, чем Гиппарху — Солона[124].

В трактате «Гиппарх», который приписывается Платону, подробно описана культурная программа Гиппарха. Именно благодаря Гиппарху в Афины съехались многие поэты и музыканты. В 522 г. до н.э. в Афины за большие деньги был приглашён поэт Анакреонт, слава которого гремела по всей Элладе. За знаменитым поэтом Гиппарх отправил пятидесятивёсельное судно (Ps.—Plat. Hipp. 228c—d). Поэт и музыкант Лас из Гермиона также получил приглашение от Гиппарха. Автор «обновлённого» дифирамба был вызван специального для устройства на Панафинеях состязания киклических хоров, исполнявших дифирамб, в искусстве которого Лас особо прославился. Он оставил первое в греческой литературе руководство по музыке. Также в Афины прибыл Ономакрит, которого впоследствии Лас уличил в том, что тот вставлял в стихотворения поэта Мусея подложные стихи (Herod. VII. 61). Гиппарх привлёк в свой кружок молодого поэта Симонида Кеосского, пригласив его к себе в Афины. Платон пишет, что Симонида Гиппарх постоянно держал при себе, одаряя его сверх меры большим жалованьем и дарами (Ps.—Plat. Hipp. 228c—d). Возможно, что в период 540—530 гг. до н.э. в программу Великих Панафиней Гиппарх включил состязание рапсодов. На чёрнофигурных вазах этого периода встречаются ранние изображения рапсодов. На псевдо-панафинейской амфоре из Ливерпуля (540-е гг. до н.э.) изображены бородатые рапсоды (National Museum and Galleries on Merseyside, Liverpool, 56.19.18)[125]. Амфора из Ольденбурга относится к 530—520 гг. до н.э., на ней изображён бородатый певец, стоящий на беме между двумя мужчинами, возможно, судьями или слушателями (Stadtmuseum, Oldenburg, XII/8250/2)[126]. Анализ аттической вазописи ок. 560 г. до н.э. показывает увеличение интереса художников к сюжетам эпических поэм. Р.

[124] *Davison J.A.* Peisistratus and Homer // TARA. 1955. Vol. 86. P. 7—15; *Hignett C.* A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century. Oxford, 1952. P. 316—321.

[125] *Shapiro H.A.* Hipparchos and the Rhapsodes // Cultural Poetics in Archaic Greece: Cult, Performance, Poetics. Oxford, 1998. P. 98—102, figs. 26—27; *Shapiro H.A.* Mousikoi Agones... P. 75, fig. 51; *Kotsidu H.* Op. cit. P. 294, no. P 6.

[126] *Shapiro H.A.* Hipparchos and the Rhapsodes… P. 98, 100, figs. 25; *Shapiro H.A.* Mousikoi Agones... P. 74, fig. 50; *Kotsidu H.* Op. cit. P. 294, no. 6.

Хамр и Т. Вебстер упоминают о существовании вазы с сюжетами «Илиады», которую датируют временем до 530 г. до н.э.[127]

Основной вопрос, которым задаются исследователи мусического агона — выступали ли рапсоды с поэмами Гомера на Панафинеях после реорганизации 566 г. до н.э. или позднее, при Гиппархе? Гиппарх перенёс поэмы Гомера в Афины, возможно, из Хиоса, где были гомериды[128], но не ясно, что представляли собой эти состязания в Афинах до акции Гиппараха, и исполняли ли на них что-либо, кроме произведений Гомера. Возможно, что темой для выступления рапсодов мог быть какой-либо кикл, например троянский[129]. Репертуар рапсодов включал многие сцены из троянского кикла, которые не были отражены в вазописи за период ок. 560 г. до н.э. Наиболее же популярными сюжетами чёрнофигурных ваз были (после подвигов Геракла и Диониса) — «Суд Париса», «Падение Трои», «Битва Ахилла с Мемноном и Пентесилеей», «Засада Ахилла на Троила» и другие[130]. Этих сцен нет в эпосе Гомера, но все они относятся к троянскому циклу и все соответствовали по объёму и драматизму выступлению рапсодов. Всё это объясняет важность акции Гиппарха — «введение гомеровских поэм» (т.е. «Илиады» и «Одиссеи») в Афины[131].

Рапсоды выступали с отдельными фрагментами эпоса, которые ещё не были объединены в отдельные песни александрийскими учёными. Возможно, что древние комментаторы обозначали их специальными эпическими названиями, как то: «Погребальные игры Патрокла» (Il. XXIII), «Посольство к Ахиллу» (Il. IX), «Выкуп тела Гектора» (Il. XXIV). Элиан пишет о том, что изначально гомеровские поэмы исполняли отдельными песнями, которые назывались «Битва у кораблей», «Долонея», «Подвиги Агамемнона», «Патроклея», «Выкуп», «Игры в честь Патрокла», «Нарушение клятвы» — все эти песни составили впоследствии «Илиаду» Гомера, а также «События в Пилосе», «События в Лакедемоне», «Пещера Калипсо», «Постройка плота», «Встреча с Алкиноем», «Киклопы», «Заклинание умерших», «Приключения у Кирки», «Омовение», «Расправа с женихами», «События в деревне», «События в доме Лаэрта», составившие «Одиссею» (Ael. VH. XIII. 14). Любой из таких фрагментов, от 500 до 900 строк, вполне мог быть достаточным для выступления рапсода. Текст не записывался, а заучивался наизусть. Известно, что рапсоды могли допускать некоторые отступления от текста, так как их собственное творчество было подчинено внезапному порыву вдохновения. Это давало возможность рапсодам творчески подходить к эпосу, по разному трактуя образы и события[132].

---

[127] *Hampe R.* Antikes und Modernes Griechenland. 1984; *Webster T.B.L.* Everyday life in classical Athens. London, 1969.

[128] О Гомеридах см.: *Burkert W.* The Making of Homer in the Sixth Century B.C.: Rhapsodes versus Stesichoros // Papers on the Amasis Painter and his World. Malibu. 1987. P. 49, n. 107.

[129] *Shapiro H.A.* Mousikoi Agones... P. 72—73.

[130] Об изображении эпических эпизодов в искусстве VI в. до н.э. см.: *Schefold K.* Gotter- und Hellensagen in der griechischen Kunst der spatarchaischen Zeit. Munich, 1978.

[131] *Griffin J.* The Epic Cycle and the Uniqueness of Homer // Journal of Hellenic Studies. 1977. Vol. 97. P. 39—58.

[132] *Shapiro H.A.* Mousikoi Agones... P. 73.

Материал чёрнофигурных аттических ваз 560—520 гг. до н.э. подтверждает такой порядок для «до-Гиппарховых» рапсодов[133]. Можно предположить, что выступления рапсодов были одним из средств распространения гомеровского эпоса, и на мусическом агоне Великих Панафиней они являлись пересказом поэм Гомера[134].

Изменение тематики выступлений рапсодов в большей или меньшей степени представлено в мифологических сценах аттической вазописи середины или третьей четверти VI в. до н.э., когда наблюдается всплеск интереса к некоторым эпизодам эпических сюжетов —— «Спор трёх богинь», «Спутники Одиссея, превращённые в свиней Цирцеей», «Троил, попавший в засаду Ахилла», «Пожар Трои»[135]. «Илиада» и «Одиссея» тогда ещё не имели статуса «подлинного Гомера» и не являлись главной темой для творчества рапсодов и художников. Только с 530—520 гг. до н.э. в результате деятельности Гиппарха многие эпизоды «Илиады» и «Одиссеи» стали сюжетами картин и вазописи.

Состязания рапсодов были установлены в конце первой половины VI в. до н.э. с правилами, согласно которым певцы могли выбирать отрывок для декламации по своему усмотрению (Plat. Ion. 531a). Возможно, что Гиппарх ок. 530 г. до н.э. реорганизовал состязания, уже имевшие место на Панафинеях, и что они продолжались в таком виде до кон. IV в. до н.э. Согласно «панафинейскому закону», выступление одного рапсода должно было продолжаться другим певцом в том месте песни, где остановился предыдущий рапсод (Ps.-Plat. Hipp. 228b; Diog. Laert. I. 57). Только Платон приписывает введение этого правила Гиппарху, а Диоген Лаэртский — Солону. Это правило сохранилось до IV в. до н.э. Едва ли оно существовало при первых состязаниях рапсодов на Панафинеях. «Панафинейский закон» должен был устранить практику со стороны рапсодов, когда они пытались во время выступлений отклониться от первоначального текста[136]. Со времени принятия закона о состязаниях рапсодов на Панафинеях гомеровский текст был защищён от сиюминутных изменений.

Псевдо-панафинейская амфора с изображением рапсода на реверсе (Stadtmuseum, Oldenburger, XII/8250/2), датируемая 530—520 гг. до н.э., является самой ранней иллюстрацией способа исполнения рапсода — рапсод изображён между двумя слушателями (судьями?); он выступает, стоя на беме с длинной палкой в руке[137]. Г. Котсиди полагал, что первые выступления аэдов с формингой с возникновением ранней дорийской лирики стали речетативом[138]. Текст гомеровского эпоса (Hom. Od. VIII. 261; VIII. 487), а также вазы геометрического стиля свидетельствуют об объединении пения, инструментальной игры и танца, из которых складывалась форма выступления певца с добавлением мимической игры. Этот способ выступления в VI в. до н.э. был полностью заменён

---

[133] Ibid.
[134] См.: *Shapiro H.A.* Les rhapsodes aux Panathenees et la ceramique a Athenes a l'epoque archaique // Actes du Colloque Culture et Cite. Brussels, 1992.
[135] *Kotsidu H.* Op. cit. P. 42.
[136] Ibid.
[137] Ibid. P. 43.
[138] Ibid.

речитативом, тогда как музыка и танец исчезли. Форминга аэда была заменена на жезл рапсода[139]. Таким образом, рапсодия стала частью мусического искусства как искусства речитатива[140]. Жезл рапсода, который встречается на аттических вазах[141] и упоминается в литературе (Athen. XIV.620C; Pind. Istm. III.4; 56; Hes. Theog. 30), интерпретировался как инструмент аккомпаниатора, как знак профессии рапсода, потом как героический скипетр[142]. А. Нойбекер считал, что ударом жезла рапсод задавал ритм выступления[143]. Аристотель в «Поэтике» говорит о манере исполнения рапсода V в. до н.э. Сисистрата, в которой превалировал мимический элемент (Poet. 26. 1462a).

Для панафинейского агона рапсодов источниками засвидетельствовано их выступление с гомеровским эпосом без перерыва текста, группой сменяющих друг друга рапсодов, выступавших по отдельности[144]. Вопрос о длительности их выступления остаётся неясным. Исследование показало, что для полного чтения «Илиады» было необходимо три дня, что, в целом, соответствовало длительности рапсодического агона Панафиней[145]. П. Мазон отмечал, что в источниках упоминается только то, что рапсоды соблюдали последовательность текста, а не то, что поэмы исполнялись полностью[146]. Р. Сили считает, что идея панафинейского закона Гиппарха была направлена против тенденции ранних рапсодов декламировать только некоторые излюбленные эпизоды, упуская многие другие[147]. Остаётся неясным также вопрос, как читали «Илиаду» и «Одиссею» — вместе или по отдельности. Г. Шапиро считает, что реформа Гиппарха привела к тому, что в течение трёх дней панафинейского праздника аудитория слушала полную версию «подлинного Гомера», т.е. «Илиаду» и «Одиссею» в строго установленном порядке. Это стало нововведением Гиппарха для Афин и их главного праздника[148].

Несомненно, что Гиппарх «первым ввёл поэмы Гомера в Афины». Авторы V в. до н.э., такие как Геродот и Фукидид, упоминают только две «подлинные» поэмы Гомера — «Илиаду» и «Одиссею», а не фрагменты киклов. Гиппарх привёл в порядок многие эпизоды поэмы. «Панафинейский закон» Гиппарха означал существование «утверждённого» репертуара рапсодов. Очевидно, что с сер. VI в. до н.э. в Афинах уделялось большое внимание поэмам Гомера, и то, что это происходило на Панафинеях, а не в Олимпии или в Дельфах, было главной особенностью панафинейского праздника.

---

[139] Ibid. P. 43, n. 30.
[140] *Neubecker A.J.* Altgriechische Musik. 1977. S. 63.
[141] *Kotsidu H.* Op. cit. P. 43, n. 33.
[142] *Davison J.A.* From Archilochos to Pindar. 1968. P. 7; *Herington J.* Poetry into Drama. Berkeley, 1985. P. 14.
[143] *Neubecker A.J.* Altgriechische Musik. 1977. S. 63.
[144] *Kotsidu H.* Op. cit. P. 44.
[145] *Wade-Gery H.-T.* The Poet of the Ilias. 1952. P. 14; *Mazon P.* Introduction a l'Iliade // CUF. 1948. P. 234—235.
[146] *Mazon P.* Op. cit. P. 234—235.
[147] *Sealey R.* From Phemion to Ion // Revue des etudes grecques. 1975. Vol. 70. P. 312—355.
[148] *Shapiro H.A.* Hipparchos and the Rhapsodes... P. 98—102, figs. 26.

Исократ, вспоминая декламации гомеровских поэм, говорит, что их охотно воспроизводили во время Греко-Персидской войны (Isocr. Paneg. 159). Кроме Гомера, какие ещё произведения могли составлять репертуар рапсодов на Панафинеях? Если говорить об эпосах, то есть упоминание об исполнении поэм Гесиода (Plat. Ion. 531a; 532a; schol. Pind. Nem. II. 1c). Кроме Гомера и Гесиода, такой чести удостоился представитель позднего героического эпоса Херил Самосский. Младший современник Геродота, он описал победу афинян над Ксерксом в эпосе «Персеида». Херил был отмечен особой премией (золотой статер за строчку!), а его патриотический эпос специальным постановлением Народного собрания был разрешён, наряду с поэмами Гомера, для выступления рапсодов на Панафинеях. Уникальная награда, а также молчание остальных источников об этом событии говорят о том, что выступление с «Персеидой продолжалось недолго[149].

[149] *Mommsen A.* Op. cit. S. 67; *Mazon P.* Op. cit. P. 235.

Никишин В.О., Гвоздева И.А.,
Москва.

Памяти Василия Ивановича Кузищина (1930—2013 гг.)

Letum non omnia finit
Проперций

Российская историческая наука понесла тяжёлую невосполнимую утрату. 28 февраля 2013 г. на 83-м году жизни скончался выдающийся учёный-антиковед Василий Иванович Кузищин, доктор исторических наук, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова. На протяжении долгих 36-ти лет (1973 – 2009 гг.) Василий Иванович бессменно руководил кафедрой истории древнего мира – одной из старейших кафедр исторического факультета Московского университета.

Возглавив в 1973 г. кафедру истории древнего мира, Василий Иванович поставил перед собой задачу обеспечить учебный процесс университетского цикла серией учебников и учебно-методических пособий. Под его руководством в издательстве «Высшая школа» был создан принципиально новый учебник по «Истории Древнего Востока», в 1979 – 2000 гг. выдержавший три издания. В частности, в этот учебник впервые был включён материал по истории Аравии и Юго-Восточной Азии. В 1986 – 2000 гг. под редакцией Василия Ивановича Кузищина вышли три издания учебника «История Древней Греции», в работе над которым Василий Иванович принимал участие и как основной автор.

В том же издательстве Василий Иванович выступил в качестве главного редактора и основного автора при подготовке 4-х изданий учебника «История Древнего Рима», неоднократно переводившегося на иностранные языки. В 1987 г. под редакцией Василия Ивановича Кузищина вышла в свет «Хрестоматия по истории Древнего Рима». Второе издание этой хрестоматии – «История Древнего Рима. Тексты и документы» в 2-х томах – было опубликовано в 2004 – 2005 гг. Уникальным учебным пособием под редакцией Василия Ивановича стала «Историография античной истории» (1980 г.). Учебники «История Древнего Востока», «История Древней Греции» и «История Древнего Рима» заслуженно были включены в серию «Классический университетский учебник».

Специализация по истории Древнего Востока была подкреплена трудами, выполненными опять-таки под редакцией Василия Ивановича: «Источниковедение истории Древнего Востока» (1984 г.), «История Древнего Востока. Материалы по историографии» (1991 г.), «Историография истории Древнего Востока. Иран, Средняя Азия, Индия, Китай» (2002 г.), «Историография истории Древнего Востока» в 2-х томах (2008 г.). В дополнение к учебнику

«История Древнего Востока» была создана двухтомная «Хрестоматия по истории Древнего Востока» (1980 г.), содержавшая источники по истории всех регионов древневосточной ойкумены. Новое издание хрестоматии «История Древнего Востока. Тексты и документы», включающее оригинальные переводы древневосточных текстов, увидело свет в 2002 г. В 2000 г. учебник «История Древней Греции» был дополнен выпуском «Антологии источников по истории, культуре и религии Древней Греции». Для углублённого изучения источников по древнегреческой истории под редакцией Василия Ивановича было выпущено «Источниковедение истории Древней Греции. Эллинизм» (1982 г.).

В последние годы жизни Василий Иванович Кузищин активно сотрудничал с издательским домом «Академия». В 2005 – 2012 гг. им были выпущены учебники «История Древнего Востока», «История Древней Греции» и «История Древнего Рима», предназначенные для подготовки бакалавров и выдержавшие за указанный период три издания. Важным новшеством этих учебников стало то, что помимо теоретического курса они содержали хрестоматийную часть, необходимую для подготовки докладов и курсовых работ.

За долгие десятилетия своей необычайно плодотворной и насыщенной достижениями творческой и научно-преподавательской деятельности Василий Иванович показал себя прекрасным организатором, создавая уникальные авторские коллективы для разработки каждого из перечисленных учебников и учебных пособий, в написании которых принимали участие крупнейшие учёные из Академии Наук и российских университетов. Сам факт подобного сотрудничества обеспечил высочайший научный уровень изданий, выпущенных общим тиражом свыше 300 тысяч экземпляров.

Василий Иванович Кузищин вёл огромную педагогическую работу. Всего им было подготовлено около 200 дипломников и более 50 кандидатов исторических наук, 6 из которых впоследствии успешно защитили докторские диссертации.

При непосредственном и активном участии Василия Ивановича Кузищина на историческом факультете МГУ была разработана концепция специализации студентов по истории древнего мира. В соответствии с этой концепцией этапы специализации развивались на базе изучения специальных дисциплин, как то: исторической географии, источниковедения, истории культуры, историографии, латинской и греческой эпиграфики, нумизматики, папирологии. Благодаря личной инициативе Василия Ивановича в программу специализации вошли спецкурсы по римскому праву. Особое внимание маститый профессор и чуткий педагог всегда уделял языковой подготовке студентов. Опять же при его непосредственном участии была разработана программа, рассчитанная на 5 лет обучения латинскому языку и 4 года – древнегреческому. Кроме того, на кафедре истории древнего мира было организовано преподавание таких древневосточных языков, как египетский, аккадский, хеттский, хурритский, персидский, санскрит и древнекитайский.

В 1993 г. стараниями Василия Ивановича на кафедре истории древнего мира была создана новая специализация «История цивилизаций доколумбовой Америки». Он преодолел бытовавший в то время чисто лингвистический подход

к изучению этих цивилизаций и сформулировал задачи исследования данного историко-культурного феномена, что позволило поставить Мезоамерику в один ряд с древними цивилизациями Старого Света и с полным правом включить её изучение в курс истории древнего мира. Студенты, аспиранты и преподаватели кафедры истории древнего мира принимали участие в нескольких научных проектах на территории Мексики, Гватемалы и Гондураса, как то: Российской археo-эпиграфической экспедиции (Кинтана-Роо, Мексика, 2001 г.), Археологическом проекте Холмуля (Петен, Гватемала, 2004 – 2007 гг.), Археологическом проекте Копана (Гондурас, 2008 – 2011 гг.) и других.

Обладая уникальным опытом работы в археологических экспедициях, Василий Иванович инициировал археологическую практику для студентов кафедры истории древнего мира. На протяжении многих лет он возглавлял Херсонесскую археологическую экспедицию исторического факультета МГУ в Севастополе. За время её работы были проведены раскопки целого ряда археологических памятников эллинистического и римского времени. Изучение истории Херсонеса стало одним из научных направлений работы кафедры истории древнего мира. Кроме того, сам Василий Иванович принимал деятельное участие в работе совместной российско-египетской археологической экспедиции в Гизе, привлекая к работе в ней студентов и аспирантов кафедры.

С 2001 г. Василий Иванович Кузищин возглавлял кафедру истории Черноморского филиала МГУ в Севастополе. Его широкий кругозор исследователя с мировым именем и энциклопедические познания в области исторической науки позволили быстро и эффективно организовать специализацию по важнейшим направлениям всеобщей и отечественной истории. Неоспоримой заслугой Василия Ивановича стало преобразование в 2009 г. кафедры истории Черноморского филиала МГУ в кафедру истории и международных отношений. Многие выпускники кафедры сегодня продолжают своё образование на историческом факультете МГУ, защищают кандидатские диссертации, становятся научными сотрудниками и преподавателями вузов.

С самого начала в научном творчестве Василия Ивановича Кузищина видное место заняла разработка целого ряда важных теоретических вопросов антиковедения. В то время, когда в европейской науке безраздельно господствовало представление, будто в римском Средиземноморье рабовладельческая латифундия представляла собой самый распространённый хозяйственный тип, Василий Иванович убедительно опроверг это общепризнанное положение, аргументированно доказав факт сравнительно позднего возникновения латифундий, чем, по сути, обозначил новое направление исследований в отечественной романистике.

Итоги многолетних штудий Василия Ивановича в области аграрной истории Древнего Рима нашли своё отражение в целой серии его монографий. В «Очерках по истории земледелия в Древней Италии II в. до н.э. – I в. н.э.» (1966 г.) автором была развёрнута впечатляющая картина эволюции италийского землевладения. Сформулированная Василием Ивановичем концепция римского аграрного хозяйства исходила из того, что не латифундия, а товарная вилла средних размеров, связанная с рынком, являлась господствующим хозяйственным

типом в период расцвета римской экономики. В монографии «Римское рабовладельческое поместье Италии II в. до н.э. – I в. н.э.» (1973 г.) Василий Иванович глубоко проанализировал и детально охарактеризовал все типы италийского сельского хозяйства – от мелкой крестьянской оседлости до латифундии. Неоспоримая заслуга автора заключалась в создании принципиально новой периодизации аграрной истории Древнего Рима. В завершившей серию «аграрных» монографий работе «Генезис рабовладельческих латифундий (II в. до н.э. – I в. н.э.)» (1976 г.) Василий Иванович раскрыл механизм формирования крупных хозяйств, их структуру и способы управления. Он подчеркнул, что интенсивное развитие рабства прослеживается в первую очередь на рабовладельческих виллах среднего размера, ориентированных на рынок.

Василий Иванович отметил уникальность античной экономики, выступив как против её примитивизации, так и против прямолинейного её сопоставления с мировой экономикой образца XX в. Он убедительно опроверг распространённое в международном антиковедении представление о бесчеловечной эксплуатации рабов их хозяевами, вскрыл суть хозяйственного типа товарной рабовладельческой виллы и доказал, что лишь рациональная организация рабского труда делало такое хозяйство рентабельным. В своей обобщающей монографии «Античное классическое рабство как экономическая система» (1990 г.) Василий Иванович детально исследовал систему организации рабского труда, проанализировав такие её аспекты, как специализация и квалификация рабского персонала, создание рабской администрации, бытовые условия содержания рабов, система их поощрений и наказаний. Труды Василия Ивановича Кузищина, посвящённые римской товарной вилле средних размеров как ведущему типу хозяйства в римской экономике II в. до н.э. – I в. н.э., получили признание со стороны антиковедов с мировым именем – Э. Габбы и Л. Капогросси-Колоньези (Италия), Ж. Андро и П. Бернара (Франция), Х. Бласкеса (Испания). В 80-х гг. XX в. ряд работ Василия Ивановича о генезисе рабовладельческих латифундий был переведён на европейские языки. Этот бесценный вклад в международное антиковедение трудно переоценить.

Василий Иванович Кузищин предложил свою оригинальную интерпретацию фундаментальной и постоянно дискутируемой проблемы соотношения товарного производства и натурального хозяйства в римской экономике. Он определил эту экономику как сложный комплекс нескольких типов хозяйств, сочетавших в себе натуральное хозяйство и товарное производство. Последнее, по мнению Василия Ивановича, занимало определённую нишу в общей структуре римской экономики, однако его существование было относительно недолгим и охватывало всего лишь три столетия римской истории (II в. до н.э. – I в. н.э.). Оно базировалось, прежде всего, на умелой и рациональной организации рабского труда, что придавало товарному производству в античности специфический (рабовладельческий) характер. В 2011 г. Василий Иванович опубликовал книгу «Исследования в области экономической истории античности», которая подвела итог многолетним исследованиям выдающегося учёного в области экономической истории античного общества.

В русле разработки Василием Ивановичем Кузищиным различных теоретических аспектов античной истории находится и осуществлённый им пересмотр догматических представлений, связанных с теорией общественно-экономических формаций (ОЭФ), которая господствовала в отечественной науке в 1930 – 50-е гг. Этот пересмотр был осуществлён за счёт включения в структуру теории ОЭФ многих так называемых цивилизационных признаков, как то: культурного, религиозного, правового и других. Василий Иванович обратился к исследованию специфики каждого из этапов древней истории, акцентируя различия исторического пути древних обществ Востока и Запада.

Изучение Василием Ивановичем экономики Древней Греции имело своим результатом появление статьи «Опыт имитационного моделирования историко-социального процесса» (1978 г.), которая вызвала широкую дискуссию в научной среде и впоследствии была издана в Страсбурге на французском языке (1980 г.). В то время это был уникальный опыт моделирования на основе античных источников. К опыту моделирования, но уже в сфере аграрных отношений Древней Греции Василий Иванович обратился в 1999 г. в статье «Две модели античного поместья: первичные опыты экономического моделирования». Со временем это направление получило дальнейшее развитие в трудах его учеников.

В последние десятилетия Василий Иванович много и плодотворно занимался историей олимпийского движения в античности. Его статьи «Олимпийские игры как феномен древнегреческой и мировой культуры» и «Олимпийские игры как миротворческий фактор в политической жизни Греции» положили начало серьёзному исследованию данной проблематики в отечественном антиковедении. Важным итогом этой работы стал сборник статей «Mesogeios. 24. Les Jeux Olympiques dans l'Antiquité» (2004 г.), изданный в издательстве «Hêrodotos» в Париже. В этот сборник вошли посвящённые теме Олимпийских игр труды Василия Ивановича и его учеников.

Василия Ивановича неоднократно приглашали для чтения лекций в старейших университетах Европы, в частности, в Сорбонне, а также в университетах Софии, Праги, Афин, Марселя, Марбурга, Мадрида, Толедо, Саламанки, Гранады. В разные годы Василий Иванович достойно представлял отечественное антиковедение на международных конгрессах в Ленинграде, Ереване, Сан-Франциско, Варшаве. Он активно участвовал в работе международных конгрессов, посвящённых экономической истории, в Ленинграде, Будапеште, Берне, Лувене.

Наконец, Василий Иванович Кузищин был организатором «Лазаревских чтений». Эта региональная научная конференция регулярно проводится с 2002 г. «Лазаревские чтения» быстро приобрели немалый научный авторитет среди учёных России, Украины и Белоруссии.

В своё время Василий Иванович Кузищин выступил инициатором проведения общесоюзной, а теперь ставшей международной конференции антиковедов – Сергеевских чтений. В самом скором времени эта конференция превратилась в один из наиболее представительных форумов специалистов в области древней истории.

Много душевных и творческих сил Василий Иванович посвятил работе в редколлегиях ведущих исторических журналов России, таких как «Вестник древней истории», «Вестник Московского университета» и «Вопросы истории». Он был главным редактором и членом редколлегий целого ряда научных и научно-популярных изданий по истории древнего мира. Одним из немногих наших соотечественников Василий Иванович удостоился чести быть включённым в Dictionary of international biography за 1998 г. и The Europe 500 leaders for the new century за 2000 г. Наконец, он был лауреатом Ломоносовской премии.

Большой вклад Василий Иванович Кузищин внёс в развитие отечественного университетского образования. Не замыкаясь в рамках своей специализации, в 1980-е гг. он возглавлял секцию «История» в научно-техническом Совете Минвуза СССР, где занимался координацией научных исследований по истории в университетах всей страны. В эти годы в секции шла активная работа: на выездных сессиях проводились конкурсы монографий среди университетских преподавателей, поддерживались научные направления в университетах союзных республик, открывались научные лаборатории.

Творческая и организационная деятельность Василия Ивановича Кузищина – выдающегося учёного и педагога, неутомимого труженика и великого энтузиаста, – была на редкость плодотворна, разнообразна и многогранна. Важно отметить, что он всегда сохранял в высшей степени привлекательные человеческие качества – был неизменно доступен и прост в общении, дружелюбен и жизнерадостен, излучал оптимизм и непоколебимую уверенность в правильности избранного пути. Как мудрый кормчий, Василий Иванович на протяжении 36 лет уверенно направлял курс кафедры истории древнего мира, которая во многом благодаря ему стала тем, чем она является сегодня.

Некогда, если верить Геродоту, мудрец Солон заявил царю Крёзу, что о том, был ли человек счастлив при жизни, можно судить лишь после его смерти. Теперь можно с уверенностью сказать, что Василий Иванович был счастливым человеком. Он прожил яркую, интересную, насыщенную событиями жизнь, принеся немалую пользу своему Отечеству. Достойный человек, гражданин и патриот, Василий Иванович был счастлив в друзьях и учениках, ныне продолжающих инициированные им научные проекты. На протяжении многих десятилетий он самозабвенно и бескорыстно занимался любимым делом, достигнув в нём совершенства и оставив после себя внушительное творческое наследие. Все те, кто близко знал Василия Ивановича, кто у него учился и работал бок о бок с ним все эти годы, кому он помог словом или делом, кого «наставил на путь» в науке и жизни, – все эти люди до конца своих дней сохранят о нём светлую и добрую память. Sit tibi terra levis, magister carissime.

Хорошева А.В.
старший научный сотрудник
исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва

ДАНИЛЕВСКИЙ Н.Я. И ЕГО ВРЕМЯ

10 декабря (28 ноября по старому стилю) 2012 года исполнилось 190 лет со дня рождения известного русского ученого естественника Николая Яковлевича Данилевского (1822 – 1885). Его профессиональная деятельность была связана с изучением рыбных запасов и промыслов европейской части Российской империи. Он стал фактическим создателем законодательства по рыболовству во внутренних водоемах страны, действовавшего до 1917 года. Фигура Данилевского уникальна своей разносторонностью. Ученый оставил после себя труды по биологии, ботанике, статистике, языкознанию, этнологии, географии, а также работы, посвященные проблемам внутренней и внешней политики России. Однако долгая историческая жизнь была суждена только одной его книге «Россия и Европа», впервые опубликованной в 1869 году в петербургском журнале «Заря». В ней им были изложены оригинальная теория развития всемирно-исторического процесса и связанный с ней идейно комментарий современной ему действительности. Сейчас Н.Я. Данилевский наряду с О. Шпенглером признан основоположником теории локальных цивилизаций.

«Россия и Европа» писалась в переломное для русского общества время. Модернизация страны неоднозначно воспринималась современниками. Экономическая слабость России, ставшая очевидной после Крымской войны (1853 – 1956) и международная изоляция страны вызвали новую волну споров о дальнейшем пути развития русской государственности. Данилевский дал собственное истолкование проблемы «России и Европа», которую поставил в заглавие своей книги.

Теории не возникают сами по себе, даже когда идеи витают в воздухе, конкретное воплощение им дает человек, прошедший определенный жизненный путь, имеющий определенные наклонности и интересы, живущий в определенную эпоху. Без знания биографии мыслителя невозможно понимание идей, им сформулированных.

О Николае Яковлевиче Данилевском часто судят по его книге, что не совсем верно. Жизнь этого человека была чрезвычайно богата, хотя бы поэтому ее нельзя сводить к написанию одной работы. Он родился 28 ноября 1822 года, в селе Оберец Орловской губернии Ливенского уезда в родовом имении его матери. Отец его, Яков Иванович, командовал гусарским полком и впоследствии был бригадным генералом. Центром притяжения в семье была его мать Дарья Ивановна, к которой он сохранил самые нежные чувства до конца своих дней. Все свое детство он провел в переездах. А уже в одиннадцать лет был и вовсе оторван от родных. В 1833 году он находился в пансионе пастора Шварца близ Верро (в Лифляндии), в 1834 году в Москве, в пансионе Павлова, а в 1836 году там же в пансионе Боргардта. В 1837 году он был принят в Царскосельский лицей. С первой же встречи в Лицее у него завязалась дружба с Николаем Петровичем

Семеновым, поступившим вместе с ним и бывшим потом всю его жизнь ближайшим другом. По словам Страхова, отец Данилевского приезжал навестить сына лишь однажды.

Будущий автор «России и Европы» вырос в довольно жестких условиях, его не баловали, он был привычен к самостоятельности. Основной упор в воспитании мальчика делался на образование, но ребенок всегда остается ребенком, будучи не избалован отеческим вниманием, он компенсировал недостаток родительского тепла искренней и теплой дружбой. Для Данилевского она значила много больше простого знакомства, ей было присуще родственное тепло. У него было немного друзей, но все таковыми оставались всю жизнь.

Данилевский был очень одарен, об этом в один голос говорили его друзья. П.П. Семенов-Тян-Шанский отмечал, что «в своем классе он был самым талантливым и самым разносторонне образованным из лицейских воспитанников». Н.Н. Страхов писал, что «Николай Яковлевич отличался с детства необыкновенными способностями, почему легко и успешно проходил всякие курсы. Впрочем, он делал большое различие между предметами преподавания; одни он любил и ревностно изучал, другими упорно пренебрегал и посвящал на них только несколько дней перед экзаменом. Память у него была изумительная, но также с особенностями. Легко усваивая языки, отлично удерживая всякие имена и цифры, а также всякую мысль, он с большим трудом останавливался на буквальном выражении мысли, на данном порядке слов: он очень любил стихи и прекрасно их читал, но почти вовсе не мог их помнить»[150].

Будущий автор «России и Европы» был живым молодым человеком, и поэтому не следует его идеализировать. Из слов Страхова следует, что обязательность его имела определенные границы. Юный воспитанник Царскосельского лицея занимался увлеченно лишь тем, что ему было интересно. Прекрасно зная цену своим дарованиям, он легко увиливал от рутины. Не по нраву будущему автору «России и Европы» пришлась роль чиновника, к которой готовили в этом престижном учебном заведении. После его окончания Данилевский записался на службу в канцелярию Военного министерства, но никакой должности занимать не стал и вскоре вышел в отставку[151]. С легкостью оставив службу, не пробыв там и дня, Николай Яковлевич устремился в шумные коридоры Петербургского университета.

Его друзья указывали на то, что причиной этого было горячее влечение Данилевского к естественным наукам[152]. Он записался вольным слушателем на естественный факультет Петербургского университета, где и занимался четыре года (1843 – 1847). Сам Данилевский объяснял это неудовлетворенностью изучением политических наук, не видя в них «не той изысканной методы, ни того обилия результатов естествознания»[153]. Вполне очевидно, что Николай Яковлевич обладал математическим складом ума, что очень скоро дало о себе знать в его

---

[150] Страхов Н.Н. Жизнь и труды Н.Я. Данилевского // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Спб., 1995. С. XXI. Семенов-Тян-Шанский П.П. Мемуары. Т. 1. Пг., 1917. С. 180.
[151] Семенов-Тян-Шанский П.П. Мемуары. Т.1. С. 180.
[152] Страхов Н.Н. Жизнь… С. XXII.
[153] Дело Н.Я. Данилевского // Дело Петрашевцев. Т.2. Л.-М., 1940. С. 319.

работах. Однако не только научный интерес руководил им. Он привык ощущать себя талантливым еще в Лицее, а таланту нужна пища в виде всеобщего внимания. Это, безусловно, трудно было сыскать на чиновничьей службе в царящей там атмосфере выслуживания и холуйства, зато студенческая среда, так восприимчивая к красивым словам и пылким ораторам, вполне позволяла молодому Данилевскому раскрыться. Не рассказы о минералах волновали публику, а желание переустроить общественный порядок. Социализм был популярен.

Николай Яковлевич успешно совмещал изучение естественных наук со штудированием французских утопистов, причем особо выделял учение Фурье. Конечно, следует отметить, что его увлечение социализмом не было чем-то вроде дани моде. Он действительно им заинтересовался. Данилевский внимательно прочитал множество книг по истории, социологии, политической экономии, а также все лучшие сочинения о французской революции и оригинальные изложения всех социалистических учений[154]. Судя по записке, составленной им на следствии по делу Петрашевцев, он изучил учение Фурье детально, причем увлеченность предметом чувствовалось даже в столь специфической форме изложения.

На данном этапе его жизненного пути его интересы совпали с интересами публики. И Данилевский не плохо себя ощущал в толпе любопытствующих студентов. Вот как это описывал Страхов: «В конце этого времени я в первый раз увидел его в университетском коридоре; хотя потом мне вовсе не приходилось его видеть, и я познакомился с ним только в 1868 году, но первая встреча осталась в моей памяти. Между студентами вдруг пронесся говор: «Данилевский, Данилевский!» — и я увидел, как около высокого молодого человека, одетого не в студенческую форму, образовалась и стала расти большая толпа. Все жадно слушали, что он говорит; ближайшие к нему задавали вопросы, а он отвечал и давал объяснения. Дело шло о бытии Божием и о системе Фурье»[155].

Занимаясь тем, что ему было интересно, Данилевский отнюдь не терпел ради этого недостатка в деньгах, хотя собственного состояния не имел. Как только материальная скудость начинала ощущаться, он с легкостью мог набросать статью, чем выручить не только себя, но и друзей. При всей легкости его литературного труда, он был обстоятельным и добротным. Эти научные статьи были по достоинству оценены литературными критиками и общественными деятелями В.Г. Белинским, В.Н. Майковым, А.А. Краевским, которые отмечали необыкновенно логичный ум Данилевского, его изумительную диалектику и обширную, разностороннюю эрудицию[156]. При написании этих работ Николай Яковлевич активно использовал свои природные дарования. Его память, отмеченная Страховым, помогла вычислить литературный плагиат О.И. Сенковского, который не распознал Белинский, а теоретически заточенный ум позволил ему осмыслить и ясно изложить научные открытия французского

[154] Семенов-Тян-Шанский П.П. Мемуары. Т.1. С. 180.
[155] Страхов Н.Н. Жизнь… С. XXII.
[156] Семенов-Тян-Шанский. П.П. Мемуары. Т. 1. С. 195.

биолога Анри Дютроше и теорию немецкого естествоиспытателя Александра Гумбольдта.

Первые публицистические опыты Данилевского могут многое сказать о нем. Они свидетельствуют об огромной эрудиции их автора, который продемонстрировал, что следит за интересующей его литературой на иностранных языках, непереведенной на русский. Уже в этот период Данилевский выработал определенные подходы к изучению интересующих его предметов, которых он придерживался и в дальнейшем. Ученый считал эмпирическое исследование предмета малоэффективным, противопоставляя его теоретическому. Он ратовал за глубокое изучение как можно большего количества смежных наук, для того, чтобы достигнуть ощутимого успеха в отдельных отраслях. Именно к этой мысли он подводит читателя в конце «Дютроше» и ««Космоса» Гумбольдта»[157].Также следует отметить, что уже тогда им уделялось особое внимание методологии науки, как в теоретическом выражении, так и в конкретной реализации.

Интерес к изучению передовых общественных наук привел Данилевского в 1844 году в кружок М.В. Буташевича-Петрашевского, но его охлаждение повлекло отстранение молодого ученого от шумных «пятниц». В обществе Петрашевского Данилевский оставался самим собой: туда его влек прагматический научный интерес, а не желание бороться с цензурой путем подтасовок со знаками препинания, столь увлекшее членов кружка. Для него, прежде всего, была интересна библиотека Петрашевского, поскольку возможность высказаться у него была и так. Дело все в том, что последний занимал должность переводчика в министерстве иностранных дел. Единственная обязанность его состояла в том, чтобы присутствовать в качестве переводчика при процессах над иностранцами и при составлении описей их выморочного имущества, особо библиотек. Это занятие было крайне на руку Петрашевскому: он выбирал из них все запрещенные сочинения, заменяя их разрешенными, а из запрещенных формировал свою библиотеку[158]. Данилевский стремился объять необъятное (его интересовал полный спектр общественных наук) и, надо сказать, преуспел в этом, причем книги Петрашевского были неплохим подспорьем.

Пока молодой человек пробовал вкус общественной жизни, он не оставлял и своей научной деятельности, ради которой поступал в Университет. Он выбрал своею специальностью ботанику. В 1847 году Данилевский получил степень кандидата, а зимою 1848/1849 годов выдержал экзамен на магистра ботаники. В общем-то, ученому всегда была свойственна разносторонность. Утописты в его голове прекрасно сочетались с минералами и образцами растений. Причем последними он занимался не с меньшей охотой, чем первыми. Примечательна в этом смысле пешая экскурсия Данилевского из Петербурга в Москву, предпринятая им вместе с П.П. Семеновым[159] летом 1848 года. До

---

[157] Данилевский Н.Я. Дютроше.// Отечественные Записки. 1848, № 5. С. 4; «Космос» Гумбольдта// Отечественные записки. 1848, №7. С. 61.

[158] Семенов-Тян-Шанский П.П. Мемуары. Т. 1. С.195.

[159] П.П. Семенов – будущий Семенов-Тян-Шанский.

Москвы они добрались на двадцатый день, причем по пути своего следования чуть было не пострадали от холерного бунта[160]. Но увлечение социализмом оказалось занятием не столь безобидным, как собирание образцов растений, за первое Данилевский поплатился научной карьерой. В 1847 и 1848 годы он был то в Петербурге, то в Рязанской и Орловской губерниях. Николай Яковлевич изучал флору Орловской губернии и для магистерской диссертации составил ее описание. Летом 1849 года, когда он вместе с другим магистрантом Петром Петровичем Семеновым находился в Тульской губернии на берегу реки Красивая Меча и занимался по поручению Вольного Экономического общества исследованием границ черноземной полосы России и ее флоры, Данилевский был неожиданно арестован и отвезен в заключение в Петропавловскую крепость. В вину ему ставилось его участие в «пятницах» Петрашевского.

Во время следствия Н.Я. Данилевский держался с достоинством, никого не оговорил. Поскольку главным обвинением против него было распространение учения французского утописта Фурье, он, прежде всего, постарался доказать, что в его поведении не было ничего предосудительного. По мнению подследственного, фурьеризм не был официально запрещен, книги с его изложением на французском языке свободно продавались в книжных лавках. Данилевский утверждал, что данная теория не содержит в себе ничего опасного, а ее автор лишь хотел найти форму более производительного труда да и только. Молодой человек настолько стройно излагал свои доводы, что позже один из членов следственной комиссии Я.Н. Ростовцев полушутя признавался, «что по прочтении увлекательных объяснений Данилевского все члены судной комиссии сделались сами более или менее фурьеристами»[161].

Несмотря на то, что будущий автор «России и Европы», в конце концов, был оправдан, полной свободы он не получил. Следственная комиссия освободила Николая Яковлевича от суда, но он был выслан из Петербурга и зачислен (20 мая 1850 года) в канцелярию вологодского губернатора, а потом (3 ноября 1852 года), по ходатайству В.А. Перовского, бывшего председателем суда по делу Петрашевского, переведен в канцелярию самарского губернатора, с 24 февраля 1853 года он состоял «переводчиком Самарского губернского правления». Данилевский обратился к начальнику Третьего отделения графу А.Ф. Орлову с прошением позволить ему защитить ранее, еще до ареста написанную и представленную диссертацию, но ему было отказано. Не дали ему и завершить исследования в Тульской, Орловской и Рязанской губерниях, так как император Николай I «не изъявил на это Высочайшего соизволения»[162]. Далее Данилевскому суждено было заниматься наукой как чиновнику министерства государственных имуществ.

В конце 1840-х гг. ученый был увлечен не только карьерой и ее временным крахом, но и другого рода переживаниями. Еще в 1843 году

---

[160] Семенов-Тян-Шанский П.П. Мемуары. Т. 1. С. 181.

[161] Семенов-Тян-Шанский П.П. Мемуары. Т. 1. С. 212.

[162] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 24. Д.214, Ч. 52. Л. 53.

Данилевский познакомился со своей будущей первой женой вдовой генерал-майора Верой Николаевной Беклемишевой, урожденной Лавровой. Влюбившись, молодой человек не решался объясниться, и лишь уговоры П.П. Семенова помогли Данилевскому преодолеть природную стеснительность и сделать предложение в 1849 году. С годами мыслителю все сильнее будет свойственна определенная замкнутость его внутреннего мира, то, что для него, по истине, важно, всегда будет переживаться им одним. Ему всегда будут ближе по духу братья Семеновы, нежели Страхов с его тягой к публичности и суете петербургской жизни. То, какая часть души Данилевского была открыта Страхову, а какая Семенову, наглядно демонстрируют их воспоминания об его пребывании в Петропавловской крепости. Страхов пишет о том, что «заключение, продолжавшееся сто дней, было особенно тяжело сначала, когда запрещены были книги. С разрешением книг и своей способностью отдаваться работе мыслей, Николай Яковлевич стал легко переносить одиночество. Между прочим, «Дон Кихот» в хорошем старинном французском переводе возбудил в нем восторженный смех, о котором он любил потом вспоминать»[163]. Петр Петрович Семенов же вспоминал о том, что во время своего заключения Данилевский изучал с необычайным вниманием Священное Писание[164].

Безусловно, арест для будущего автора «России и Европы» стал переломным моментом в его жизни. Но усталость от вечеров Петрашевского, желание устроить свою личную жизнь, рост интереса непосредственно к своей научной деятельности и собственным размышлениям вне шумного общества – все это было до Красивой Мечи. Пребывание в Петропавловской крепости завершило его внутреннее перерождение, сделало его необратимым. Вероятно, брала верх натура, которой суетность была чужда. Все возвращалось на круги своя, вернулась и вера в Бога, потерянная в студенческие годы, а с нею и определенные ценности, которые с этого момента будут сопровождать Данилевского всю жизнь. То, что следствие по делу петрашевцев повлияло на него именно таким образом, связано с определенным складом души молодого ученого, ведь заключение на членов кружка подействовало по-разному. Кто-то, как Н.Я. Данилевский и Ф.М. Достоевский, раз и навсегда распрощались с желанием менять общественный строй, а кто-то жил мечтами написать, а затем издать мемуары о «пострадавших за убеждения», как, например, Д.Д. Ахшарумов[165].

С началом административной ссылки для Данилевского начинается новый этап его жизни. Рутина, от которой он когда-то сбежал, настигла его со всей своею неотвратимостью. Служба переводчиком в канцелярии никак не могла удовлетворить интеллектуальных запросов молодого ученого. Именно поэтому перемена жизни стала для него столь мучительна. Однако надо отдать должное его уму, он долго не задержался в канцелярии. Хотя не только ум и дарования сыграли свою роль. В царствование Николая I подобные административные

[163] Страхов Н.Н. Ук. соч. С. XXII.
[164] Семенов-Тян-Шанский П.П. Мемуары. Т. 1. С. 217.
[165] Ахшарумов Д.Д. Из моих воспоминаний. СПб., 1905. С. 36.

ссылки носили патриархальный характер: ссылаемые определялись на государственную службу под отеческий надзор губернатора. Так, например, можно было за восемь лет сделаться из ссыльного вице-губернатором, как это произошло с Михаилом Евграфовичем Салтыковым, близким приятелем братьев Семеновых[166]. Жизнь у Данилевского довольно быстро наладилась. 18 июня 1853 года Николай Яковлевич был «командирован в звании статистика на два года в ученую экспедицию для исследования состояния рыболовства на Волге и в Каспийском море»[167]. Эта поездка определила всю его дальнейшую судьбу.

Экспедиция была организована в рамках деятельности Императорского русского географического общества. То, что Данилевский был приглашен в ней поучаствовать, не было случайностью. Он был членом данного общества. В 1853 году исследование, написанное им о климате Вологодской губернии, было удостоено Жуковской премии[168]. Надо отдать должное деловым качествам Данилевского. Будучи взят в экспедицию на Каспийское море под началом академика К.М. Бэра всего лишь в звании статистика, он сумел сделаться ближайшим научным сотрудником маститого ученого, стать его правой рукой[169]. Когда участники экспедиции разделялись на группы, Бэр всегда брал себе в спутники Данилевского[170]. Безусловно, работая бок о бок со своим руководителем будущий автор «России и Европы» не мог не испытать на себе влияние его идей. Хотя вряд ли можно утверждать, что оно было единственным. На дальнейшее формирование взглядов Данилевского, очевидно, воздействовали споры в Этнографическом Отделении Географического общества относительно этногенеза народов. И тут Данилевский пошел не за Бэром, смотревшим на этнографию с антропологической и естественно исторической точки зрения, то есть на первое место ставившим зависимость исследуемых народностей от природных особенностей местности, где они обитают, а за Н.И. Надеждиным, отстаивавшим принципы «психологической этнографии», (первоочередного исследования духовной и материальной культуры)[171].

С поездки на Каспий в жизни Николай Яковлевича началась нескончаемая череда экспедиций. Он исследовал рыболовные промыслы во всей Европейской России, разрабатывая для них законодательство. Эта деятельность, начатая им еще под руководством знаменитого натуралиста К. М. Бэра, продолжалась десятки лет самостоятельно; последним трудом этого рода была поездка на озеро Гохчу. В этом деле Данилевский нашел себя и как практик, так и как теоретик. Причем делом он своим болел, последними словами в его жизни были: «испортят они нашу Гохчу!»[172]. Ему удалось найти службу по духу, а вместе с ней и свою

---

[166] Семенов-Тян-Шанский П.П. Мемуары. Т. 1. С. 217.
[167] Страхов Н.Н. Жизнь… С. XXIII.
[168] Семенов-Тян-Шанский П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского Географического общества. Спб., 1896. С. 62.
[169] Берг Л.С. Всесоюзное географическое общество за сто лет. М.-Л. 1946. С. 177.
[170] Бэр К.М. Автобиография. М., 1950. С. 421, 424.
[171] Семенов-Тян-Шанский П.П. История… С. 37 – 39.
[172] Н.Н. Страхов – Л.Н. Толстому. Мшатка. 13 июня 1886 г. // Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым (1870-1894). Т.2. Спб., 1914. С. 332.

нишу в бюрократической иерархии, дослужившись до чина тайного советника, члена совета министра государственных имуществ, никогда не выслуживаясь.

Данилевский сформировался как человек с разносторонними интересами, он никогда не занимался исключительно изучением ботаники или ихтиологии. И в этом смысле его арест на Красивой мечи ничего не изменил. Увлечение общественными науками, и связанными с ними проблемами никуда не исчезло. Но Данилевский выпал из общественной жизни, его таланты и ум быстро забылись, кому мог быть интересен ихтиолог на государственной службе, какую пищу для ума он мог дать молодой легковерной читающей публике. Будучи физически удален от столиц, ученый с годами все сильнее удалялся от них духовно, добровольно становясь сторонним наблюдателем. Его миром была его семья, его мысли, его водоемы, его растения. Мелочные перипетии общественной жизни с ее полемиками, заявлениями, ответами были далеки от него, а главное он был далек от них. Данилевский предпочитал книги по садоводству романам из «Русского Вестника», которые так любили почитать его жена и Страхов.

Для лучшего понимания дальнейших исканий Николая Яковлевича необходимо вернуться немного назад. Первая половина 1850-ых годов для Данилевского это не только начало его бюрократической карьеры. В этот период окончательно устраивается его личная жизнь. Первый брак ученого, не просуществовав и года, кончился трагически. 10 июля 1853 года его жена умерла от холеры, в несколько часов. Это было, как он сам говорил, самое жестокое горе в его жизни, и целый год он тяжело боролся с отчаянием[173]. В это же время уходят из жизни и его родители. В 1852 году после тяжелой болезни умирает мать, а 2 августа 1855 года от холеры умирает отец. И все это на фоне Крымской войны (1853 – 1856): высадки союзных войск Англии и Франции, героической обороны и падения Севастополя, подписания унизительных для национального достоинства положений Парижского мирного договора, когда России было запрещено иметь арсеналы, крепости и военный флот на Черном море, что делало крайне уязвимыми южные границы империи, а также подрывало ее влияние на Балканах и Ближнем Востоке.

Когда человек испытывает личную драму, его чувства предельно обостряются, иначе начинает выглядеть мир вокруг него. Острое восприятие действительности производит дальнейший переворот в душе Данилевского. Крымская война не прошла для общественности бесследно, и, как писал об этом Достоевский, «самая нерусская часть России, то есть какой-нибудь либерал, чиновник или студент, и те начинают чувствовать себя русскими, хотя и стыдятся признаться в том»[174]. Проходит война, проходит и данное ощущение. У Данилевского все было иначе. Он называл эту войну «славной и святой»[175]. Она изменила его идеалы. Плюсы сменяются минусами, но сам ученый остается самим собой. Мыслитель не мог просто возненавидеть французов, англичан и полюбить славян. Для него необходимо было понять причины происходящего,

[173] Государственный архив Вологодский области. Ф. 673. Оп. 1. Д. 226. Л. 8.
[174] Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 29. Кн. 1. М., 1986. С. 145.
[175] Государственный архив Вологодский области. Ф. 673. Оп. 1. Д. 226. Л. 23 об.

когда Европа с таким ожесточением обрушилась на оставшуюся в изоляции Россию.

В этот период времени он уже сложившийся человек, его ум заточен под определенные приемы мышления. Если не все так, как представлялось, значит, картина мира не та. Ведь Данилевский никогда не ценил высоко эмпиризм, и потому он попытался создать новую теоретическую картину мира. Просвещенный европеец становится «вполне русским национальным человеком»[176]. Ученый пишет свой труд «Россия и Европа» с осени 1865 по начало 1868 года на одном дыхании. Необходимо отметить, что он при этом не стал воинствующим ненавистником Запада, ценя по-прежнему его науку.

В «России и Европе» ее автор оспорил правомерность деления истории человечества на древнюю, среднюю, новую, то есть существование единой линии прогресса. По его мнению, в мировой истории действует множество «культурно-исторических типов». Не смотря на то, что принцип их существования дал название теории Данилевского, основополагающим ее понятием является «прогресс». В существующем поле деятельности человечества, его развитие идет не по одной прямой, а по множеству, которые со временем должны заполнить все поле. Причем Данилевский особо оговаривал невозможность существования единой цели или задачи, к осуществлению которой должно стремиться все человечество.

Каждый «культурно-исторический тип» должен в свое время уйти с исторической арены, однако прогресс от этого не прекращается, в представлениях мыслителя нет фатализма. Плоды их деятельности попадают в «сокровищницу», представляющую собой сумму практических достижений человечества или иначе «всечеловеческие ценности». Все же, что касается духовной жизни общества, непередаваемо и умирает вместе с цивилизацией.

Культурно-исторический тип имеет способность развиваться именно в силу обладания особым духовным строем – «образовательным началом», под которым Данилевским понимается особый психический строй. Он скрепляет «культурно-исторический тип» в одно единое целое и дает определенный вектор его развития. Автор «России и Европы» не искал механизмов формирования «образовательного начала», для него это уже сфера Божественного Промысла.

Цивилизации приходят и уходят, а «сокровищница» остается и постоянно пополняется. Причем каждый «культурно-исторический тип» в своем развитии вполне самостоятелен, поэтому если один тип не сможет развиться в силу, например, физического уничтожения, то вектор развития других не изменится. Таким образом, преемственность цивилизаций Данилевский понимал как доступность достижений человечества в материальной сфере для ряда культурно-исторических типов, имеющих возможность общения.

Процесс наполнения «сокровищницы» и есть прогресс. То, как он осуществляется, Автор «России и Европы» продемонстрировал, введя понятие «категории деятельности человечества». Их им было выделено четыре: религиозная, культурная, политическая, социально-экономическая. Сначала

[176] Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 29, кн.1. С. 25.

«сокровищница» пуста, и потому первые «аутохтонные цивилизации» не смогли себя проявить в чем-то особенном, но благодаря их навыкам, последующие цивилизации сумели развить одну сферу, став «одноосновными», далее возникла «двуосновная цивилизация», и, наконец, после этого появилась вероятность возникновения «четырехосновной цивилизации». Таким образом, «сокровищница», пополняясь, усложняется, обеспечивая более выгодные условия для возникновения более поздних культурно-исторических типов. Степень заполненности «сокровищницы» и связанное с этим усложнение цивилизаций легко представить в виде прямой, всегда восходящей вверх.

Таким образом, выступив с критикой позитивизма, автор «России и Европы» не смог избежать его влияния. Однако позитивизм Данилевского отличается от классического варианта данного учения своей абстрактностью, так как понятие прогресса в нем связано не с конкретными субъектами исторического процесса, а с объемом накопленных достижений человечества[177].

Именно во время Крымской войны меняется отношение Данилевского к Европе. До нее он в основном черпал пищу для размышлений в иностранной литературе. Все его ранние работы так или иначе связаны с именами западных авторов, причем он был уверен в универсальности их выводов. События 1853 – 1856 гг. вызвали перелом в мировоззрении мыслителя. Европа и Россия перестают быть едины в его сознании. Но если первая плоха, если она желает гибели последней, то логично возникает вопрос, где России искать спасение, в чем ее сила.

Военные неудачи сделали очевидной для всех экономическую слабость страны и, как следствие, невозможность вести активную внешнюю политику. Вскоре западные державы сочли возможным вмешаться во внутренние дела России во время Польского восстания 1863 – 1864 годов. Они предложили свое собственное решение этой проблемы, угрожая в противном случае воздействовать на русское правительство военной силой. Это вызвало волну негодования в русской общественности.

Представление о внутреннем неблагополучии страны распространилось в широких общественных кругах, причем в большинстве случаев оно связывались с существованием в России крепостного права. Александр II, вступив на престол в 1855 году, нашел в себе мужество признать необходимость серьезных перемен. Поскольку крепостная Россия не выдержала военного соперничества с коалицией более экономически развитых и технически лучше оснащенных европейских государств, в стране был проведен ряд реформ. И в первую очередь манифестом 19 февраля 1861 года было возвещено об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Далее последовали Земская, Городская, Судебная, Финансовая, Военная реформы, а также были произведены преобразования в области народного просвещения и печати.

К моменту написания Данилевским «России и Европы» далеко не все реформы были завершены. Он всею душой приветствовал их, но мыслитель

---

[177] См. Подробнее: Хорошева А.В. Позитивизм как составная часть теории Н.Я. Данилевского // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2005. №2. С. 70-96.

отказывался видеть в них следствие поражения русского оружия в Крымской войне. И здесь очень явно проявилось отличие его взглядов от славянофилов, к которым так часто причисляли Данилевского. Представляется весьма маловероятным то, что во время Крымской войны он вообще был знаком с ними или хотя бы с их публицистикой. Но и позже, когда он увлекся поэзией А.С. Хомякова и работами К.С. Аксакова, о чем свидетельствуют и эпиграфы к главам и ссылки на их имена в тексте «России и Европы», его отношение к этой войне, оказавшей столь сильное влияние на русское общество, принципиально иное. Славянофилы видели причины севастопольской катастрофы в самой России[178]. Для автора же «России и Европы» Крымская война величайшее оскорбление национального достоинства, а искать причину в себе, значит, обрекать страну на двойное унижение[179]. Идея «пораженчества», возникшая в то время обществе, была чужда ему. В этом принципиальное отличие его точки зрения от позиции по этому вопросу славянофилов и западников, которые здесь шли рука об руку.

Отказываясь видеть объективные причины поражения России в Крымской войне, Данилевский начинает искать свое объяснение катастрофы 1853 – 1856 годов. Именно в это время для него открывается славянский мир, о существовании которого вряд ли задумывался автор «Дютроше» или ««Космоса» Гумбольдта». И между тем, интерес у русской общественности к судьбе славян существовал задолго до печальных событий на Крымском полуострове. Единичные случаи его проявления можно найти на рубеже XVIII и XIX веков[180]. Но лишь в 30-ые годы XIX века внимание к славянским народам получило заметное распространение. Хотя следует отметить, что в основном ими интересовались литераторы, ученые. Тогда же за ними закрепилось название «славянофилы». Что впоследствии вызвало терминологическую путаницу, когда этим же словом в 40-ые года XIX века начали называть А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, П.В. Киреевского, Д.А. Валуева, А.Н. Попова, В.А. Елагина. Но истинное славянофильство не возникло из интереса к славянству и, тем более, не сводимо к нему[181].

Когда Данилевский стал проявлять интерес к славянской проблематике в конце 1850-ых годов, в русской публицистике уже существовала определенная традиция восприятия этого вопроса. Начиная с этого момента и заканчивая временем написания «России и Европы», ее будущий автор имел возможность ознакомиться с «Историко-политическими письмами и записками в продолжении Крымской войны», созданными известным историком и публицистом М.П. Погодиным, которые ходили в рукописном варианте и произвели сильное впечатление на русскую общественность. Не ускользнули от него и поэтические образы А.С. Хомякова и Ф.И. Тютчева, отрывки из их стихотворных произведений он охотно впоследствии будет использовать в качестве эпиграфов к

---

[178] Цимбаев Н.И. Сергей Соловьев. М., 1990. С. 280 – 282.
[179] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2003. С. 289-290.
[180] Достян И.С. Панславянские тенденции в русской общественной мысли н. XIX в.// Славянская идея: история и современность. М., 1998. С. 49-60.
[181] Цимбаев Н.И. Славянофильство: Из истории общественно-политической мысли XIX в.. М., 1986. С. 20-21.

главам в «России и Европе». Также Данилевский изучил и богословские труды А.С. Хомякова, изданные им заграницей на французском языке и запрещенные в России, что совсем не мешало русской читающей публике знакомиться с ними.

В 1861 году вышли в свет Собрания сочинений И.В. Киреевского и К.С. Аксакова, в работах последнего ему особо полюбился образ русского народа как истинного творца своей истории. В этот же период издавалась газета «День» И.С. Аксакова, а после ее закрытия газета «Москва», в которых славянскому вопросу уделялось значительное место. Также внимание этой проблеме уделяли и издания М.Н. Каткова «Русский вестник» и «Московские ведомости», хотя и в меньшей степени. И совсем уж незначительно этим вопросом интересовалась либеральная печать.

К этому периоду времени относиться и активная общественная деятельность ученых-славистов В.И. Ламанского и А.Ф. Гильфердинга, литературоведа О.Ф. Миллера, которые активно занимались научными изысканиями в области славянской истории, поддерживали личные контакты с зарубежными славянами, неоднократно совершали путешествия по славянским землям. На страницах периодических изданий они публиковали статьи, содержащие как конкретную информацию, так и ее интерпретацию.

Данилевский не ограничивался знакомством только с русской литературой. Хотя какие именно книги, вышедшие за границей и касающиеся славянского вопроса, попались ему на глаза, судить довольно сложно, за исключением тех моментов, где он сам в «России и Европе» на них ссылался. Так, например, в книге цитируется отрывок из поэмы «Дочь Славы» Яна Коллара, чешского поэта и ученого, деятеля славянского возрождения. Данилевский также упоминает имя известного государственного деятеля и историка Франтишека Палацкого и его книгу «Идея Австрийского государства», которую он частично использовал, частично критиковал. Автор «России и Европы» вполне мог быть знаком и с трактатом Людовита Штура «Славянство и мир будущего», изданного стараниями В.И. Ламанского в 1867 году в Москве. Также информацию о славянах Данилевский черпал и из работ немецких авторов, настроенных по большей части отрицательно по отношению к ним. Подобное отношение с их стороны подкрепляло в Данилевском уверенность в их природной враждебности. Хотя это вовсе не мешала ему заимствовать факты из их книг. Так, например, он использовал работы немецких историков Гервинуса и Фальмерайера.

Позиции вышеперечисленных мыслителей вряд ли возможно свести к единому знаменателю, у каждого из них был свой вариант решения славянского вопроса, который мог в чем-то пересекаться с другими, а в чем-то быть оригинальным. Основной род деятельности Данилевского в 1860-ых годах – это экспедиции и создание на основе собранных там материалов рыболовного законодательства. Деятельность эта была в высшей степени плодотворной, прежде всего, потому, что в ее основу лег долгий упорный труд по собиранию конкретных сведений. Увлекшись судьбой Славянского мира, он не имел возможности подойти к созданию «России и Европы» и последующих политических статей так же, как к написанию рыболовного законодательства. У него не было времени путешествовать по славянским странам, собирая материалы

по их истории, как это делали М.П. Погодин, В.И. Ламанский, Ф.А. Гильфердинг, так как по роду службы Данилевский был занят совсем иного рода поездками. Теоретически он, как любой человек, мог состоять в переписке с деятелями славянского национального движения, но практически такого вида источника информации не имел. Так как подобная переписка, как правило, завязывалось там, где имел место практический интерес. Данилевский не мог предложить «славянским братьям» ни страницы своего периодического издания в качестве трибуны, так как у него его не было, ни замолвить за них словечко в высших кругах, куда он не был вхож, ни оказать материальную помощь.

Таким образом, у будущего автора «России и Европы» не было возможности получать информацию из первых рук. Он использовал в качестве источника, прежде всего, периодику и труды, где так или иначе говорилось о славянском вопросе, и то, и другое вряд ли может претендовать на беспристрастность и абсолютную объективность. Информация, полученная подобным способом и подвергнутая вторичной обработке, как правило, очень далеко отстоит от реальности. Поэтому вряд ли можно назвать Данилевского «знатоком» славянской истории, свои выводы он неизбежно был вынужден делать, основываясь на поверхностных знаниях.

Субъективный характер информации, доступной ему, отсутствие личных контактов с деятелями национального движения в славянских землях и одновременно политической ангажированности, оторванность от общественной жизни – все это развязывало Данилевскому руки. Его полет мысли был лишь его полетом мысли, что психологически позволяло ученому не бояться крайних выводов. Большинство писавших о славянском вопросе авторов в 1860-ых годах, каковы бы не были их мнения относительно частных вопросов, сходились в одном: необходимо, прежде всего, культурное сближение. Об этом много писалось и говорилось, так как, во-первых, таков был внешнеполитический курс русского правительства, творцом которого был А.М. Горчаков, убежденный сторонник первоочередного решения экономических проблем, а, значит, поддержания мира[182]. Во-вторых, – настороженное отношение самих славян к России, которые, хотя и надеялись на ее помощь, вовсе не хотели стать провинциями Российской империи[183].

При написании «России и Европы» Данилевский не выполнял чей-либо заказ, в отличие, например, от генерала и публициста Р.А. Фадеева. Статьи последнего под общим названием «Мнение о восточном вопросе» появились в «Биржевых ведомостях» в ноябре 1869 году, то есть буквально сразу после публикации «России и Европы» в «Заре». Их автор был знаком с журнальным вариантом работы Данилевского и, по всей видимости, использовал его наработки, о чем сам и признался в приложении к публикации статей отдельным изданием в 1870 году[184]. Но главным источником для Фадеева были идеи

[182] Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50 – 70-ых гг. XIX в. М., 1970. С. 236. Далее Никитин С.А. Очерки…
[183] Косик В.И. Константин Леонтьев размышления на славянскую тему. М., 1997. С. 37.
[184] Фадеев Р.А. Мнение о восточном вопросе.// Фадеев Р.А. Кавказская война. М., 2003. С. 430.

фельдмаршала А.И. Барятинского, который выступал как политический его наставник и покровитель[185]. Это, естественно, не было исключительно личным делом этих двух людей, отношения между ними объективно влияли на восприятие общественностью публицистических работ Фадеева. Последний в своих статьях хотя и заявлял, что окончательное решение славянского вопроса произойдет военным путем, но в ближайшем будущем предлагал меры, способствующие духовному единству, следовательно, его позиция была значительно мягче, чем Данилевского. И, тем не менее, Русское правительство посчитало своим долгом сразу же отмежеваться от статей Фадеева и заверить Австрию через посла в Вене Н.А. Орлова в своей полной непричастности к их появлению[186]. Относительно книги Данилевского никому в голову не пришло делать подобных официальных заявлений. Что говорит о том, что его творчество было лишь его.

Также нельзя сказать, что Данилевский был связан с какими-либо кругами русской общественности, а потому его книгу вряд ли можно считать выражением позиции какой-то определенной группы людей. Автора «России и Европы» от общественной жизни столиц отделяла значительная дистанция. И тут дело даже не в физической удаленности. Хотя и она сыграла свою роль. Данилевский сам не стремился к сближению, его вполне удовлетворяло, что летние месяцы он проводил в экспедициях, а зимние у себя в имении в Крыму. Страхов не раз упоминал в своем биографическом очерке, скольких усилий ему стоило уговорить своего друга иногда бывать в Петербурге[187]. Конечно, Данилевскому по долгу службы приходилось приезжать в столицу. Он не жил в полном затворничестве и изоляции. Николай Яковлевич с удовольствием принимал друзей у себя в имении, но круг их был весьма ограничен. В начале 1860-ых годов он стал членом Петербургского славянского комитета[188]. Что неизбежно привело к знакомству Данилевского с активными его участниками и руководителями А.Ф. Гильфердингом, О.Ф. Миллером, В.И. Ламанским, Ф.И. Тютчевым, А.А. Фетом. Впоследствии он пересекался с ними во время сотрудничества с журналом «Заря».

Эти контакты особой душевностью не отличались, скорее всего, это были его хорошие знакомые, нежели друзья, и тем более нельзя говорить о сознательной общности их позиций. Он сознательно поддерживал дистанцию в отношениях с членами Петербургского комитета. На это указывает тот факт, что Данилевский проводил очень четкую грань между их позицией и своей. Доказательство этого можно найти на страницах «России и Европы», где ее автор, не называя имен, осмеивает точку зрения «тех ревнителей и друзей славянства», которые для укрепления славянского общения хотели бы ограничиться лишь культурными мероприятиями[189]. Скептически он относился и к главному детищу этих людей, Славянскому съезду 1867 года. Данилевский был последовательным

---

[185] Кузнецов О.В. Р.А. Фадеев генерал и публицист. Волгоград, 1998. С. 38-39.
[186] Кузнецов О.В. Ук. Соч. С. 43.
[187] Страхов Н.Н. Жизнь… С.XXV.
[188] Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858 – 1876 гг. М., 1960. С. 60.
[189] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 413.

сторонником политического панславизма, а, значит, настаивал на активном внешнеполитическом курсе российского правительства, что было весьма оригинально в конце 1860-ых годов.

Это говорит в пользу Данилевского, предвидевшего обострение Восточного вопроса, а также угрозу для России остаться в стороне от его решения и утерять свое влияние в славянских землях. Но обнадеженный Великими реформами 60-ых годов XIX века, он не видел объективную экономическую слабость своей страны, делавшую невозможным проведение активной внешней политики.

Все это повлияло на то, что «Россия и Европа» сразу после своего выхода осталась почти незамеченной, удостоившись лишь несколькими резкими отповедями в либеральной печати[190], отдельными благожелательными фразами в работах О.Ф. Миллера, В.И. Ламанского[191], также хвалебными отзывами в письмах Ф.М. Достоевского и Ф.И. Тютчева[192]. Его теория и практические выводы из нее не вызвали серьезного интереса, Крымская война уже давно была позади, и совсем иные предметы интересовали общественность. Тут то и сыграла злую шутку с Данилевским его отчужденность от «общества». Жизнь шла своим чередом. Он получал неутешительные отчеты Страхова о плохой реализации его книги (опубликована отдельным изданием в 1871 году), обустраивал купленное в 1865 году имение в Крыму, заботился о своей семье.

Н.Я. Данилевский женился во второй раз в 1861 году на дочери своего покойного друга Александра Павловича Межакова Ольге Александровне. По отзывам друзей брак был очень удачен. У Данилевских родилось пятеро детей. Жена пережила мужа, очень трудно перенеся утрату.

Автор «России и Европы» не предпринимал видимых усилий для популяризации своей теории. В том, что о книге вспомнили в нужный момент, заслуга целиком Страхова, с которым Данилевский познакомился в 1868 году, когда ученый с полностью выверенной рукописью «России и Европы» приехал в Петербург, полный решимости ее напечатать. Не сохранилось никаких сведений о том, как свела судьба этих двух людей. Страхов впоследствии стал самым последовательным сторонником и пропагандистом идей Н.Я. Данилевского. Начиная с 1868 года Страхов был не только другом Данилевского, но и посредником в издании трудов последнего.

Во время Балканской кампании 1877 – 1878 годов и сразу после нее автор «России и Европы» вновь вернулся к затронутым в этой книге проблемам. Он написал целую серию статей на внешнеполитические темы. И даже сам первый начал дискутировать с Владимиром Соловьевым. Но делал это ученый, не покидая своей любимой Мшатки. Страхов, очевидно, понимал, что оторванность его друга от столиц и его внутренняя отчужденность от их жизни – не лучшие

---

[190] Голос, 1869, №207; Новое время, 1869, №151; Санкт-Петербургские ведомости, 1869, №119; Дело, 1871, №4.

[191] Миллер О.Ф. Славянство и Европа. Спб., 1877. С. 96; Ламанский В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. Спб., 1871. С. 11.

[192] Достоевский Ф.М. ППС. Т. 29. Кн. 1. С. 25, 30; Тютчев Ф.И. Сочинения в 2-х тт. М., 1980. Т. 2. С. 242.

союзники в популяризации идей «России и Европы». Пытаясь вписать его идеи в рамки традиции развития русской общественной мысли, он провозгласил автора «России и Европы» славянофилом. Данилевский, отдавая дань уважения А.С. Хомякову, к его последователям себя не причислял.

В качестве эпиграфов ко многим главам он использовал отрывки из стихотворений Хомякова, а при разборе религиозного вопроса прямо ссылался на его авторитет. Это вовсе не значит, что Данилевский отождествлял свою позицию с учением славянофилов. Его отношение к изучению данным направлением начал русской и славянской жизни было сугубо положительным, но он также указывал, что источником его происхождения была германская философия. Подчеркивая, что за защиту национальных начал славянофилы были часто гонимы, он писал, что идеалом для них была общечеловеческая цивилизация, а роль Славян состоит в выводе Запада из кризиса и принятия на себя лидерства во всемирно-историческом процессе. Такой цивилизации, по Данилевскому, существовать не может, таким образом, славянофилы, по его мнению, стремились к ложной цели[193].

Сознательно отстранясь от активного участия в общественной жизни, Данилевский вряд ли мог рассчитывать на всеобщее внимание, но он к нему и не стремился. В 70-80-ые годы его образ жизни мало чем изменился: все те же труды по созданию рыболовного законодательства, по обустройству сада в имении, участие в мероприятиях по борьбе с филоксерою. За эти годы он не раз садился за перо и как публицист, но, в общем, его позиция осталась прежней, как правило, эти работы представляли собой лишь комментарий событий в духе идей «России и Европы».

Под конец жизни Данилевский начинает и абсолютно новый монументальный труд «Дарвинизм», который так и остался незаконченным. Судя по переписке со Страховым, его автора волновали практические выводы из теории Дарвина и связанные с ними социальные последствия[194]. Он опровергал ее посредством естественного метода. При всей научности идей, изложенных в «Дарвинизме», Данилевский говорил о том, что не хотела слышать публика, уже начиналась иная эпоха, для которой, к сожалению нужнее был труд Ч. Дарвина. В этот период бурного развития материализма и религиозных исканий ученый оказался слишком идеалистичным для первого и слишком научным для второго.

Николай Яковлевич Данилевский умер 7 ноября 1885 года в Тифлисе. Он прожил счастливую жизнь, отдавая всего себя любимым занятиям, но, как писал Страхов, «его знали люди лишь лично с ним сходившиеся»[195]. Возможно, именно дружба со Страховым для Данилевского была связующей ниточкой с общественной жизнью, именно благодаря ей богатое научное наследие Данилевского не кануло в лету.

---

[193] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 117.
[194] Письма Н.Н. Страхова к Н.Я. Данилевскому // Русский Вестник. 1901, № 3. С. 272.
[195] Страхов Н.Н. Жизнь… С. XXVI.

М.П. Самойлова
Нижний Новгород, НГЛУ

КРИТЕРИИ ОСВОЕНИЯ АНТИЧНОГО НАСЛЕДИЯ РУССКОЙ КНИЖНОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К НОВОМУ ВРЕМЕНИ

Одним из наиболее актуальных, востребованных и перспективных направлений в современной исторической науке является изучение истории идей, проблем формирования, сохранения и трансляции исторической памяти и исторического сознания[196]. Разделом этой обширной исторической проблематики является исследования того, как в разные эпохи на Руси осмысливали сопричастность нашей страны к мировой истории. Формой проявления такой сопричастности в средневековых христианских культурах была рецепция античного наследия, осмысление собственной истории и культуры как части мировой через универсалистские категории античной философской мысли.

Данная проблематика привлекает внимание современных историков, которые склонны к выводам об обделенности Руси (России) влиянием античной культуры[197], об отсутствии процесса рецепции античности до XVIII в.

Однако более пристальное знакомство с отечественной исторической и общественно-политической мыслью позднего средневековья позволяет говорить не об отсутствии рецепции античности, а о специфических формах протекания этого процесса.

---

[196] См., например: *Halbwachs M.* Les cadres sociaux de la memoire. P., 1925; *Idem.* The Collective Memory. N.Y., 1950; *Nora P.* Memoire collective // La Nouvelle Histoire / Ed. J. Le Goff. P.; Retz, 1978. P**.** *398*-401; *Idem.* Les Lieux de memoire. Vol. 1-3. P., 1984–1992; *Le Goff J.* History and Memory. N.Y., 1992; *Mendels D.* Memory in Jewish, Pagan and Christian Societies of the Graeco-Roman World. L.; N.Y., 2004; *Репина Л.П.* Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей–1996. М., 1996. С. 25–38; *Хальбвакс М.* Социальные классы и морфология. М.; СПб., 2000; *Эксле О.Г.* Культурная память под воздействием историзма // Одиссей-2001. М., 2001. С. 176–198; *Хаттон П.* История как искусство памяти. СПб., 2003; *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история В 2-х тт. Т. 1. Конструирование прошлого. СПб., 2003; *Репина Л.П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003; Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2003; *Лоуэнталь Д.* Прошлое – чужая страна / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб., 2004; *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004; *Рикер П.* Память, история, забвение / Пер. с фр. М., 2004; *Савельева И.М., Полетаев А.В.* «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М., 2005. С. 170–220; История и память: историческая культура Европы до начала нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006; Время, история, память: историческое сознание в пространстве культуры / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2007; *Репина Л.П.* Интеллектуальные традиции античности и средневековья. М., 2010.

[197] Суриков И.Е. Античность и Древняя Русь: некоторые аспекты культурного влияния // Альманах Славяно-греко-латинского кабинета приволжского федерального округа. Вып.3-4. – Нижний Новгород, 2012. С.130-144.

Обозначенная в заголовке тема связана с начавшимся в XVI веке процессом переориентации мыслительной практики Руси с византийско-ориентированных методов на логико-гносеологические. Этот процесс стал для Руси способом преодоления локального характера отечественной религиозно-философской и исторической мысли и включения отечественного дискурса в общеевропейский. Трудности определения путей и форм рецепции античного наследия в отечественных интеллектуальных практиках позднего средневековья заключаются в частности в том, что не определены критерии мыслительной практики позднего средневековья.

Господствовавший в течение средневековья критерий непротиворечивости авторских рассуждений истинам Священного писания и предания постепенно перестал удовлетворять восточнославянских мыслителей в процессе освоения ими наследия античности, чему способствовало направление развития самой культуры. Поэтому в середине XVI в. происходит смена критериев интеллектуальных практик, что связано в первую очередь с деятельностью А.М.Курбского в Литве, где он оказался после своего бегства из Московской Руси. В то время культурно-историческая обстановка на западнорусских (литовских) землях, находившихся под властью Речи Посполитой, характеризовалась сложностью и разнообразием противоборства религиозных конфессий, политических противостояний, яростной, непримиримой полемики. Как справедливо утверждает по этому поводу историк XIX в. К.Харлампович, «католики и протестанты различных толков, воюя друг с другом, попутно задевали и православную церковь, которая тогда не располагала еще теми духовными средствами для борьбы со своими врагами, развитию которых так много содействовали и братства, и отдельные лица вроде кн. К.К.Острожского, Ю.Слуцкого, А.М.Курбского»[198]. Пожар Реформации, охвативший западнорусские земли, затронул интересы православной церкви, на защиту которых встали лучшие русские мыслители того времени, и одним из первых - князь Андрей Курбский. Таким образом, первой культурно-исторической причиной выработки критериев освоения античного наследия следует назвать потребность самой русской религиозной культуры в эффективных средствах защиты от энергично наступавших политических и идеологических противников.

Между тем православная церковь еще не имела таких средств. Католическое правительство Речи Посполитой отнюдь не способствовало развитию православной культуры, препятствуя всячески распространению «мужицкой» веры, каковой стали считать восточнохристианское вероисповедание в Польше и Литве, поскольку основная масса русской знати почти поголовно переходила в католичество, тогда как православию оставались верными крестьяне, небогатые мещане и казаки. Как отмечал в этой связи известный полемист конца XVI в. Иван Вишенский, «паны же наших Руского рода... все...

[198] Харлампович К. Новая библиографическая находка. Переводная статья кн. А.М.Курбского «От другие диалектики Иоана Спанинъбергера о силлогизме вытолковано» //Оттиск из журнала «Киевская старина». К.: Тип. Имп. Унив. Св. Владимира Н.Т.Корчак-Новицкого, 1900. С. 7.

живаго Бога и веры яже в него отступили, прелести же еретической... и лихоимству ся наклонили»[199].

Католики и протестанты обучали свою молодежь в высших учебных заведениях, в то время как православные не имели даже элементарных церковных школ. Следовательно, уровень книжных знаний у оппонентов православия в ту пору был значительно более высоким. Католические и протестантские проповедники-полемисты зачастую добротно владели веками отточенным оружием античной логики в ее схоластической форме. Авторитет античной философской классики был у них весьма высок. По этому поводу Вишенский язвительно утверждал:

«Въместо зась евангелской проповеди, апостолской науки и святых закона и ограниченья цноты (добродетели – авт.) и учтивости сумненя христианского, нине поганские учители, Аристотоли, Платоны и другие им подобные машкарники а комидийники в дворех Христа Бога владеют»[200].

Заметим, что в своей сентенции Вишенский выразил характерное для православного духовенства своего времени нигилистическое отношение к античной философии, отрицание ее ценности для духовного строя восточных славян. Такое отношение было во многом обусловлено высоким авторитетом античной философии у недругов православия, использовавших препарированную Аристотелеву логику в своих нападках на «схизматиков» греческой церкви. Однако в ту эпоху для апологии православной веры (что было равнозначно защите национальной культуры, и в конечном итоге - национальной независимости) уже явно недоставало традиционного «мудрования», в доказательствах которого главенствовал старый метод постулирования со ссылками на авторитет Священного писания и предания. Для того, чтобы одолеть деятельного и сильного противника, следовало овладеть его оружием. Таким образом, второй культурно-исторической причиной выработки новых критериев в использовании античного наследия явилось отсутствие на РУСИ системы школьного образования и, как следствие, слабая подготовка церковных идеологов к серьезной и глубокой полемике с противником.

Как известно, западнорусская православная церковь в середине и 2-й половине XVI в. находилась в весьма плачевном состоянии, о чем убедительно свидетельствуют многие источники, и в частности тот же Вишенский:

«Владыки, архимандрита и игумени, - пишет он, - ...монастыре позамустевали и фолварки себе з мест святых починили, и сами толко з слуговинами и приателми ся в них телесне и скотски переховывают; на святых

---

[199] Вишенский И. Второе Послание афонского монаха Иоанна Вишенского ко всем православным жителям Юго-Западной Руси и Польского королевства // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т.2. СПб: В тип. Эдуарда Праца, 1865. С.225.

[200] Вишенский И. Второе Послание афонского монаха Иоанна Вишенского ко всем православным жителям Юго-Западной Руси и Польского королевства // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т.2. СПб: В тип. Эдуарда Праца, 1865. С.225.

местох лежачи, гроши збирают,.. девкам своим вено готуют, сыны одевают, жоны украшаютт, слугы умножат,., роскош свою поганскии исполняют».[201]

Православная церковь в Московском государстве в то же самое время несла ущерб в терроре Ивана Грозного. Константинопольская иерархия, находившаяся под властью турок, во-первых, уже не могла играть ни роли руководителя, ни, тем более, судьи, а во-вторых, многие ее высшие сановники, прошедшие католическую и протестантскую «науку» в университетах Европы, сами были далеко «не тверды в вере», а следовательно не могли оказать какую-либо помощь разброду и шатанию русского православного духовенства. Наиболее передовые православные деятели (как светские, так и церковные) прекрасно осознавали опасность такого положения, грозящего в Юго-Западной Руси поглощением восточной церкви богатым, агрессивным и хорошо организованным католицизмом, видя среди чисто политических и организационных мер защиты действенный выход из неблагоприятной ситуации в подготовке новых кадров русского духовенства согласно современным образцам светской науки при условии сохранения верности устоям православной церкви. Более того, они понимали важность и необходимость просвещения народных масс - основной своей опоры в политико-социальных действиях. Все это обусловило третью причину, вызвавшую к жизни новые критерии отношения к античному наследию - необходимость просвещенных защитников православной религии, национальных интересов русского народа.

Старые, возникшие еще на заре христианства формы духовности, которые Русь получила от Византии, уже изжили себя, они не соответствовали более ни культурно-историческим условиям, ни во многом изменившемуся складу ума восточных славян, ни, в конечном итоге, успешному решению стоящих перед ними задач национальной культуры, объединения восточнославянских земель и укрепления русской государственности. Наряду с этим изжил себя и традиционный, «византийско-ориентированный» способ освоения наследия античности, а вместе с ними и те критерии, которые прежде определяли интеллектуальные практики на Руси. В смене критериев, разумеется, заметную роль сыграло и общекультурное влияние Западной Европы, которое несло в себе многовековой оригинальный опыт осмысления и университетского преподавания античной философии.

Для выяснения нашего вопроса необходимо понять, что именно было заимствовано, как интерпретировано и каким целям послужило.

Прежде всего, разработка новых критериев отношения к античности была вызвана, собственно говоря, кардинальной гносеологической причиной, а именно необходимостью освоения новых ценностей, не менее важных, чем ценности византийско-славянского мира. Эти ценности вырабатывались Реформацией. Реформационное «брожение умов», проявившееся на Руси еще в XV в., не только не затихало в XVI-XVII вв., но напротив, набирало силу, принимая специфически русские формы ересей, правки церковных книг, наконец, самого раскола. Принимая во внимание научную полемику вокруг проблем отечественного

[201] Там же С. 226.

Предвозрождения и Возрождения, однако не вдаваясь в ее подробности, можно усмотреть гносеологические корни новых критериев в стремлении восточнославянской духовности к рационализации знания путем сознательного обращения к идеям и учениям античной философии. Собственно говоря, здесь же можно видеть и деформацию христианской духовной парадигмы Средневековья от господства в ней истин Священного писания к секуляризованному светскому знанию. Восточнославянская специфика позднего Средневековья, правда, не предусматривала полного отказа от традиционного богословского теоретизирования, во многом сохраняя византизм, однако постановка античных ценностей (в первую очередь, логического рассуждения) на службу православной церкви стала ярким выражением этой новизны в развитии русской культуры.

Не трудно заметить общность такого подхода с подходом западноевропейской схоластики (препарирование античного дискурса в интересах конфессии), но, по нашему мнению, схоластика и православно-славянский подход обладали существенной разницей, которую можно найти в следующем.

Прежде всего, это различие проявилось в ориентации восточнославянских книжников на опыт византийской патристики. Их новый взгляд на произведения «восточных отцов» IV—VIII вв. выразился в осмыслении наследия последних во всей его творческой полноте, в обдумывании сюжетов и приемов полемической критики, широко представленной в «святоотеческой» литературе, в сосредоточении внимания на философской стороне произведений, а следовательно - и в закономерной акцентации античной натурфилософии, социально-этических идей, диалектики и логики, одним словом, - на положительной оценке и интерпретации «восточными отцами» человеческого знания (в частности, - греческой философии). Немалую роль в воспитании такого позитивного отношения к «поганской» мудрости сыграл Максим Грек, сумевший открыть глаза на пользу греческой философии своим современникам.

Максим Грек оставил после себя огромное литературное и философское наследие - около 300 оригинальных и переводных произведений. Оно оказало глубочайшее воздействие на все стороны духовной жизни московского общества второй XVI в., воспитав целое поколение восточнославянских книжников.

В его сочинениях содержится много сведений об античности. В отличие от большинства своих русских современников Максим Грек получил систематическое философское, богословское и филологическое образование. Знание языков позволяло ему читать в подлинниках труды античных философов, из которых он более всего почитал Платона, Сократа и Аристотеля. Из святоотеческой литературы он отмечал сочинения Аврелия Августина и, в особенности, Иоанна Дамаскина. В его творчестве сочетались традиционные ортодоксальные взгляды на разнообразные вопросы богословия, политики, этики с новыми тенденциями, обнаруживавшими стремление к методам филологической критики, к использованию достижений философии для теологических целей.

Максим Грек высоко оценивал значение античной философии: «*Философия без умаления есть вещь весьма почитаемая и поистине божественная…*»

Однако, следуя давней святоотеческой традиции, он подчеркивал двойственную природу философии. С одной стороны, философия «о Боге и правде Его и всепроникающем непостижимом промысле Его прилежнейше повествует…» С другой — философия «не все постигает, поскольку не причастилась божественному вдохновению, как Божии пророки». Поэтому Максим Грек традиционно разделяет философию на «внутреннюю и внешнюю».

Первая непосредственно связана с православным богословием, вторая — это западноевропейская католическая схоластика, а также светская, чаще всего античная мудрость. И если «внутреннюю» философию, ведущую к познанию Бога, Максим Грек признает полностью, то «внешняя» философия, по его мнению, может использоваться лишь в ограниченных пределах. Ведь, по его убеждению, католики-схоласты, «*философией суетного прельщения смущаемые*», христианское богословие «*подгоняют к аристотелевскому учению*» и тем самым «*отходят от божественного закона*». Следовательно, «внешняя» философия годна лишь к «выработке правильной речи» и «исправлению мышления».

Считая подлинной философией философию внутреннюю (т. е. богословие), он не отвергал пользы философии внешней, хотя и считал, что у древнегреческих философов следует заимствовать только то, что не идет во вред христианскому вероучению. Максим Грек подверг христианизированной обработке идеи Платона о государстве, придав идеальному образу государства теократический оттенок. Характеристика душевной природы у мыслителя восходит в своей основе к диалогам Платона «Федон» и «Горгий». На мотивах платоновского диалога «Пир» построен трактат «Беседа души и ума». Ум здесь представлен властителем души и тела, а познание уподоблено пиршеству духа, наполняющего ум знаниями («нектаром небесным»).

Высокий авторитет философии утверждается в «Беседовании о пользе грамматики», где хорошая филологическая подготовка объявляется началом философии («любомудрия»). Из этого следует, что философию внешнюю мыслитель сводил к таким дисциплинам, как грамматика, риторика и диалектика.

Философия же для Грека – это в первую очередь философия античная, а философы – люди, вкусившие «художного ведения книжного, рекше грамотийскаго и ритарскаго и прочих чюдных учительств еллинских». Максим Грек широко пользовался цитатами и образами из произведений Гомера, Гесиода, Пифагора, Платона, Аристотеля, Плутарха, Фукидида и др. Он перевел ряд статей об античности из византийского «Лексикона Свиды» – «Сказание о сивиллах», «Платон философ» и ряд других. Симпатии автора полностью на стороне Платона, Аристотель воспринимается им как символ латинизма. В аристотелевском учении о силлогизмах он усматривает опасность ревизии христианских догматов. Мыслитель убежден, что с помощью «аристотелевского художества» методами диалектики и «софизмами» разрушаются божественные догматы. В этом отношении Максим Грек проявляет себя истинным последователем византийской ортодоксии.

В связи с критикой астрологии Максим Грек специально обращается к рассмотрению *окружных учений,* т.е. наук о природе. На его взгляд, в них, так же, как и в астрологии, *множайшая некая вредна и пагубна крыются,* так что если

попытаться *исчитати* их, пришлось бы писать целую книгу. Однако из этого Максим не делал вывода о бесполезности «внешних наук, но науку по одну сторону, а христианскую веру — по другую, и каждой из них отводил свой предел, свое место в иерархии духовных ценностей.

Посредницей же между ними, их золотой серединой выступала философия. *«Философская бо вещь,* - отмечал Максим Грек, - *священна велъми есть и поистине божественна без малого чего, о бозе бо и правде его и во вся преходящем непостижимем его промысле прилежнейше повествует, аще и не во всех получает, зане божественного вдохновения, якоже божественныи пророцы, не причастна».* Итак, за философией признается определенная теологическая функция, заключающаяся в осмыслении божественного, в углублении интереса ко всему непостижимому, тайному.

Тем не менее философия, по Максиму, не может полностью заменить теологию, ибо ей недостает главного - простой, нерассуждающей веры. Философия порождена человеком и представляет собой волеизъявление его свободного духа. Но дух разумен, он вообще есть ум, действующий *тварию,* т. е. утверждающий свою истинность лишь в соотнесении с бытием конечных вещей. Вот почему философское видение возвышает *окружняя учения,* связывая воедино различное и многообразное, и в то же время принижает божественное, желая проникнуть в его сущность с помощью рассуждения, силлогизмов. Эти два полюса философии с их достоинствами и недостатками, по мнению книжника, прежде всего выразили в своих учениях ее верховные создатели Платон и Аристотель.

Констатировав существование противоположных тенденций в философии, Максим Грек ополчается главным образом против аристотелизма, вернее — не столько против него самого, сколько против католической доктрины, пытавшейся опереться на логическое учение Аристотеля, разрабатывая свои основные догматы. В «Слове на латинов», исходя из ортодоксально-православного тезиса о том, что *еже подвигнути нечто малейшее от учений веры, или применити, превеликих есть отрицание, и жизни вечныя отпадение,* он упорно обвиняет западное богословие в извращении христианской истины. На его взгляд, *латинстии сынове ко угождению аристотельскаго художества* не только люто раздирают *ризу церкви, истканную от вышняго богословия,* но и, пользуясь *диалектическими нужами и софисмами, превращают апостольскую истину. И никоя в них догма крепка непщуется* (не сохраняется) *— ни человеческая, ни божественная, аще не аристотельския силлогизмы тем утвердят сию догму.* Принцип веры должен быть только один: *Разумею откровенная, не истязаю сокровенных* – т.е. познаю явное и не касаюсь тайного. Другая работа Грека против латинян, уже упомянутое послание «О фортуне», посвящена критике протестантского и гуманистического понимания понятия «судьба». Сторонник полной предопределенности бытия, изначально устроенного Божиим Промыслом, он резко выступает против возможностей «угадать» судьбу, и уже тем более — против попыток изменять ее по собственной воле. Критикуя это учение он видит его истоки в античной культуре и нелестно отзывается о ней, упоминая эллинов

вообще, и особенно Эпикура: *«Эпикурово злостное учение и сие есть, яко и вся тварь сия счастием некым, а не хотением и судом божиим правится».*

Таким образом, в своих посланиях Максим Грек противопоставил два пути богопознания: внутренней церковной и богодарованной философии, которая наследовала традиции платонизма и, с другой стороны, внешнего диалектического метода, основанного на принципах формальной логики. Истинным Греку представлялся только первый путь, что также свидетельствует об ортодоксальности Грека как религиозного философа. Вместе с этим религиозный догматизм Максима Грека не повлек отказа и полного отрицания внешних наук, философии. Для него одинаково важны были и разум, и вера, поскольку именно в разуме утверждается свобода воли человека (*самовластие* – в терминологии Грека), а в вере любовь и надежда на Бога.

Переориентация гносеологических критериев, отраженная в творчестве М.Грека, была продолжена кн.А.Курбским, которого в большой степени следует считать учеником М.Грека, в том числе п вопросе отношения к античности.

Ведь именно ссылаясь на Грека, Курбский обосновывал свое обращение к светским наукам, в которых он видел практическую пользу.[202] Вместе с тем подход мыслителя к античной философии не был сугубо утилитарным, ибо он понимал ее как некую совокупную человеческую мудрость, которая «нам от трисиянного Божества даровашася»,[203] тогда как западноевропейская схоластика трактовала философию следующим образом:

«Эта наука (теология) может взять нечто от философских дисциплин, но не потому, что испытывает в этом необходимость, а лишь ради большей доходчивости преподаваемых ею положений».[204]

Таким образом, Курбский воспринял из патристики творческое отношение ее представителей к античному наследию, возродив его в восточнославянской духовности (вспомним в этой связи вдохновенные строки Григория Назианзина о «слове» и «словесной мудрости»). Вот почему первым гносеологическим источником новых критериев можно считать византийскую патристическую литературу (только уже в новом, соответствующем требованиям культурно-исторических условий ее прочтении) с предложенным ею методом освоения античного «любомудрия».

Основным критерием средневековой западноевропейской схоластики выступало понятие «облигаций по сути и выражавшее общее требование непротиворечивости богословских рассуждений библейским каноническим текстам. По верному замечанию С. С. Аверинцева, при всех своих недостатках схоластика несла в себе и весьма положительную черту, каковой была «ориентация на жестко фиксированные правила мышления», которая «помогла схоластике сохранить преемственность интеллектуальных навыков, необходимый понятийно-терминологический аппарат через реставрацию античного наследия в

---

[202] Курбский А.М. Предисловие к «Диалектике» Иоанна Дамаскина //Замалеев А.Ф., Зоц В.А. Указ. соч. С.165-166.
[203] Там же. С.166.
[204] Цит. по: Боргош Ю. Указ. соч. С.168.

предельно формализованном виде».[205] Последнее прежде всего относится к господству в западноевропейских теоретико-богословских построениях модифицированной Аристотелевой силлогистики. Система схоластического мышления школила логические способности интеллекта, что не могли не заметить восточнославянские мыслители. Опыт такого мышления был тем более ценен им, что Аристотелева логика приспособлена в схоластических конструкциях к дебатированию центральных проблем христианского вероучения и культа, разногласия в которых служили поводами острой полемики восточно- и западнохристианских оппонентов. Недаром потому А.М.Курбский обратился от патристики к изучению схоластического трактата И.Спагенбергера:[206] здесь его привлекал именно аспект практического применения логики и диалектики.

Но не следует упускать из виду и критическое отношение восточнославянских книжников к схоластическому стилю мышления: они прекрасно понимали, что «латинские» авторы издают «книжки, своими силогизмами поганскими поваплени, и паче же рещи, софистичьки превращающе и расхлевающе апостольскую теологию и влекуще чрез естество воду на прегордаго их епископа Римскаго».[207] Вот почему Курбский столь рьяно выступает против Фомы Аквинского, извратившего, по его мнению, творческую сущность диалектики.[208] Как видим, он имел для такого отрицания достаточно веские основания. Однако, несмотря на все эти издержки, западноевропейская схоластика послужила вторым гносеологическим источником создания восточнославянским духом новых критериев освоения античного наследия.

Таким образом, отправными точками разработки новых критериев были, по существу, два совершенно различных гносеологических подхода к античной мудрости. Их предстояло синтезировать. В этой связи обратим внимание на те культурно-исторические задачи, которые следовало решить с помощью философского мышления, ибо они-то и наполнили разработанные А.М.Курбским критерии принципиально иным содержанием.

Если на Западе, в схоластике, прочтение критерия непротиворечивости истинам Библии заключало в себе прежде всего согласованность размышлений авторов с официальной религиозной доктриной и служило укреплению института папства, то на Востоке в XVI в. официальная религиозность православия дала серьезную трещину, особенно в западнославянском регионе, где массы верующих могли убедиться воочию в несоответствии истин Священного писания деяниям церковных иерархов. Церковность, организующая народ, начала разваливаться. При этом католицизм и протестантство постоянно наносили православию все новые болезненные удары. Все это закономерно привело к неустойчивости православной идеологии, ослабило ее иммунитет к разъедающим влияниям извне. Следовательно, возникла необходимость в создании новой официальной

---

[205] Аверинцев С.С. Схоластика // Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983. С.667.
[206] Харлампович К. Указ. соч. С.16.
[207] Курбский А.М. До Кузьмы Мамонича лист 2 // Сочинения князя Курбского. Т.1. СПб., 1914. С.427.
[208] Курбский А.М. Ответ восточных или щит церкви правоверной // Там же. С.435.

религиозности, которая могла бы в дальнейшем послужить интересам новой государственной идеологии русских, отвечающей самым острым запросам современности. Задача усложнялась еще и необходимостью удержать такую идеологию в рамках ортодоксального православия.

Значит если католико-схоластическая модель критерия непротиворечивости служила в целом дальнейшему укреплению системы папства, обеспечению его гегемонии с помощью любых (в том числе и софистических) средств, то восточнославянское прочтение того же самого критерия предусматривало решение диаметрально противоположной задачи: вновь создать мощную церковную иерархию, способную не только вынести удары извне, но и наносить их своим противникам. Эта церковно-иерархическая система должна была послужить основой для идеологического обоснования мощного русского государства.

В таких обстоятельствах критерий непротиворечивости предусматривал, конечно, не формальное использование логического мышления в сочетании с ловким передергиванием фактов (как в «латинских» полемических работах того времени), но имманентную логичность суждений при строгой их критичности и опоре на тщательно выверенный факт. Все это в сущности и давало новое наполнение (и направление) в выработке А.М.Курбским критериев освоения античного материала.

Рассматривая проблему рецепции античного культурно-теоретического наследия в русской культуре, следует иметь в виду, что критерий является той основной мерой, согласно которой «можно познать истину».[209] Как уже отмечалось ранее, истины Священного писания в эпоху Возрождения и Реформации изрядно пошатнулись вместе с методами их доказательств, что особенно сказывалось на духовной культуре восточных славян. Средневековое мировоззрение уступало место ренессансному с его ценностями, направленными уже не столько к сверхъестественному, сколь к человеческому, земному. Отсюда и «всеобщее увлечение» античной философией[210] в ее рациональных проявлениях.

Мировоззрение восточнославянских мыслителей XVI в.. с именами которых связано формирование новых гносеологических критериев освоения античного наследия критериев, мы можем определить как ренессансное, ибо по сути своей и задачам, им выдвигаемым, оно родственно мировоззрению деятелей западноевропейского Возрождения - ренессансному гуманизму. Разработка же ими новых критериев есть не что иное, как начало гуманистического направления в эволюционизирующей национальной духовности. К таким представителям раннего восточнославянского гуманизма мы можем отнести Ф.Скорину, И.Федорова, А.М.Курбского.

Деятельность первых во многом реализовалась в сфере культурно-просветительской практики, и она уже достаточно хорошо изучена, поэтому мы

---

[209] Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб.: Наука, 1993. С. 31.

[210] Маслобоева Л.Е. Античность и современность в поэтической реформе Плеяды // Культура эпохи Возрождения. Л.: Наука, 1986. С. 42.

обратим внимание только на интересующий нас аспект. В этой связи следует отметить произведения Ф.Скорины, в которых можно проследить генезис изучаемого явления. Надо сказать, что выделение критериев из текста первоисточников - задача отнюдь не из легких, ибо последние не содержат их специальных формулировок, хотя, с другой стороны, материал, содержащий критерии, присутствует в произведениях повсеместно.

К причинам такой парадоксальной, на первый взгляд, ситуации можно отнести, во-первых, (в сфере духовности) не изжитую еще доминанту средневекового стиля мышления с его ориентацией на авторитет Библии, а во-вторых, (в сфере культурно-политической) перенос в начале XVI в. акцентов в эволюции Реформации, которая «из идеологической сферы начинала переходить в область политики».[211] Будучи сыном своего времени, Скорина хорошо понимал опасность католической духовной экспансии на славянском Востоке, а потому опирался в значительной мере на традиционные способы мышления. Вместе с тем он четко осознавал те задачи, которые ставила перед его родиной история, а потому и выдвинул на первый план в своем творчестве критерий социальный. Обратимся к текстам его произведений.

При мотивировке своего решения издать Библию Ф.Скорина традиционно выдвигает причину, на первый взгляд, чисто религиозную:

«В сей книзе, - пишет он, - Бог вседержитель познаван бываеть... В сей книзе лекарства душевные... яко любити Бога для самого себе и ближнего для Бога...».[212]

Но при внимательном наблюдении можно заметить, что религиозность здесь значительно социализирована: Бога человеку должно познавать для приобретения «душевных лекарств», т.е. для совершенствования индивидуальной духовности и доброго отношения к людям - «ближним». Тем самым в миросозерцании Скорины делается решительный переход от трансцендентного к земному. По сути дела здесь уже просматривается философский подход, согласно которому «истинное, идея, не состоит в пустых общностях... Если истина абстрактна, то она - не истинна. Здравый человеческий разум стремится к конкретному;.. Философия же наиболее враждебна абстрактному и ведет нас обратно к конкретному».[213] В данном суждении (весьма характерном для творчества Скорины) и осуществляется такой перевод абстрактной религиозной сущности Бога в земную конкретику человеческих отношений. Заметим, что здесь чувствуется и ренессансное прочтение Скориной античной трактовки человека как микрокосма, т.е. субъекта, воплощающего в себе всю сущность объективного Космоса, в котором духовность субъекта - человека - есть воплощение духовности горней, носителем коей выступает Бог.

Еще более социален Скорина в своем «Предисловии к Соломоновым притчам», где он говорит о цели издания книги («людей простым посполитым к

---

[211] Там же. С.43.

[212] Скорина Ф. Предъсловие доктора Франъциска Скорины с Полоцька в всю Библию рускаго языка // Франциск Скорина и его время. С.9.

[213] Гегель Г. В.Ф. Указ. соч. С. 88.

пожитку и ко розмножению добрых обычаев»).[214] Этот лейтмотив творчества просветителя-гуманиста и выступает основным критерием в отношении к наследию античности, который, исходя из контекстуального содержания, мы можем определить как критерий социальной пользы знания для РУССКИХ («русским языком... людям посполитым к научению»).[215] Для обоснования такого критерия Скорина прибегает уже не к авторитету Священного писания, но к углубленной философской аргументации:

«Знаючи сее, иже ест наивышшая мудрость розмышление смерти и познание самого себе, и въспоминание на приидущие речи».[216]

Собственно говоря, гуманист осуществляет перевод библейского онтологизма в сферу социального, но уже не в нравственно-учительном аспекте, а в гносеологическом, согласно традициям античной классики (общеэллинское «познай самого себя», платоническое «въспоминание на предыдущие речи», т.е. мышление как процесс припоминания идей, заложенных в субъекте от рождения).

Исходя из этого анализа, можно прийти к выводу, что творчество Ф. Скорины содержит в себе разработку основного мировоззренческого критерия восточнославянской духовной культуры позднего Средневековья в освоении ею античного знания, а именно - критерия социальной пользы знания. Сюжеты Священного писания Скорина рассматривает с позиций ренессансных, гуманистических, аргументируя свою точку зрения с помощью опоры на античные философские идеи и конкретизируя этот критерий применительно к тем ситуациям, о которых он ведет речь в своих работах (напр., о назначении права служить интересам общего блага и пр.). Будучи европейски образованным ученым, гуманист существенно отходит от традиционных стереотипов древнерусского «мудрования» с его доминирующим методом доказательства как постулирования со ссылкой на авторитет, хотя и не отказывается от него вовсе. Приведем в этой связи еще один пример.

«Бивлиа, - пишет Скорина в одном из своих придисловий, - греческим языком, по-руски (оно) сказуется - книги. Тако убо святый Матфей починаеть Христово благовествование: Бив- лос генезеос Исусу Христу (Мф.1,1), то ест по-руски и - «Книга родства Исуса Христова».[217]

Несмотря на частое использование данного метода в текстах, верификация авторского суждения посредством ссылки на библейский текст у Скорины первой роли не играет, но служит иллюстрацией основной мысли автора, трансформирующей античные философские идеи. Следовательно, если говорить о содержательной доминанте произведений Скорины, то ею можно назвать уже в определенной мере секуляризированную человеческую мысль. Исходя из этого, можно определить и основной гносеологический критерий, которого придерживался гуманист в работе над своими произведениями как критерий научного доказательства истины путем логических рассуждений при формальной

---

[214] Скорина Ф. Предсловие в притчи премудраго Саломона, царя Израилева // Там же. С. 37.
[215] Скорина Ф. Предъсловие въ Книгу Иовъ // Там же.С. 29.
[216] Там же. С.29.
[217] Скорина Ф. Предъсловие... въ всю Библию рускаго языка // Там же. С.8.

верификации посредством ссылки на библейский текст (более коротко: критерий Формальной верификации). Этот критерий противоположен по содержанию и древнерусскому постулированию со ссылкой на авторитет, и схоластическому «облигаций», выступая, по сути дела, творческим синтезом последних в результате наполнения новым философским содержанием традиционных духовных стереотипов. Этот критерий, честь выработки которого принадлежит Ф.Скорине, будет использоваться восточнославянской духовностью на протяжении всего позднего Средневековья.

Само собой разумеется, что в процессе поиска восточнославянскими гуманистами новых критериев между ними могли существовать и принципиальные разногласия. В этой связи любопытно отрицание А.М.Курбским положительного вклада Скорины в отечественную духовность. В частности, он замечает:

«Книги обретаются в земли нашей Ветхого и Новаго завета и пророческие вси, а перевод Скорины Полотскаго, преведены не в давных летех, аки лет 50 или мало к сим, с препорченых книг Жидовских...».[218]

История мировой культуры дает немало примеров подобных разногласий между людьми, осуществляющими общие задачи, однако не приемлющими какие-либо особенности (порой весьма существенные) в творчестве коллег (вспомним, например, антагонизмы между Леонардо да Винчи и Микеланджело, отрицание Л.Н.Толстым творчества В.Шекспира и пр.). Негативное отношение Курбского к деятельности Ф.Скорины принадлежит как раз к числу подобных явлений. Оно тем более понятно из-за сложности религиозно-политической борьбы на землях Речи Посполитой с постоянно меняющимися векторами образования временных союзов, взаимовлияний политических группировок с их неуклонными попытками поглотить партнеров, наконец, из-за такого субъективного фактора, как разница в образовании двух мыслителей (Скорина - дипломированный выпускник европейских университетов, Курбский - талантливый самоучка), обусловившей степень традиционности как их произведений, так и подхода к каноничности церковной литературы. Отрицание Курбским деятельности Скорины лежит в плоскости религии, тогда как в области философии они фактически делали общее дело.

Таким образом поиск новых критериев в использовании теоретического знания античности духовностью восточных славян отражал потребности восточнославянского духа в изменившихся исторических условиях. Античное наследие дало возможность внести ощутимые положительные изменения в вековые критериальные устои Древней Руси и создать тем самым гносеологические предпосылки для перехода к рационалистическому дискурсу.

---

[218] Курбский А.М. О Скориных книгах // Сочинения князя Курбского. Т.1. С.401-402.

Гвоздева И.А.
Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова,
Гвоздева Т.Б.
Москва, Литинститут, Финансовый университет
при правительстве Российской Федерации

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО В СОСТАВЕ Ius Civile ДРЕВНЕГО РИМА

В учебных курсах земельное право обычно не выделяется как составная часть римского Ius Civile. Основные категории собственности и владения на землю в римском гражданском праве изучаются в разделе «учения о собственности», «учение о владении», и в «аграрных законах». Однако особенностью римского земельного права является чрезвычайно существенная роль технических средств землеустроения в обосновании юридических норм землепользования. Рассмотрим эти особенности.

Уже в период Ранней Республики Рим, расширяя свои земельные владения, должен был вычленить и обозначить их статус. Для этого был использован способ деления земли — arcifinius — обозначение границы по природе места (CAR. S. 1). Римский Ager Romanus представлял собой совокупность отдельных полей, изъятых из земель покоренных племен. Как правило, начиная с Ромула (Dionys. II. 35; Plut. 17), в пользу Рима отводилась 1/3 территории побежденного противника. Вновь приобретенные части Ager Romanus обозначались по естественным природным ограничителям, которые Гигин Громатик называл natura loci (CAR. S. 77). В этом заявлении Гигина А. Рудорфф видел демонстрацию преимущества ius naturalis над ius gentium в Италии (SRF. II. S. 255)[219]. Одно из ярких описаний природных рубежей, т.е. arcifinius оставил для Гельвеции Цезарь: «Flumen Rheno, monte Iuro, lacu Lemano-flumine Rhodano» — (B. G. 13. 612). Естественная граница может выделять племенную или государственную территорию, а также намечает вновь завоеванные земли (Varro. LL. II; RR. 3.1; CAR. S. 99). Категория arcifinius или ager arcifinius включила в себя сам земельный участок и его границу, и в архаику это было понятное и принятое всеми племенами Италии обозначение земельного пространства. Такая естественная граница охранялась обычаями и договорами[220]. Подобные agri arcifinii и составляли в сумме Ager Romanus (App. B. G. I. 7). Правовой характеристикой такого поля было отсутствие измерений, что сохранялось за arcifinius навсегда.

В ранний период существования патрицианской civitas, arcifinius стал способом выражения процесса первоначального приобретения римскими гражданами (occupati rei nullius) своего владения из общественного фонда, что на практике формировал изначальные права possessio. Конкретная практика

[219] *Rudorff A.* Gromatische Institutionen // SRF. II. S. 259.
[220] *Mommsen T.* Die libri coloniarum // SRF. II. S. 162—163.

оккупации ставила перед будущими владельцами задачу отделить свое поле от соседнего: «arcendo enim, vicinos haec appellationem finxit» (CAR. S. 101). Это удобная и легкодоступная граница agri occupatori (CAR. S. 56, 102) закрепилась в архаический период Ius Civile, как arcifinius[221].

Arcifinius выделял государственную землю. Этим же способом стали обозначаться земли, перешедшие в общественное пользование — Ager Publicus (в первую очередь это леса и пастбища — silvae et pascua). Арцифинальными границами в царский и раннереспубликанский периоды стали обозначать те части Ager Publicus, которые переходили в статус квиритского поссессия в результате occupatio[222]. А. Бурдезе называл такой поссессий примитивным владением патрициев. Он справедливо считал, что оккупация общественных земель через arcifinius для периода Ранней Республики являлось проявлением сугубо квиритского права[223].

Римские граждане получали от государства и участки земли в собственность. Такие земли в отличие от природного arcifinius получили название agri divisi, т.е. поля разделенные. На этой категории земель и возникает privatus римского гражданина (CAR. S. 1)[224]. Наиболее тщательно он обозначался на землях римских колоний, где участок выделялся гражданину с оформлением на него юридических прав — adsignatus — с записью (CAR. S. 80). Земля, куда выводится колония по определению Фронтина, становится «Ager ergo divisus adsignatus est coloniarum» (CAR. S. 1). Специалисты-землемеры (их называли громатиками по инструменту громе), исследовавшие во всей полноте процесс передачи земли от имени Римского народа гражданину, полагали, что участок, превращавшийся в собственность, оформлялся только после точного раздела и подсчета всей площади колонии. Один из типов межевания был назван по форме участка — lacina — т.е. клочок (l. c. 229, 234). Современная аэрофотосъемка обнаруживает такие участки — небольшие узкие полосочки на территории Италии. О лацинах, как особом способе межевания земель колоний, писал Плиний Старший (NH. V. 9. 43). Раздел земли на узкие лацины встречался не только в центре Италии в Лации, но и в соседних районах; он же прослеживается и в Умбрии. Лацины обнаружены и на исконной земле вольсков — Приверне (l. c. 236) (Liv. VIII. 1. 13. 19—21). Узкие лацины в небольших поймах располагались вдоль реки, которая как бы сообщает им направление. Размер их чаще был невелик; единообразие формы не наблюдалось, поскольку участки нарезались один за другим, отделяясь межой. Определенная систематизация прослеживалась лишь в расположении длинной стороной лацин вдоль русла реки (l. c. 239, 230)[225].

Появляется еще один тип межевания для передачи земли в собственность. Речь идет о так называемых praecisurae (прецизуры — куски) (l. c. 230—236). В отличии от лацин, прецизуры это были многоугольники более крупного размера.

---

[221] *Дождев Д.В.* Основание защиты владения в римском праве. М., 1996. С. 199.
[222] *Shulten A.* Die Lex Manciana, eine afrikanische Domänenordung. Berlin, 1897. S. 19, 20.
[223] *Burdese A.* Studi sull'Ager Publicus. Torino, 1974. P. 22—25.
[224] *Rudorff A.* Op. cit. S. 259.
[225] *Rudorff A.* Op. cit. S. 361; *Hinrichs F.T.* Die geschichte der gromatischen Institutionen. Wiesbaden, 1974. S. 67—72.

Их использовали для деления холмистых местностей (l. c. 232). Прецизуры в виде ограниченных межой многоугольников были удобны при освоении лесистого Северного Самния в районе Теребентума (l. c. 237, 238). Данные примеры свидетельствуют, что прецизуры возникают на больших площадях сложнопересеченного рельефа, которым и определяются их расположение и форма. Подобные геометрически неопределенные формы участков широко применялись для наделения граждан землей в Италии, пока не требовалось строгого учета. Когда в IV в. до н.э. Рим начинает закреплять свою наступательную политику, занимая отвоеванные земли, то осуществлял он ее в удобных и привычных для каждой местности формах. В конце IV в. до н.э на лацины и прецизуры были разделены поля самнитов и аврунков, а также земли колонии латинского права Интерамны на Лирисе (Liv. IX. 28; Vell. I. 15; l. c. 234, 237)[226]. Прецизуры, как и лацины, нарезались одна за другой без предварительного расчета площади.

Опираясь на опыт межевания многочисленных племенных округов в Италии римляне начали разрабатывать свое поземельное право на принципе locus (т.е. выделения места участка), придавая все большее значение роли священного гаранта собственности — границе-finis (CAR. S. 33—34). Типы lacinae et praecisurae осуществляли locatio участка, т.е. только ее выделение: границей-межой обозначалось место, в котором гражданину гарантировалась неприкосновенность его земельной собственности (SRF. I. S. 398—403). Однако в отличие от локации agri occupatorii передача участков гражданам в собственность сопровождалась проведением сплошной границы для agri divisi и расстановкой на ней signae, подтверждавших индивидуальную принадлежность. При пересечении границ соседних участков на месте signae устанавливались священные знаки границ Термины. В локации этих участков идея финис — границы, намечавшаяся еще в arcifinius, теперь превратилась в постоянную линию, со священными знаками собственности на землю. Итак, граница finis у лацин и прецизур была сплошной линией, но передача участка гражданину происходила по-прежнему способом locatio (обозначение места, но не расчет площади). Поэтому, на практике, акции разметка поссессиона и участков в собственность имели схожий характер. Для архаики характерна недостаточная техническая обоснованность различий пограничных обозначений для владений и собственности, что при локации могло порождать земельные споры. Землемеры считали наиболее древними аграрными контроверсиями — de fine (о границе) и de loco (о месте) (CAR. S. 5, 89, 94. 111). Поскольку лацины и прецизуры — это ранние формы участков, выделенные римлянам на полях их колоний в землях самнитов, латинян, вольсков, то, скорее всего, пограничные конфликты возникали именно при таких типах межевания. У авторов землемерных сочинений финис (finis) — всегда граница участка, который может иметь не только прямоугольную, но и любую другую форму (CAR. S. 77, 90). Межа и знаки, показывающие границу,

[226] *Гвоздева И.А.* Ранние типы деления земельных площадей при организации сельской территории у римлян // Вестник Московского Университета. Серия 8. История. М., 1986. № 2. С. 80—91.

обозначали место участка в момент его передачи гражданину. Освоение же поля вынуждало собственника превратить межу в тропинку, а позднее и в дорожку — проселок, по которой можно подъехать к участку на повозке. Finis становилась проселочной дорогой, разграничивающей два частных участка. Кроме обозначения особую важность приобретала ширина поселка, обеспечивавшая проезд и сохранявшая площадь участка. Достаточная для проезда ширина зафиксирована в законе XII таблиц как 5 футов (Cic. de leg. I. 55), а требование ее соблюдения — это не только обеспечение экономической функции, но и гарантирование границ участков соседствующих собственников. Это был первый важный элемент римского земельного права.

Осваивая Италию, римляне постепенно разрабатывали более совершенные способы деления земель. Так, на территории колонии латинского права Калес участки получили более прямоугольную форму (Liv. VIII. 12. 12; IX. 24. 15; Dionys. IX. 59). Этот пример можно рассматривать как переход к более систематическому разделу земель. В конце IV в. до н.э. римляне начинают применять исключительно собственные способы организации сельской территории устанавливать контроль над экономикой целого района от реки Вольтурна до Капуи. Чрезвычайно важным фактором было строительство via Appia в конце IV в. до н.э., которая кроме военно-политического имело и большое экономическое значение — способствовала освоению Кампании. Другое направление экспансии в конце IV в. до н.э. на Апулию в опорном пункте римлян — Луцерии (Liv. IX. 26; Diod. XIX. 72. 9) демонстрировало освоение пахотных земель, разделенных на прямоугольники довольно правильной формы. Эти поля устраивались с наибольшей тщательностью, так как Луцерия, вклинивавшаяся между луканами и самнитами, должна была показать преимущество римских типов межевания и обеспечить спокойствие в сложном соседстве. Поэтому, именно в этот период закрепляется переход схемы деления полей от лацин и прецизур к правильным четырехугольникам.

В римской общественной жизни существовал еще один фактор, способствующий развитию практических навыков деления пространства. Ведь к моменту освобождения от связей с Латинским Союзом и началу активной колонизации Рим осваивал искусство построения маршевого лагеря. Перманентное состояние войны предъявляло жесткие требования к созданию наилучшей организации лагеря в походе. По схеме Полибия, окончательно отработанной к концу III в. до н.э., священное замкнутое пространство лагеря тщательно устраивалось военным трибуном и авгуром (Polyb. VI. 41. 2—8). В плане лагерь представлял собой прямоугольник, который делился на 2 неравные части осевой линии — дорогой, называемой Via Principalis. Дорога соединяла правые и левые ворота лагеря. От середины Via Principalis (где находился praetorium) к (передним) воротам, названным decimana, шла дорога Via Praetoria. Обе дороги расчленяли внутреннее пространство лагеря на части, где располагались палатки легионеров. Палатки ставились рядами, которые имели точное место и обозначение. Ряды палаток соединялись в прямоугольник, называемый или striga (стрига), или scamnum (скамья), где располагались квартиры легионеров, рассчитанные на определенное число людей (каждая на 10).

Стрига и скамья становилась единицей размещения нескольких человек, которую можно было принять и за расчетную единицу площади. Все пространство лагеря было разделено на части дорогами-осями, в которых стриги и скамьи палаток занимали определенную площадь и место.

Деление на прямоугольники называемое как тип scamnum et striga использовалось и как способ деления для полей латинских и гражданских колоний (l. c. 210, 216; CAR. S. 1). Основой нового принципа деления земель стала четырехугольная форма участка, которая постепенно превращалась в правильный прямоугольник. Ученые землемеры рассматривали уже развитый вариант этого типа и считали, что, если прямоугольник расположен длинной стороной с севера на юг, то он называется striga — стрига (полоса), а если с запада на восток, то scamnum — скамнум (скамья) (CAR. S. 1; fig. 1; SRF. I. S. 347). В научной литературе данный способ получил обозначение стригации-скамнации[227]. Граница, получающая обозначение rigor (ригор) сразу проводилась как дорога — проселок между частными участками. Ригор одновременно ограничивал участки и намечал длину их сторон, ибо проводится как бы вокруг скамьи или стриги. Ширина ригора была также 5 футов и совпадала с шириной древней границы — финис. Фронтин считал, что передача в собственность такого участка на практике означала ни что иное, как проведение ригоров между соседними владениями: «per proximos possessionem rigores adsignatum est» (CAR. S. 1). Из этого фрагмента видно, что ригор выделяет участки для непосредственной передачи гражданину; следовательно, на стригах и скамьях создавалась собственность. Это была то же локация участков, но она происходила не хаотично. Каждая скамья и стрига пристраивалась параллельно друг другу, а обе стороны ригора обозначали их прямые углы.

На практике две обочины ригора обсаживались терновником или выкладывались из камней. Наиболее тщательно граница обозначалась в углу участка, где ригор делал поворот и имелись трудности при создании прямого угла. В сложно пересеченных местностях чередование стриг и скамей давало возможность все же обходить трудности рельефа. На больших площадях колоний латинского права (Liv. IX. 26; XXXVII. 37, 38) можно было избежать трудной технической работы по замеру перепада высот, поэтому размечая то стригу, то скамью устроители быстро наделяли участками поселенцев (CAR. fig. 49—51). В течение всего III в. до н.э. этот принцип чередования продольного и поперечного прямоугольников отрабатывался на размежеванной местности. В начале II в. до н.э. на примере Аквилеи (Liv. XL. 34. 2) можно увидеть окончательно оформленный тип стригации-скамнации. Ригор в таком случае приобретал вид коленчатого вала, огибающего чередующиеся стриги и скамьи (CAR. fig. 137, 137a). Поскольку были освоены приемы разметки крупных скамей и стриг, теперь их применяли как единицы площади, внутри которых получили наделы несколько поселенцев. Сокращение земельного фонда во II в. до н.э. привело к уменьшению размеров участков (Liv. XXXV. 40). Теперь локации участков предшествовал расчет всей местности, разметка на равные стриги и скамьи, как расчетные

[227] *Hinrichs F.T.* Op. cit. S. 23—46.

единицы. В систему римского межевания начинал внедряться принцип modus, который предполагал размещение определенного числа прямоугольников на данной площади. Их количество теперь определяет размер и геометрическую форму участка поселенца. Такие единицы площади могли иметь чисто техническое разметочное значение, но практика уже закрепила выделение стриг и скамей проведением ригора.

Миниатюры в CAR показывают стриги и скамьи чередующимися правильными прямоугольниками (CAR. fig. 16, 44—47). Очевидно, их составители исходили из абсолютно строгой схемы (по Фронтину), обязательной для более совершенной системы межевания центуриации, исключающей какое-либо отклонение от заданного направления (CAR. S. 1). На практике же точные размеры для стриг и скамей соблюдались не часто.

На этом этапе развития римского земельного права появляются новые виды споров, в частности de rigore, связанный с уточнением прав собственности на прямоугольные участки.

В конце Республики обострение борьбы вокруг аграрного вопроса создало необходимость более точного расчета земель и неизбежное введение в римское землеустроение принципа modus. Теперь арцифинальные границы не могли гарантировать абсолютную неприкосновенность собственности и владения и порождали большое количество земельных споров. Более того, господствующий по III в. до н.э. включительно судебный процесс legis actio (судоговорение) не мог гарантировать полную справедливость судебных решений. Возникший в конце Республики новый тип судебного процесса был назван «формулярным», поскольку каждый вид иска определялся по формуле, определенной претором. Сам претор нуждался в помощи технических специалистов-землемеров, знатоков границ и особенностей землепользования разных районов Италии. Эти землемеры-менсоры в конце Республики приобретают большое влияние не только как технические специалисты, меряющие поля, но и как эксперты при преторах по земельным спорам.

Исчерпание земельного фонда Италии способствовало введению в землемерную практику нового типа деления полей. Финис и ригор выделявшие участок для гражданина, определяли его локацию, но не полный расчет площади. Более точное измерение быстро сокращающихся земель для передачи в собственность мог обеспечить только лимит (limes, limitis).

Деление пространства лимитами римляне восприняли от этрусков. Происхождение самого понятия limes уходит корнями в Disciplina Etruscae учение об организации космоса. По науке этрусских жрецов limes был линией солнечного луча с Востока на Запад, которая проходила через священное пространство (Templum) в этом направлении и образовала ось — Декуманус. Перпендикуляр к ней создавал направление Север—Юг и назывался Кардо — ось мира. В результате небесный Templum получал ориентацию по странам света так же, как и его земная проекция (CAR, S. 10—12; 71—72). Правда, в практику римского землемерения были введены лишь отдельные принципы науки этрусских жрецов: ориентация осей по странам света, святость границ. Лимиты, делившие землю для граждан, превращали эту священную акцию в свершавшийся

факт, окончательный и неоспоримый. Limitatio стала торжественным актом разделения земельного пространства делителями-лимитами для нового поселения римских земледельцев.

Кроме того, от простой границы участка лимит отличался тем, что проводился как прямая линия на большом расстоянии в заданном ориентацией направлении, преодолевая все неровности рельефа. На пересеченной местности такая задача усложнялась и требовала мастерства, технических навыков и приборов. Поэтому, в практику межевания италийских земель лимитация вошла лишь в позднереспубликанский период. Она соответствовала задачам точного расчета площадей при земельной тесноте в период кризиса римской Республики[228].

На базе лимитации создавалась новая система межевания полей — центуриация. Ее исследовали видные агрименсоры Фронтин и Гигин Старший в трактатах «De limitibus» (CAR. S. 10—15; 71—73) и Гигин Громматик в «Constitutio» (CAR. S. 131—135). Согласно реконструкциям специалистов первыми намечались лимиты Maximus, бывшие ориентирующими осями: Decumanus Maximus и Cardo Maximus. Далее все пространство делилось лимитами: карды намечались с Севера на Юг, а декуманы с Востока на Запад. Лимиты проводились через равные расстояния и их пересечения создавало квадратную единицу площади — центурию (centuria). Наделение участками граждан происходило по центуриям (CAR. S. 5, 6). Каждый из лимитов становился общественной дорогой, а главные оси получали наибольшую ширину. Все лимиты, образовывавшие межевую сетку назывались linearii, в Италии же они имели и дополнительное обозначение — subruncivi (CAR, S.134)[229]. В период Республики лимитация осуществлялась не часто и на ограниченных площадях, т. к. большая часть земель Италии была уже разделена древними природными границами (arcifinii). От периода архаики до Ранней Республики редкая практика межевания лимитами еще не имела точной ориентации и их обозначали по местности (предгорные, приморские, галльские). Они не имели точной ширины и юридически утвержденных способов обозначения[230].

В период гражданских войн и обострения аграрных столкновений каждый технический норматив римского землеустроения начинает играть роль важного составляющего в судебном процессе по земельным спорам. Но окончательное соединение римского землеустроения и права провел основатель империи Август при создании земельного кадастра Рима. Август, положив в основу своего земельного кадастра лимитацию и центуриацию, специальными аграрными законами установил точную ширину лимитов в 8 футов и определил вид Терминов на них (CAR, S. 136—137)[231]. Центуриация, созданная лимитами, стала

---

[228] *Гвоздева И.А.* «Terminus», «Limes», «Rigor» в общественном сознании и праве Древнего Рима // Термины, понятия, категории в литературных текстах и документах. М., 2012. С. 27.

[229] *Fiches J., Soyer J.* Occupation du sol et cadastres antiques: l'exemple de la carte de Nîmes // Cadastres et espace rural. Approches et réalités antiques. Paris, 1983. P. 267, 272.

[230] *Гвоздева И.А.* Указ. соч. С. 27—28.

[231] *Campbell B.* Shaping of the Rural Environment in Ancien Rome // Journal of the Roman Studies. Vol. 86. 1996. P. 84—85.

точно рассчитанной и жесткой схемой межевания построенной на научной ориентации пространства. Лимит не только обозначал единицу площади, но и указывал на выделенный в ней участок, как на установленную и гарантированную собственность — dominium. В этом главное отличие лимита от других границ, создававших квиритский поссессион или арендованное земельное владение.

Значение лимита, ставшего инструментом точного расчета земельной собственности, превратило его в понятие абсолютной технической нормы и правовой гарантии.

Август взял за модель кадастра план деления земель римской ветеранской колонии. Главные оси — Декуманус и Кардо становились самыми широкими дорогами нового поселения в 40 и 20 футов соответственно (CAR. S. 131, 132). Через равные расстояние параллельные им проводились лимиты с обязательной шириной в 8 футов, выполнявшие роль общественных дорог. Пересечение лимитов создавало единицу площади — квадратную центурия в 200 югеров (CAR. S. 133, 134). Внутри центурии происходило наделение ветеранов землей, и каждый участок отделялся древней границей финис — частной дорогой в 5 футов. При таком межевании полностью господствует modus-princip.

В центуриях ветераны получали землю в собственность — dominium. Теперь dominium на землю был гарантирован точным расчетом, а также записями об этой площади и ее хозяине на межевых камнях — терминах. Для абсолютной гарантии точности расчета площади кадастра Август применял контрольные делители — квинтарии (CAR. S. 157). Эти пятые лимиты проводились на поле колонии сразу после разметки Декуманус и Кардо и создавали такую жесткую решетку центуриации, которая не будет сдвигаться на больших площадях. Их ширина была установлена в 12 футов. На практике никто из специалистов-землемеров не имел право нарушить постановление Августа о ширине лимтов-делителей.

Кроме создания dominium ветераны получили возможность развивать поссессорские отношения. Август сохранил в границах кадастра земли категории Publicus для ветеранов. В их состав вошли: леса, выгоны, пастбища[232]. Эти земли были обозначены как arcifinius еще до проведения лимитации. Лимиты не могли пересекать границы общественных земель, их прерывали у arcifinius и продолжали после линии разрыва. Ветераны получили право брать в аренду общественные земли своего поселения, что позволяло создавать их владение (possessio). Чрезвычайно важной категорией Publicus в кадастре были subsecivi — отрезки, остатки от межевания (CAR. S. 2, 8). Они образовывались на крайних неполных центуриях или на пустующих центуриях. Как правило, это была хорошая пахотная земля. Она оставалась в резерве принцепса, который мог предоставить колонии право пользования ими. Поэтому subsecivi попадали в разряд Publicus в границах кадастра и превращались в материальную базу

[232] *Beaudouin E.* Les Grands domaines dans l'empire Romain. Paris, 1899. P. 34.

создания владений новым поселенцам[233]. Таким образом, при Августе были созданы и получили абсолютную гарантию права собственности и владения римских граждан. В кадастре произошло приспособление норм Ius Civile к условиям Италии и правам народов всего Средиземноморья. Особенностью римской аграрной структуры стало присвоение техническим нормам деления земель правового статуса, что позволило сформулировать принципы земельного кадастра в Италии, Средиземноморье и во всей Европе[234].

После выработки принципов кадастра продолжалось создание норм земельного права Рима. Происходит дробление крупных видов земельных споров (о границе и о месте) на более конкретные. Новый тип контроверсии «de modo» часто применяется к древним occupatio при необходимости пересчета площадей для новых поселений (CAR. S. 5). Контроверсия de possessione возникала в границах кадастра о праве пользования лесами, выгонами, пастбищами и отрезками (CAR. S. 6). Усовершенствовался древний вид контроверсии о Термине — священном знаке границы (CAR. S. 4). Теперь он в основном сводился к восстановлению Термина в месте пересечения границ участка, т.е. в углу.

Именно соотношения техники землеустроения и прав землепользования, оспариваемых в процессуальных нормативах судопроизводства стали темой трактатов агрименсоров (измерителей полей). Они были главными консультантами в решении сложнейших земельных споров. Их произведения стали основными пособиями в системе образования менсоров — специалистов по землеустроению и земельному праву Римской Империи[235]. Эти произведения крупнейших специалистов по римской агрименсуре показывают, что в кадастре технические нормативы limitatio использовались лишь для демонстрации dominium на землю. Поссессорские же права поселенца подтверждались архаической границей arcifinius. Arcifinius окончательно стал юридической нормой для всех категорий земель статуса Publicus в любом новом поселении римских граждан на всем пространстве Империи. Законодательные постановления Августа при создании кадастра с одной стороны расширили техническую базу выделения собственности и владения на землю, с другой стороны накладывали запрет на изменения или какие-либо нарушения применения технических нормативов в уже сложившимся земельном праве. Эти нормы, заложенные в кадастре Августом были достаточно просты и понятны народам, населявшим римскую Империю, а хорошая подготовка специалистов-землемеров способствовала распространению норм римского земельного права из Италии на территорию Европы, Северной Африки и Передней Азии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

SRF – Blume F., Lachmann K., Mommsen Th., Rudorff A. Die Schriften der Römischen Feldmesser. Bd. 1—2. Berlin, 1848—1852.

CAR – Corpus Agrimensorum Romanorum. Ed. C. Thulin. Lipsia, 1913. l. c. – Libri coloniarum. SRF. I.

---

[233] Август разработал особое право отрезков Ius Subsecivorum, см.: *Гвоздева И.А.* Ius subsecivorum в агрименсуре и земельном праве Древнего Рима // Древний восток и античный мир. М., 2012. Вып. VIII. С. 149—166.

[234] *Гвоздева И.А.* Трактаты агрименсоров и римский земельный кадастр // Термины, понятия, категории в литературных текстах и документах. М., 2012. С. 218.

[235] Там же.

Гвоздева И.А., Никишин В.О.
Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова

МОНАРХИЯ ИЛИ ДИАРХИЯ: ФЕНОМЕН РАЗДЕЛЕНИЯ САМОДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ

Монархическая форма правления по определению подразумевает единовластие («власть одного»); между тем и в античности, и в Средневековье существовал институт соправительства, когда монархи делили власть со своими родственниками или доверенными людьми, которых нередко прочили себе в преемники. Соправителей могло быть двое или больше, монархия («власть одного») формально превращалась в диархию («власть двух») или даже тетрархию («власть четырёх»), однако в реальности, как правило, вся или почти вся власть находилась в руках одной личности – не обязательно самой легитимной, зато всегда наиболее сильной и авторитетной.

Российская монархия не была в этом смысле исключением. Уже в процессе формирования Московского государства (XV в.) появляется институт соправительства: к нему в целях упрочения прямой преемственности власти и укрепления престижа династии обратились московские государи в условиях драматической борьбы за объединение русских земель вокруг Москвы. Эта борьба была осложнена династической смутой 1433 – 1453 гг., когда московский великокняжеский «стол» последовательно захватывали галицкие князья – Юрий Дмитриевич (1433, 1434 гг.), Василий Косой (1434 г.) и Дмитрий Шемяка (1446 г.). В 1450 г. 10-летний Иван Васильевич (будущий государь всея Руси Иван III) становится соправителем своего отца Василия II Тёмного, а в 1471 г. он, уже будучи великим князем Московским, провозглашает соправителем с титулом великого князя своего 13-летнего первенца, Ивана Ивановича Молодого[236]. В 1498 г. место безвременно умершего отца в свои неполные 15 лет занял внук Ивана III, великий князь Дмитрий Иванович, увенчанный т.н. «шапкой Мономаха»[237] в Успенском соборе Московского Кремля. В 1502 г. Дмитрия-внука в роли соправителя престарелого самодержца сменил великий князь Василий Иванович (будущий Василий III). Наконец, в 1576 г. сын Василия III, царь Иван IV Грозный, совершил, на первый взгляд, трудно объяснимый поступок, разделив власть с крещёным татарским «царём» Симеоном Бекбулатовичем.

Впрочем, «странным» и трудно объяснимым поступок царя Ивана выглядит лишь на первый взгляд. Татарские царевичи-чингизиды, являвшиеся потомками

[236] В 1485 г. он стал великим князем Тверским.

[237] В настоящее время исследователи высказывают вполне обоснованные сомнения в том, что в обряде коронации 1498 г. использовалась знаменитая «шапка Мономаха». Так, согласно авторитетному суждению С.Н. Богатырёва, «идентификация Шапки Мономаха из Оружейной палаты с золотой шапкой великокняжеской казны и с шапкой Дмитрия-внука не подтверждается надёжными источниками» (Богатырёв С.Н. Шапка Мономаха и шлем наследника: репрезентация власти и династическая политика при Василии III и Иване Грозном // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2011. №1. С. 180).

некогда всесильных ханов Золотой Орды, на Руси уважительно именовавшихся «царями» (титул, равный императорскому), при кремлёвском дворе считались «честию бояр выше». В этом смысле показательна драматичная история казанского царевича Кудайкула, брата казанских ханов Мухаммед-Эмина и Абдул-Латифа. В 1487 г. Кудайкул попал в русский плен и какое-то время содержался в заточении. В декабре 1505 г. он крестился и стал царевичем Петром Ибрагимовичем. Василий III женил его на своей сестре Евдокии, после чего царевич Пётр занял совершенно исключительное положение при московском дворе: вероятно, бездетный великий князь прочил его себе в преемники[238]. Кто знает, по какому пути пошла бы русская история, если бы в декабре 1533 г. на московский трон взошёл Пётр I – крещёный потомок Чингизхана? Однако история, как известно, не знает сослагательного наклонения: царевич Пётр Ибрагимович скончался в марте 1523 г.[239], а под именем Петра I в историю России вошёл другой государь…

Тем не менее, судьбе было угодно, чтобы чингизид всё же вступил на московский престол. Этим избранником судьбы стал Симеон II, великий князь Московский (1575 – 1576 гг.). До крещения он носил имя Саин-Булата и доводился правнуком самому Ахмед-хану – последнему могущественному правителю Большой Орды[240]. Отец Саин-Булата, ногайский царевич Бек-Булат, в 1558 г. поступил на службу к московскому государю (на этой службе он и сложил свою голову в бою несколько лет спустя). В официальных документах Саин-Булат именовался астраханским царевичем. В 1570 г. в московских разрядных книгах его стали называть «царём касимовским». Это было нарушение традиции: прежде служилые касимовские владетели именовались лишь «царевичами». Повышение статуса Саин-Булата свидетельствовало об особом к нему расположении со стороны Ивана IV. В июле 1573 г. Саин-Булат был крещён и стал Симеоном Бекбулатовичем. Царь Иван простёр свою милость к нему ещё дальше: Симеон удостоился исключительно высокого звания «слуги государева» и женился на княжне Анастасии Ивановне Мстиславской, правнучке царевича Петра Ибрагимовича (Кудайкула), породнившись таким образом с правящей династией.

В октябре 1575 г. Иван Грозный, по-видимому, заручившись формальным одобрением Земского собора, «посадил царём на Москве Симеона Бекбулатовича и царским венцом его венчал, а сам назвался Иваном Московским и вышел из города, жил на Петровке; весь свой чин царский отдал Симеону, а сам ездил

---

[238] См.: ПСРЛ. Т. XXI. Ч. 1. СПб., 1913. С. 583; Зимин А.А. Россия на пороге нового времени: Очерки политической истории России первой трети XVI в. М., 1972. С. 257, 298, 316, 405 – 423; он же. Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 г. // Учёные записки Казанского государственного педагогического института. Вып. 80. Из истории Татарии. Т. 4. 1970. С. 146 – 147; Ostrowski D. The Extraordinary Career of Tsarevich Kudaikul / Peter in the Context of Relations between Muscovy and Kazan' // States, Societies, Cultures. East and West: Essays in Honor of Jaroslaw Pelenski / Ed. Janusz Duzinkiewicz and others. New York, 2004. P. 697 – 719.

[239] Его смерть побудила Василия III развестись с женой и жениться на Елене Глинской. В этом браке, как известно, 25 августа 1530 г. родился будущий грозный царь.

[240] Правил в 1465 – 1481 гг.

просто, как боярин, в оглоблях, и, как приедет к царю Симеону, ссаживается от царёва места далеко, вместе с боярами»[241]. «Правление» Симеона II продолжалось с октября 1575 г. по сентябрь 1576 г.[242] Характерно, что, провозгласив Симеона Бекбулатовича великим князем, Иван сохранил за собой не только реальную власть в государстве, но и собственно царский титул (хотя неофициально Симеона тогда и в дальнейшем именовали «царём» – не будем забывать, что до своего «воцарения» на московском престоле он абсолютно легитимно носил титул «царя касимовского»). Как верно отметил Р.Г. Скрынников, «отмена церемонии присяги новому государю в Боярской думе делала по существу незаконным акт коронации Симеона. Неопределённость его положения усугублялась тем, что он занял царский трон, не получив царского титула. Официальные документы неизменно именовали его “великим князем всея Руси”»[243].

Формально Московское государство вновь, как и в период опричнины (1565 – 1572 гг.), было поделено на владения великого князя Симеона и «удел» царя Ивана. В состав «удела» вошли Ростов, Псков, Дмитров, Старица, Ржев, Зубцов, Двинский уезд и новгородская Шелонская пятина. Остальной территорией, за исключением бывшего Казанского ханства[244], «управлял» Симеон Бекбулатович. Он председательствовал в земской Боярской думе, от его имени издавались указы. Сам царь Иван обращался к Симеону в самоуничижительном тоне, как простой подданный: «Государю великому князю Симеону Бекбулатовичу всея Руси Иванец Васильев со своими детишками, с Иванцом да с Фёдорцом, челом бьют». В своём послании от 30 октября 1575 г. Иван Васильевич просит Симеона его «пожаловать» и позволить «людишек перебрать», т.е. пересмотреть службы, денежные и поместные оклады всех служилых людей. Всё это сильно напоминало события почти 11-летней давности, когда царь Иван внезапно уехал из Москвы, чтобы чуть позже заявить Боярской думе о своей «отставке».

В своё время В.О. Ключевский увидел в «отречении» Ивана Грозного и восшествии на престол Симеона Бекбулатовича некий «политический

---

[241] Цит. по: Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Кн. 3, т. 6. М., 1993. С. 587. Это был не первый пример характерной для Ивана Грозного «игры в царя». Ещё в сентябре 1568 г. имел место зловещий эпизод царского юродства: тогда Иван приказал конюшего боярина И.П. Фёдорова-Челяднина, заподозренного им в измене, обрядить в царские одежды, вручил ему царские регалии, посадил на трон и поклонился в ноги, после чего собственноручно убил его (Успенский Б.А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. М., 1996. С. 154).

[242] См.: Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 22. СПб., 1908. Стб. 76 – 77; Баранов К.В. Когда закончилось правление Симеона Бекбулатовича // Русский дипломатарий. Вып. 3. М., 1998. С. 156 – 158. Р. Ланда считает Кудайкула и Симеона Бекбулатовича «младшими» соправителями московских государей, усматривая в их возвышении заимствование Василием III и Иваном IV ордынских традиций (Ланда Р. История ислама в России // Россия и мусульманский мир. 2003. №12. С. 21).

[243] Скрынников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Смоленск, 1998. С. 495.

[244] Каштанов С.М. Финансовая проблема в период проведения Иваном Грозным политики «удела» // Исторические записки. Т. 82. М., 1968. С. 244.

маскарад»[245]. По словам С.Ф. Платонова, «это была какая-то игра или причуда, смысл которой неясен, а политическое значение ничтожно»[246]. А.А. Зимину в новом режиме виделась своеобразная «антиопричнина»[247]. Напротив, Р.Г. Скрынников охарактеризовал существовавшую в Московском государстве 1575 – 1576 гг. политическую систему как второе издание опричнины. По его мнению, «передача трона хану Симеону Бекбулатовичу стала второй после опричнины попыткой верхушечного политического переворота, целью которого было укрепление самодержавного строя в стране. Традиционное ограничение монархии в пользу могущественной боярской аристократии на мгновение приобрело гротескную форму ограничения власти Ивана Московского в пользу “великого князя” Симеона»[248].

Поводом к очередной «отставке» Грозного, как и в 1565 г., стали пресловутые боярские «измены». Английский дипломат Даниил Сильвестр писал, что в беседе с ним 29 ноября 1575 г., сразу после многочисленных казней в Кремле[249], царь Иван объяснял своё решение передать престол Симеону Бекбулатовичу грозящими ему заговорами: он, по словам Сильвестра, «предвидел изменчивое и опасное положение государей и то, что они наравне с нижайшими людьми подвержены переворотам»[250].

«Воцарение» Симеона означало, что Грозный получал полную свободу карать «изменников» в своём «уделе». В течение месяца царь сформировал новое правительство и новую «удельную» гвардию, при помощи которой и расправился с «заговорщиками», большая часть которых принадлежала к верхушке опричнины. Понятно, что в значительной степени успех плана Ивана IV зависел от личности «сменщика». Грозный был абсолютно уверен в том, что царь Симеон не выйдет у него из повиновения. Он не был связан со старинной московской знатью, но в то же время устраивал своим «царским» происхождением бояр и кремлёвскую бюрократию.

Посланец английской королевы Елизаветы I Джером Горсей увидел в «назначении» Симеона Бекбулатовича серьёзную финансовую подоплёку. По его мнению, Иван IV руками царя Симеона хотел аннулировать все жалованные церкви грамоты и тем самым существенно урезать её земельные владения. Как пишет Горсей, «с намерением уничтожить все обязательства, принятые им на корону, он учредил разделение своих городов, приказов и подданных, назвав одну часть опричное, другую – земское, провозгласил новым государем, под именем царь Симеон, сына казанского царя, передал ему свой титул и корону и, отделываясь от своих полномочий, короновал его, но без торжественности и без

---

[245] Ключевский В.О. Сочинения. Т. 2. М., 1957. С. 178.

[246] Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII вв.: Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время / Отв. ред. Я.Н. Щапов. М., 1994. С. 103.

[247] Зимин А.А. Иван Грозный и Симеон Бекбулатович… С. 157.

[248] Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 504.

[249] Подробнее см. там же, с. 500 – 502.

[250] Толстой Ю.В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией (1553 – 1593). СПб., 1875. С. 181.

согласия своих вельмож… Такой поворот дела и все изменения могли дать прежнему царю возможность отвергнуть все долги, сделанные за его царствование: патентные письма, пожалования городам, монастырям – всё аннулировалось. Он был освобождён ото всех старых долгов и всех прошлых обязательств»[251].

Ту же версию приводит и другой английский дипломат, Джильс Флетчер, посетивший Московское государство в 1588 г.: «С такой целью покойный царь Иван Васильевич прибегнул к весьма странной мере, которой бы весьма немногие государи воспользовались, даже в особенной крайности. Он уступил царство одному великому князю, Симеону, сыну царя Казанского, как бы намереваясь удалиться от всех общественных дел и вести покойную частную жизнь. К концу года заставил он нового государя отобрать все грамоты, жалованные епископиям и монастырям, коими последние пользовались уже несколько столетий. Все они были уничтожены»[252]. Однако ещё С.М. Каштанов убедительно показал, что при Симеоне Бекбулатовиче иммунитетная политика московского правительства ничуть не изменилась[253].

Ещё одной причиной, по которой Иван Грозный мог «уступить» свой престол Симеону, были внешнеполитические амбиции царя. Грозный претендовал на престол соседней Речи Посполитой, где в 1574 г. наступило очередное «бескоролевье». Кандидатуру московского царя были готовы поддержать православные магнаты Великого княжества Литовского, не желавшие избрания католического монарха. «Отречение» Грозного и «воцарение» Симеона в 1575 г. могли привлечь на сторону Ивана IV голоса тех шляхтичей, которые опасались избрать своим монархом могущественного иноземного правителя. Однако этот план, как известно, не увенчался успехом. Кроме того, Грозный, который к тому времени «мнети почал на сына своего царевича Ивана Ивановича о желании царства», вполне мог возвести на престол Симеона с целью «вразумить» наследника (в 1570 г. он уже публично заявлял о своём намерении лишить сына прав на трон и сделать наследником датского принца Магнуса). Наконец, существует версия о зловещем предсказании неких «волхвов» (или царского лекаря и астролога Елисея Бомелия) о смерти, якобы грозившей в этот период – 1575/76 г. – «царю московскому». Таким образом, Симеону Бекбулатовичу была уготована роль «подменного царя», и в этом случае речь должна идти о «рационализированной в мистических формах перестраховке»[254].

Как бы то ни было, 2 сентября 1576 г. 11-месячное «правление» Симеона II завершилось. Грозный отблагодарил своего «сменщика» по-царски: Симеону был пожалован титул великого князя Тверского и обширные земли в Твери и Торжке.

---

[251] Горсей Дж. Записки о России (XVI – начало XVII в.). М., 1991. С. 59 – 60.

[252] Флетчер Дж. О государстве русском. М., 2002. С. 69.

[253] Каштанов С.М. К вопросу об отмене тарханов в 1575/76 г. // Исторические записки. Т. 77. М., 1965. С. 209 – 235; он же. Финансовая проблема… С. 272. См. также: Колычева Е.И. Аграрный строй России XVI в. М., 1987. С. 138 – 141.

[254] Мухин О.Н. Феномен «игры в царя» в политической культуре России раннего Нового времени: психосоциальные корни // Вестник Томского государственного университета. №339. 2010. С. 68. См. также: Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 1999. С. 315 – 316.

К 1580 г. бывший «царь касимовский» владел 13500 десятинами пахотной земли. Дарованными ему землями Симеон распоряжался самовластно, обладал правом судить и жаловать «людишек своих». Он даже располагал собственным «двором». Однако в 1586 г., в царствование Фёдора Ивановича, с подачи всесильного правителя Бориса Годунова Симеон был лишён титула и имений и сослан в село Кушалино Кашинского уезда[255].

Когда в 1598 г. решался вопрос о замещении вакантного московского престола, в боярских кругах внезапно возникла кандидатура полузабытого «царя» Симеона Бекбулатовича. Как писал Н.М. Карамзин, «мысль возложить венец Мономахов на голову татарина не всем россиянам казалась тогда нелепою»[256]. Однако, как водится, верх взял «административный ресурс», и царём стал Борис Годунов. В его правление ослепший Симеон тихо жил в своём селе, как говорит Никоновская летопись, «не искаша же земного ничего». В начале апреля 1606 г. по приказу Лжедмитрия I он был пострижен в монахи под именем Стефана в Кирилло-Белозёрском монастыре. Вскоре после воцарения Василия Шуйского старца Стефана перевели на Соловки. В январе 1616 г. он скончался в Москве в Симоновом монастыре, где и был погребён.

К институту соправительства в 1598 г. обратился «избранный» царь Борис Годунов[257], с немалым трудом добившийся престола и первое время остро ощущавший шаткость своего положения ввиду наступившего «кризиса династической легитимности»[258]. Как только Земский собор избрал его на царство, Борис разослал по градам и весям текст присяги, в котором значились имена царя Бориса Фёдоровича и сына его, царевича Фёдора Борисовича[259]. Таким образом, подданные должны были присягать на верность одновременно

---

[255] См.: Корецкий В.И. Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины // ВИ. 1967. №5. С. 43.

[256] Карамзин Н.М. Избранные сочинения. Т. 2. М.-Л., 1964. С 442. См. также: Мельникова А.С. События 1598 года и монеты Бориса Годунова // Исторические записки. Т. 109. М., 1983. С. 340; она же. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: История русского денежного обращения с 1533 по 1682 год. М., 1989. С. 65; Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 154 – 155.

[257] В окружной грамоте патриарха Иова (март 1598 г.), в которой говорилось об обстоятельствах прихода к власти Бориса, последний величался так: «Государь Богом избранный, и Богом возлюбленный, и Богом почтенный». Таким образом, Борис был представлен подданным не как избранник Земского собора, а как Божий избранник (Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584 – 1605 гг.). СПб., 1992. С. 221; Шмыкова М.Л. Избирательная кампания 1598 года и обоснование прав Бориса Годунова на престол // Вестник Удмуртского университета. 2005. №7. С. 143).

[258] Перри М. Избранный царь и прирождённые государи: Михаил Романов и его соперники // Государство и общество в России XV – начала XX века / Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 233.

[259] Будущий царь Фёдор II (его правление весной 1605 г. продолжалось лишь 49 дней). Осенью 1598 г. ему было всего 9 лет. О присяге 1598 г. см. подробнее: Солодкин Я.Г. Из истории воцарения Бориса Годунова (сколько раз и когда ему «целовали крест»?) // Вестник Нижневартовского государственного гуманитарного университета. 2010. №4. С. 22 – 27.

царствующему государю и его наследнику, который тем самым становился соправителем своего отца[260].

Характерно, что ещё задолго до «государева обиранья» 1598 г. Борис Годунов начал «выводить в свет» своего маленького сына, чьё участие в торжественных государственных церемониях постепенно стало обычным делом. Как пишет С.Ф. Платонов, «не позднее 1595 года рядом с именем Бориса начинает упоминаться имя его сына, и сам Фёдор Борисович показывается как действующее лицо в церемониях. Когда Борис посылает подарки шаху, Фёдор посылает подарок шахову сыну. В 1597 году Фёдор Борисович встречает цесарского посла "среди сеней", даёт ему руку и ведёт к отцу. В этом привлечении мальчика в сферу политических отношений можно видеть знак тонкой предусмотрительности Годунова… В своём сыне он задолго до воцарения уже намерен был видеть преемника своего положения и власти»[261].

Как только Борис взошёл на престол, его сын стал, по сути, «вторым государем» (находясь вместе с тем полностью в тени своего отца). Об этом свидетельствует, например, официальная надпись на колокольне Ивана Великого, датированная 1600 г.: «Изволением Святыя Троицы повелением Великого Государя Царя и Великого князя Бориса Фёдоровича всея Русии самодержца и сына его благоверного Великого государя царевича и Великого князя Фёдора Борисовича всея Русии храм совершён и позлащён во второе лето государства их 108[262]». Известно, что царевич принимал активное участие в государственном церемониале, в частности, приветствовал иностранных послов[263]. Важнейшие политические решения оформлялись с упоминанием имён обоих государей. Так, 3 мая 1601 г. последовал «приговор» царя Бориса Фёдоровича, царевича Фёдора Борисовича, освященного собора во главе с патриархом Иовом и всех бояр об обороне «польских» уездов и предстоящем походе против крымского хана Казы-Гирея[264]. Однако, несмотря на все старания царя Бориса, упрочить положение и престиж собственной династии ему так и не удалось: восстание в Москве 1 июня 1605 г. положило конец 7-летнему царствованию Годуновых.

В 1619 г. в России вновь наступило двоевластие: во главе русской православной церкви встал вернувшийся из польского плена патриарх Филарет Никитич Романов – отец царя Михаила Фёдоровича, сделавшийся, по сути, соправителем сына с титулом «великого государя». Как пишет С.М. Соловьёв, «с возвращением Филарета Никитича в Москву начинается здесь двоевластие: было два великих государя, Михаил Фёдорович и отец его святейший патриарх Филарет Никитич, и это была не одна форма; все дела докладывались обоим государям, решались обоими, послы иностранные представлялись обоим вместе, подавали двойные грамоты, подносили двойные дары»[265].

---

[260] См.: Вернадский Г.В. Московское царство. Ч. 1. Тверь – М., 1997. С. 193.
[261] Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 136.
[262] Т.е. в 1600 г. от Рождества Христова.
[263] Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Кн. 4, т. 8. М., 1994. С. 383.
[264] См.: Корецкий В.И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М., 1986. С. 42.
[265] Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Кн. 5, т. 9. М., 1995. С. 132 – 133.

Настало время «патриархального абсолютизма» (А.П. Смирнов). Безусловно, соправительство царя Михаила и патриарха Филарета было скорее реальным, чем декларативным; более того, в силу вотчинных представлений о власти Филарет как отец государя и старший в семье с необходимостью вовлекался в процесс управления государством, и в этом смысле соправительство 1619 – 1633 гг. было социально обусловлено[266]. Формально царь был «первым» государем, его отец – «вторым», однако, по словам того же С.М. Соловьёва, «понятно, что опытный и твёрдый Филарет имел очень большую долю в правлении при малоопытном, молодом и мягком Михаиле»[267]. Патриарх, человек честолюбивый и своенравный, судя по всему, полновластно распоряжался не только церковными делами, но и земскими. Порой в глазах современных исследователей мощная фигура Филарета совершенно заслоняет его сына, основателя царской династии[268]. Зато такой авторитетный историк, как С.Ф. Платонов, считал: «Царь Михаил ограничен во власти не был»[269]. По мнению В.Н. Козлякова, «патриарх был для царя Михаила Фёдоровича первым советником и самым большим авторитетом. Царь мог поручить ему любые дела и быть уверенным в том, что они будут выполнены так, как это делалось бы по его собственному распоряжению»[270].

Михаил Фёдорович уважительно именовал своего отца «великим государем» и «богомольцем», избегая выходить из его воли. По словам архиепископа Астраханского Пахомия, Филарет был «нравом опальчив и мнителен, а владетелен таков был, яко и самому царю боятися его»[271]. Что же касается проблемы «старшинства», то на официальном уровне она решалась весьма дипломатично: «Каков он государь, таков и отец его государев, великий государь святейший патриарх… и их государское величество нераздельно»[272]. Из переписки Михаила с отцом известно, что патриарх мог даже отменять царские указы[273].

В своё время В.О. Ключевский охарактеризовал двоевластие 1619 – 1633 гг. как «сделку семейных понятий и политических соображений», когда «родителю неловко было стать просто подданным своего сына, а сын нуждался в постоянном регентстве, которое всего естественнее было поручить отцу с титулом второго государя»[274]. Столь обширными властными полномочиями не обладал ни один патриарх ни до, ни после Филарета[275]. Оно и понятно: Филарет как отец

---

[266] См.: Исаев Д.П. К вопросу о характере соправительства Михаила Фёдоровича и Филарета (1619 – 1633 годы) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: общественные науки. 2010. №3. С. 66 – 71.
[267] Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Кн. 5, т. 9. М., 1995. С. 133.
[268] Шикман А. Кто есть кто в Российской истории. М., 2003. С. 379 – 380.
[269] Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. Ростов н/Д., 2002. С. 212 – 213.
[270] Козляков В.Н. Михаил Фёдорович. М., 2004. С. 162.
[271] См.: Карташёв А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 2. М., 1992. С. 110.
[272] Так было сказано князю П.А. Репнину в 1621 г. См.: Дворцовые разряды. Т. 1. СПб., 1850. Стб. 490 – 491.
[273] См.: Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1. М., 1841.
[274] Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций. М., 2004. С. 349.
[275] Карташёв А.В. Указ. соч. С. 109.

царствующего государя и глава церкви занимал в российской политической иерархии совершенно исключительное положение, которое исчезло вместе с ним.

Вторым и последним патриархом, обладавшим не только титулом «великого государя», но и реальной властью как в церковной сфере, так и в земских делах, был «собинный друг» царя Алексея Михайловича Никон. Положение Никона во всех отношениях можно считать исключительным. Как отмечает С.М. Соловьёв, «сам царь Алексей Михайлович по характеру своему поставил Никона так высоко, как не стоял ни один патриарх, ни один митрополит ни при одном царе и великом князе»[276]. О том же пишет и выдающийся историк русской православной церкви митрополит Макарий (Булгаков): «В лице Никона власть Русского патриарха достигала такой степени, какой она не достигала ни прежде, ни после. Если патриарх Филарет Никитич пользовался некоторыми чрезвычайными преимуществами в государстве, то пользовался как отец царствовавшего тогда государя. А Никон, один из подданных, сын простого поселянина, силою своего ума и личных достоинств умел покорить себе сердце царя, возвысился до патриаршего престола, удостоился имени великого государя и сделался первым и самым могущественным после царя деятелем государственным, которому покорялись вся и все»[277]. Как и Филарет Никитич, Никон в период своего патриаршества (1652 – 1658 гг.) был соправителем царя[278].

Никакого царского указа впредь титуловать патриарха Никона «великим государем» никогда не было. Появление этого титула в российской государственной практике произошло спонтанно. Известно, что уже в 1653 г. Никона величали «великим государем» как во время торжественных церемоний, так и на бумаге и царь, и бояре, и архиереи[279]. В 1654 – 1656 гг., когда Алексей Михайлович находился на театре военных действий, в Москве его замещал патриарх. В этот период «могущество Никона достигло своей высшей степени»[280]. Никон рассылал указы воеводам от имени царя или от своего имени, используя при этом титул «великий государь». В ответных грамотах бояре и воеводы величали его «великим государем святейшим Никоном»[281]. В эти годы появляется даже такая неслыханная прежде формула: «Великий государь святейший патриарх указал быть по боярскому приговору». Таким образом, с формальной, да и с фактической точек зрения, патриарх не только встал вровень с царём, но даже на какое-то время занял его место в системе государственной

[276] Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Кн. 5, т. 10. М., 1995. С. 559.
[277] Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Кн. 7. М., 1996. С. 136 – 137.
[278] Формально Никон перестал быть патриархом Московским и всея Руси лишь после соборного постановления в декабре 1666 г., однако фактически лишился власти в результате «добровольного» оставления кафедры в июле 1658 г.
[279] Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Указ. соч. С. 121 – 122.
[280] Там же, с. 123.
[281] Там же, с. 122 – 123.

власти. К вящему сходству с царским титулом Никон именовался также патриархом всея Великия, и Малыя, и Белыя России[282].

Таким образом, как и в случае с патриархом Филаретом, здесь имело место вполне реальное соправительство. Диархия, дуумвират или «тандем» суть современные термины для обозначения данного политического феномена. В XVII в. русские книжники нарекли его «двоицей», или «сугубицей».

Так, в предисловии к Служебнику, изданному в августе 1655 г. по благословению патриарха, два «великих государя», царь Алексей Михайлович и патриарх Никон, предстают как дарованные Богом России «два великие дара», иначе – «благочестивая сия и богомудрая двоица», «богоизбранная сия сугубица»[283]. И это не было преувеличением. Никон «наравне с царским заводит свой патриарший двор с боярами, стрельцами и даже тайной полицией»[284]. Более того, «великий государь начинает направлять внутреннюю, а затем и внешнюю политику правительства. Ни одно важное решение не проходит без одобрения Никона. Под его прямым влиянием была начата война с Польшей, закончившаяся присоединением православной Украины. Он разрабатывал планы военных операций, в частности, наступления на Стокгольм. Призывал царя двигаться на Вильно и далее на Варшаву. По его рекомендации были начаты боевые действия против Швеции за выход к Балтийскому морю и т.д.»[285].

При этом, несмотря на всё своё влияние и неоднократно заявленные протесты, Никон не сумел помешать принятию Соборного уложения 1649 г., которое умаляло статус духовенства и ставило церковь фактически в подчинение государству. Представления Никона о месте и роли патриарха в управлении государством пришли в противоречие с тем ростом абсолютизма и секуляризации, который был характерен для эпохи в целом. Подобная «симфония» светской и духовной властей не могла существовать долго: вернувшийся к титулу самодержца царь Алексей стал тяготиться своим чересчур авторитарным «собинным другом». «Усиливающееся участие царя в государственных делах, его растущее честолюбие и высокое мнение о роли царской власти, желание делать всё по-своему, сам или же через своих совершенно послушных агентов, не могли не привести к конфликту между Никоном и Алексеем. Было ясно, что Алексей Михайлович не сможет долго терпеть соправителя, “великого государя”, который позволял себе подписываться под государственными актами даже без упоминания имени царя»[286]. Придворные и царские родственники, ненавидевшие патриарха за гордость и высокомерие («возлюбил стоять высоко, ездить широко»), всеми силами старались настроить

[282] Там же, с. 124. С 1655 г. «всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцем» именовался царь Алексей Михайлович (Андреев И.Л. Алексей Михайлович. М., 2003. С. 294).
[283] Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Указ. соч. С. 123 – 124.
[284] Абрамов В.К. К 400-летию со дня рождения патриарха Никона // Фундаментальные исследования. 2005. №4. С. 33.
[285] Там же, с. 33 – 34.
[286] Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. М., 1995. С. 249.

царя против Никона[287]. Между тем, как писал Н.И. Костомаров о Никоне, «сам царь развил в этом человеке властолюбие; он приучил его вмешиваться в государственные дела, и патриарху трудно было держаться в стороне от них. Зависимость церкви от государственной власти казалась ему нестерпимою, по мере того, как он терял прежнюю силу и влияние на дела государственные. С этих пор у него естественно, если не в первый раз явилось, то сильнее развилось стремление поставить духовную власть независимо от светской и церковь – выше государства»[288]. Таким образом, разрыв между царём и патриархом, происшедший 10 июля 1658 г. (по злой иронии судьбы, поводом к нему послужило «присвоение» Никоном титула «великого государя»), был заранее предопределён и неизбежен. «Богомудрая двоица» распалась…

В 1682 г., после смерти царя Фёдора Алексеевича и стрелецкого мятежа, в России установилось формальное двоевластие при фактическом единодержавии «великой государыни царевны и великой княжны» Софьи Алексеевны, в течение семи лет (1682 – 1689 гг.) остававшейся всесильной правительницей при двух братьях-царях – старшем, «неспособном и недолговечном»[289] Иване V, и младшем, Петре I. Обострение борьбы за власть между кланами Нарышкиных и Милославских привело к беспрецедентному компромиссу, который выразился в воцарении обоих братьев (26 мая 1682 г.) при регентстве их сестры. В конце мая 1682 г. было объявлено, что «государыня царевна будет сидеть с боярами в палате, думные люди будут докладывать ей о всяких государственных делах, и её имя будет писаться во всех указах с именами царей»[290]. Зримым свидетельством юридического парадокса, когда монархия обернулась диархией, являются царские регалии, хранящиеся в Оружейной палате Московского Кремля: это две шапки Мономаха (историческая реликвия, которой венчался на царство Иван V, и так называемая «шапка второго наряда», изготовленная для коронации Петра I[291]) и серебряный с позолотой двухместный трон, предназначенный для августейших соправителей.

Вместе с тем, как известно, ни один из участников царского «тандема» вплоть до августа 1689 г. не обладал фактической властью, оказавшейся в руках «третьего зазорного лица» – царевны Софьи Алексеевны. Как писал А.М. Панченко, «в эти годы в России существовало самодержавие, но не было самодержца. Соправители Иван и Пётр олицетворяли идею, не располагая реальной властью»[292]. Идя вразрез с политической традицией, Софья не только сосредоточила в своих руках фактическое управление страной, но и попыталась

---

[287] Там же.

[288] Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. Кн. 1. М., 1995. С. 730.

[289] Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Кн. 7, т. 13. М., 1997. С. 299. Болезненный Иван Алексеевич никогда не участвовал в управлении государством, худо-бедно исполняя представительские функции, и умер в январе 1696 г., не дожив до 30-ти лет.

[290] Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. Кн. 2. М., 1995. С. 219.

[291] Венчание на царство братьев-царей состоялось 25 июня 1682 г.

[292] Панченко А.М. О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 164.

присвоить царские прерогативы и, в частности, титул «великой государыни». Между тем для русского православного сознания, воспринимавшего царя как икону Христову, образ и подобие Божие, подобный шаг выглядел как вопиющее нарушение традиционного миропорядка. «В концепции христианского домостроительства это оценивалось как женская узурпация прерогатив Отца. К тому же женщина, согласно православной традиции, не могла быть возведена в священнический сан, каковым являлось царское звание»[293]. Довод о том, что Софья не имеет права осуществлять царские религиозные обряды, был использован врагами правительницы в борьбе по её низложению[294].

Характерно, что семилетнее правление Софьи оказалось на редкость благополучным для страны, пережившей «бунташный век», и это признавали даже политические противники царевны. Так, князь Б.И. Куракин, будучи сторонником Петра I, но при этом объективно оценивая ситуацию, писал: «Правление царевны Софьи Алексеевны началось со всякой прилежностью и правосудием всем и ко удовольству народному, так что никогда такого мудрого правления в Российском государстве не было; и всё государство пришло во время её правления через семь лет в цвет великого богатства, также умножилась коммерция и всякие ремёсла, и науки почали быть восставлять латинского и греческого языку…»[295]. Тем не менее, вековые стереотипы оказались сильнее здравого смысла: разрыв с патриархальными традициями сделал падение Софьи неизбежным. В 1689 г. она была свергнута и заточена в Новодевичий монастырь, а ещё через семь лет, в 1696 г., со смертью царя Ивана V[296] завершилось и двоевластие. Наступил период единодержавия Петра Великого (1696 – 1725 гг.).

При Петре имел место последний рецидив «изобретённой» ещё Иваном Грозным пресловутой «игры в царя». Речь идёт о весьма странной, на первый взгляд, ситуации, когда окольничий князь Фёдор Юрьевич Ромодановский, глава Преображенского приказа, получил от царя причудливый титул «князя-кесаря», а сам государь разыгрывал из себя верноподданного, регулярно отчитываясь перед «князем-кесарем» в своих действиях. В письмах Пётр называл себя «рабом» или «холопом», Петрушкой Алексеевым, Ромодановского же величал «пресветлым» или «пресветлейшим величеством», «его пресветлейшеством» и «генералиссимусом»[297]. Как пишет О.Н. Мухин, «Пётр, известный своим стремлением проходить ступени службы наравне со своими подданными, демонстрировал своё иерархически подчинённое положение рядового служащего по отношению к этому псевдомонарху, именуя себя либо Петром Алексеевым,

---

[293] Багдасарян В.Э. Национальный политический ритуал в контексте истории российской повседневности // Вестник Ассоциации ВУЗов туризма и сервиса. 2008. №3. С. 8.
[294] Там же.
[295] Цит. по: Ключевский В.О. Исторические портреты. М., 1991. С. 142.
[296] У царя Ивана наследников, как известно, не было. Впоследствии «царём Иваном Алексеевичем» называл себя некий Иван Попов, тогда как самозванец Фёдор Иванов выдавал себя за «сына» Ивана V, «царевича Фёдора Ивановича».
[297] Мухин О.Н. Феномен «игры в царя»… С. 62.

либо Петром Михайловым, и постоянно отчитывался перед ним в своих действиях, получая из его рук повышения в чинах и поощрения»[298].

К маю 1695 г. относится самое раннее документально засвидетельствованное обращение Петра к Ромодановскому как подданного к государю[299]. Во время подготовки второго Азовского похода (1696 г.) Пётр переписывался с Ромодановским, «извещая его, как "своего государя", о ходе работ, иногда же, за недосугом, посылал поклоны ему и Бутурлину[300] вместе с другими в письмах к Стрешневу и Виниусу. Ромодановский был этим недоволен и делал "господину капитану" выговоры. Царь оправдывался. "В последнем письме, – отвечал он Ромодановскому, – изволишь писать про вину мою, что я ваши государския лица вместе написал с иными: и в том прошу прощения, потому что корабельщики, наши братья, в чинах не искусны"»[301]. Впрочем, «игра в царя» началась ещё раньше, в период «марсовых потех» юного Петра (1691 – 1694 гг.), когда князь Ф.Ю. Ромодановский числился «генералиссимусом Фридрихом».

Любопытно, что с возрастом Пётр отнюдь не отказался от «игры в царя»: в 1722 г. он отправляет Ивану Фёдоровичу Ромодановскому (унаследовавшему титул «князя-кесаря» после кончины своего отца в 1717 г.) отчёт за подписью «вашего величества нижайший слуга Пётр»[302]. Последнее такого рода письмо, адресованное «князю-кесарю» И.Ф. Ромодановскому, Пётр написал в октябре 1724 г., т.е. за три месяца до смерти[303]. В соответствии с правилами «игры» отец и сын Ромодановские во время придворных забав публично являлись в одеянии московских царей[304]. Игра была взаимной: Фёдор Юрьевич Ромодановский время от времени позволял себе отчитывать государя за какие-то «проступки», царь же терпел, а иногда довольно жёстко ставил его на место. Таким образом, «для всех участников игры оставалось совершенно ясным, кто на самом деле истинный повелитель»[305].

Каковы же причины этого удивительного феномена? В историографии уже был отмечен тот факт, что «игрой в царя» были отмечены «кризисные, переходные периоды, которые требовали выработки новых парадигм царской власти»[306]. Иван Грозный обратился к «игре в царя» в период после официальной отмены опричнины, когда режим личной власти государя требовалось ввести в какие-то новые легитимные рамки; как мы знаем, эта «игра» сопровождалась очередным витком политического террора. Впоследствии события Смуты (1598 – 1618 гг.) с обилием самозванцев привели к известному падению престижа

---

[298] Там же.
[299] Там же.
[300] В Кожуховском походе 1694 г. Иван Иванович Бутурлин играл роль «польского короля».
[301] Брикнер А.Г. История Петра Великого. М., 1991. С. 142.
[302] Мухин О.Н. Феномен «игры в царя»… С. 63.
[303] Павленко Н.И. Пётр Великий. М., 1994. С. 510 – 511.
[304] Успенский Б.А. Указ соч. С. 157; Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера. 1721 – 1725 // Неистовый реформатор. Ч. 1. М., 2000. С. 210.
[305] Мухин О.Н. Феномен «игры в царя»… С. 63.
[306] Там же, с. 64.

монархии в России; свидетельства тому – инциденты 1620 и 1666 гг. с ряжеными «царём» и «боярами»[307]. В результате в самом конце XVII в. Пётр I вновь обращается всё к тому же испытанному «средству». В процессе поисков «психологических корней» такого явления, как «игра в царя», О.Н. Мухин пришёл к выводу о её компенсаторной функции для носителя верховной власти[308].

Пётр, по воле судьбы получивший верховную власть в неполные 10 лет, видимо, испытывал в этой связи (как в своё время Иван Грозный) немало разнообразных страхов и комплексов. Стремясь порвать со старой, «московской», идентичностью, он интуитивно тяготел к новой, европеизированной, которую творил сам, своими руками и в которой чувствовал себя абсолютно комфортно. Неслучайно у Петра с «игрой в царя» была тесно связана «игра в службу»[309]. Видимо, последовательное «продвижение по службе» являлось средством личностного самоутверждения царя-преобразователя, в детстве и юности не получившего ни должного воспитания, ни более или менее приличного образования и вынужденного постигать все «науки» самостоятельно. В результате на роль формального «начальника», который должен был поощрять карьерный рост своего царственного «подданного», Пётр безошибочно избрал преданного Ромодановского[310].

Итак, по мнению О.Н. Мухина, «"игра в царя", впервые фиксируемая в царствование Ивана Грозного, и приобретшая широкие масштабы в XVII – первой четверти XVIII в., очевидно, являлась отражением политико-идеологического кризиса и одновременно способом решения вызванных этим кризисом психологических проблем самими монархами»[311]. Оба царя-деспота – Иван Грозный и Пётр Великий – «испытывали подсознательный страх перед подданными, порождённый их собственной авторитарностью и нарушением традиций, и потому нуждались в некоей абстрактной внешней идее, которая оправдывала бы их действия»[312]. «Князь-кесарь» Фёдор Юрьевич Ромодановский – это, как и «подставной царь» Симеон Бекбулатович, «своего рода "громоотвод" судьбы»[313]. Таким образом, «игра в царя» для Петра I, как и для Ивана Грозного, была способом личностного сомоутверждения за счёт окружающих[314]. Вся

---

[307] Полосин И.И. Игра в царя (отголоски Смуты в московском быту XVII в.) // Известия Тверского педагогического университета. Вып. 1. 1926. С. 59 – 63. Особая статья – это многочисленные случаи «народного», или «бытового» самозванчества. См.: Мухин О.Н. «Я, Пётр Алексеевич»: к проблеме самозванчества в России в конце XVII – первой четверти XVIII века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. №9. С. 20 – 21.

[308] Мухин О.Н. Феномен «игры в царя»… С. 64.

[309] Там же.

[310] Там же, с. 65.

[311] Там же, с. 68.

[312] Там же, с. 65 – 66.

[313] Там же, с. 66.

[314] Hughes L. I.M. Golovin and Peter the Grate's Mock Court // Reflection on Russia in the Eighteenth Century. Papers from the VI. International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia / Ed. by J. Klein, S. Dixon and M. Fraanje. Leiden, 1999. P. 49.

разница в том, что Пётр сумел справиться со своими психологическими проблемами и вошёл в историю как Пётр Великий, а Иван не смог, поэтому остался в памяти народа как Иван Грозный; первый оставил в наследство мощную империю, второй – многолетнюю смуту[315].

[315] Мухин О.Н. Феномен «игры в царя»… С. 68 – 69.

Пешков А.А.
Нижний Новгород

ВОПРОС ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Конец XIX начало XX веков характеризуется мировоззренческими поисками в кругах интеллигенции, в том числе и в религиозной сфере. Возросший интерес к религиозной жизни и в немалой степени к проблеме современной переоценки церковно-государственных отношений требовал общественного обсуждения. Эти мотивы послужили началом к открытию Религиозно-философских собраний.

Одной из наиболее острых проблем, затронутых на Собрании, стал вопрос о свободе совести, а в более общем освещении – вопрос о границах взаимоотношения РПЦ и государства. Дискуссии по этим темам проходили в напряженной обстановке, в форме полемики. Сразу наметились противоположные партии, отчего проф. С.А. Солертинский иронично назвал собрание парламентом (2, с.137).

Мережковский уже на третьем заседании в докладе «Лев Толстой и Русская Православная Церковь» сводит весь пафос своего выступления к проблеме отношений Русской Православной Церкви и государства. Насколько для либерального сознания тема церковно-государственных отношений стала актуальной, видно из того, что его доклад спровоцировал целую серию дискуссий на последующих заседаниях Собраний. Почти треть дискуссий Собраний, так или иначе, была посвящена этой проблеме. К сожалению, пятое и шестое заседания, посвященные вопросу «о самодержавии и русской Церкви, не были стенографированы.

Упреки в адрес РПЦ свелись, по сути, к двум положениям: 1) обвинению в смешении веры и национальности; 2) требованию свободы совести, а именно: разрешить свободный выход из православия. В свою очередь последний пункт вызвал спор о различиях в понимании свободы в христианстве и с точки зрения либерализма.

Прежде всего, в адрес РПЦ прозвучал упрек в филетизме. По выражению Мережковского, быть русским по вере – это абсурд квадратуры круга. Данное наблюдение не лишено логики: действительно, быть русским и быть православным – это разные в своем основании понятия. В российском сознании же произошло роковое смешение этих взглядов. По мнению либерально настроенных мыслителей, православная вера в России, настолько совпала с национальностью, что прежде чем говорить о православии, его необходимо выделить из государственной веры.

Данный ход рассуждений верен лишь отчасти, поскольку различие здесь вовсе не исключает взаимодействия и даже зависимости одного явления от другого. Смешение может являться мнимым, так как мы говорим не о взаимоисключающих или независимых друг от друга областях. В данном обвинении оказался неоговоренным важный пункт: что же лежит в основе национальности? Современные исследователи называют национально образующими факторами веру и язык (2, 92). Трудно отрицать, что в формировании России именно православная вера повлияла на становление ее неповторимого национального облика. Это утверждение не означает наивного взгляда, что принятие или отвержение веры механически влечет за собой принятие или отвержение ценностей национальных. Впрочем, председатель Собраний еп. Сергий (Старгородский) полагал, что смена веры настолько меняет внутренний облик ренегата, что человек может потерять и свою гражданскую идентичность (2, 126)

Итак, если мы утверждаем, что вера влияет на формирование национальных ценностей, то можно предположить, что религиозно активная смена веры или столь же религиозно активное ее отвержение в объеме нации (так как говорить о частных случаях перемены веры в применении к вопросу национальности – некорректно), может отразиться на национальной парадигме. В то же время это не означает невозможности существования национальных ценностей вне православной веры, вне их религиозного контекста в людях религиозно индифферентных. Однако, религиозное безразличие не должно вести к отрицанию связи этих ценностей с их религиозным источником.

Отвлеченный спекулятивный подход и религиозная индифферентность сквозит в требовании, прозвучавшем на Собраниях со стороны либерально мыслящей интеллигенции к РПЦ, разрешить свободный выход из нее.

Согласно законодательству, Россия была конфессиональным государством, главенствующее положение в котором занимает православная вера Восточного исповедания. Это положение подробно освещалось в своде Основных законов Российской империи и охранялось государством на протяжении всего Синодального периода. Хотя к началу XX века многие статьи Закона в отношении к религиозной политике империи на практике уже не действовали, а некоторые были отменены, выход из православного исповедания мог сопровождаться социальными ущемлениями, преследованиями административного или даже уголовного характера.

Тем не менее, удивительным представляется сам факт обращения с этим вопросом к иерархии, а не к государству. Требование РПЦ разрешить отход от Православия абсурден, поскольку в противном случае Церкви предлагается оценить свое содержание как относительное, отказаться от претензий на обладание Истиной, уравнять все религиозные течения, веру и безверие, иначе говоря, самой встать на почву религиозного безразличия. Церковь не может *разрешать* отпадать от нее, но отсюда не следует, что Церковь стоит на пути религиозного насилия. Церковь против отпадения, но не желает насилия над волей человека.

Христианство не может принять плюрализма истин – только Христос. Истина – содержание свободы христианства. «В нем есть меч», - утверждает Тернавцев, «в нем осуждение для не принимающих». В нем только один путь на небо, только одна Истина - вот что породило в язычестве жгучую борьбу с христианством. Борьбу за право верить, во что верится. Христианство подавляло в язычестве его чувство индивидуальной правоты среди безбрежного моря усредненных истин. Этого язычество не простило христианству среди полной своей терпимости к остальным вероучениям. Однако в этом же и внутренняя сила христианства – сила прозелитизма, обладание истиной – стимул к проповеди, благовестию. Это внутренний стержень и энергия христианства. В этом смысле для приемлющих оно оказалось силой, для неприемлющих - насилием.

В корне требований свободы совести, звучавших на Собраниях, оппоненты либеральных мыслителей усматривали религиозное безразличие (2, с.149).Они добивались требования свободы юридической, внешней, свободы от внешнего довлеющего авторитета, свободы замкнуться в самом себе и себя иметь критерием любой истины. Такую свободу требовал на собраниях Миролюбов: «Чем живет человек - это его святая святых. Дайте мне жить, как я хочу» (2, 149). Это, по словам Мережковского, и есть та атеистическая или демоническая свобода Западной Европы, которую нам нельзя принять (2, 148).

За всеми этими спекулятивными, либеральными рассуждениями российский народ превращается в статистическую массу, в некую условную единицу, обезличенную, лишенную неповторимого духовного облика, в которой вопрос о религиозной свободе (или безответственности) решается по отношению к ней самой, вне реальности или исторического контекста. Поэтому без ответа остаются упреки еп. Сергия (Старгородского) о том, что требовать в теории принятия закона о свободе совести и проводить его на практике - не одно и то же. Готовы ли авторы этих предложений к личной ответственности за возможные религиозные соблазны для православных христиан? (2, с. 127) С точки зрения верующей совести представляется, что – нет. Тернавцев риторически вопрошает: «Неужели сектанты и религиозные мародеры вам дороже, чем сам народ? В живой вере его шекспировская глубина» (2, с.149). Удивительно точно этот же мыслитель, которого З. Гиппиус определяет «стоящим на церковном берегу», угадывает подоплеку подобных либеральных спекуляций: «Сторонники революционной свободы провозглашают свободу как первое условие истинной веры, от самой же веры бегут. *Требуют свободы как права, провозглашают ее как цель, но относятся к ней как к средству»* (2, с 164.)».

Все острие дальнейшей полемики сосредотачивается на выяснении проблемы понимания свободы в христианстве и либерализме. Что характерно, в этом вопросе наиболее ярко вскрывается вся самобытность освоения церковным сознанием сути христианского понимания свободы человека, либерализм же земной дальше понимания свободы как свободы от внешнего ограничения не идет. Объяснение этому событию дал проф. Успенский: «Свобода совести – вопрос христианский» (2, с.134).

Проф. прот. Солертинский следующим образом суммирует понимание свободы либеральным лагерем Собраний: «Всякий человек как самостоятельный

индивид имеет право обладать своими собственными воззрениями и считать их верными.»

В либеральной трактовке свободы на Собраниях превалировал аспект индивидуальности. В.В. Розанов утверждает свободу как свободу выбора, как свободу от внешнего ограничения. Заповедь для него есть ограничение выбора одним вариантом. Церковь должна, прежде всего, позволить вкусить «плод», «вложить персты», дать человеку возможность постичь свободу выбора противоположного праведности и вере, то есть грех и сомнение. В этом же ключе философ трактует неверие апостола Фомы, и призыв Господа вложить персты трактует как призыв к здоровому скепсису, жизненному поиску, сомнению.

Однако в христианском богословии свобода выбора мыслится не как вершина человеческого развития, но скорее как проявление недостатка человеческой природы вследствие ее падшести, так как свободе выбора неизбежно свойственны сомнение, неустойчивость, ошибки. В подлинной своей свободе человек естественно следует добру и отвергает зло, не колеблясь между тем и другим. Конечно, свобода выбора свидетельствует о сохранившейся свободе в человеке, но свободе выбирать добро, а не уравнивать его со злом, так как свобода не хаотична и целенаправленна.

В.В. Розанов предлагает своеобразное истолкование природы свободы Адама и данных ему заповедей. Мыслитель выводит свободу Адама из его возможности нарушить заповедь, более того, первому человеку фактически указывается метод неповиновения – вкусить от Древа познания. Однако здесь, в погоне за доказательствами, мыслитель упускает из виду, что заповедь первичней нарушения. В этом случае более верно предположить, что свобода Адама, и любого человека зиждется на возможности восприятия заповеди, а ее получение - вернейший признак личной свободы Адама, поскольку природа исполняет законы механически, а Адаму дается заповедь.

Свободы вне сомнения, вне выбора противоположного, вне отказа Розанов не мыслит. Свобода для него – прежде всего возможность существовать не только добру, но и злу.

Свобода верить, во что хочется, по мнению оппонентов либерально настроенной партии Собраний, имеет корни не в заботе, по отношению к вере, а в безразличии к ней, имеет источником религиозную индифферентность и к ней же обращено. В силу этого свобода совести не в силах разрешить противоречия между различными вероучениями. «Допустим», - предлагает архимандрит Антонин, - «устраним притеснения по религиозному признаку, но очевидно, что межрелигиозные распри при этом не закончатся, и религии останутся в своих областях веры».

Таким образом, Собрания отразили новые взгляды либерально настроенной части российской общественности. Одним из основных предметов дискуссии на Собраниях был вопрос о религиозной или безрелигиозной природе государства. В либеральных выступлениях подразумевалась природа безрелигиозная. В то же время, решение, которого добивалась прозападно ориентированные либеральные мыслители в вопросе церковно-государственных отношений, не учитывало всех реальностей, заданное с безрелигиозных позиций оно неизбежно привело бы к

искажению подлинного облика государства. Сложившиеся устои отношений общества, власти и Церкви, пронизанные глубокими религиозными связями, не могли быть разрушены без изменения глубинных основ национального облика России. Из уроков истории мы видим, к каким трагичным последствиям это может приводить.

1. Гипиус З.Н. Стихи. Воспоминания. Документальная проза. М., 1991
2. Записки Петербургских религиозно-философских собраний 1901-1903. М.: Республика, 2005
3. Пивоваров Ю.С. Шиллер Т. Либерализм в Европе // Либерализм: Консерватизм: Марксизм. Проблемно-тематический сборник. М., 1998

Малинаускене Н.К.
доцент Сретенской духовной семинарии

ОБЗОР
изданий: Сретенский сборник: Труды преподавателей СДС. М.: Сретенский ставропигиальный монастырь. Вып. 1. 2010; Вып. 2. 2010; Вып. 3. 2012.

В издательстве Сретенского монастыря под общей редакцией ректора СДС архимандрита Тихона (Шевкунова) вышло три сборника трудов преподавателей Сретенской духовной семинарии. Редакторами всех трех выпусков являются секретарь Ученого совета СДС протоиерей Николай Скурат и проректор СДС иеромонах Иоанн (Лудищев). В каждом выпуске материалы распределяются по разделам, одни из которых стали постоянными (Богословие, История и философия, Словесность), а другие появляются в отдельных выпусках (Церковное право, Церковное искусство, Миссиология, педагогика и психология). Второй и третий выпуски сборника вышли из печати при поддержке Благотворительного фонда Святителя Василия Великого. Ниже приводится обзор всех статей каждого сборника.

В **первом выпуске** раздел «**Богословие»** открывается статьей протоиерея Иоанниса С. Романидиса «О соглашении между православными и Ватиканом (Баламанд, Ливан, июнь 1993 года)» в переводе профессора протоиерея Максима Козлова. Статья была опубликована в издании: THEOLOGIA. The periodical of the Church of Greece. Vol. VI. 1993, Issue № 4, pp. 570–580. После текста статьи приведена биографическая справка «Протоиерей Иоанн Романидис (1927–2001)», библиография его работ и библиография работ о нем, составленные протоиереем Максимом Козловым. В статье профессора А.И. Сидорова «Святой Ириней Лионский. Его жизнь, творения и богословие» показано, что «этот святой отец является свидетелем живого церковного Предания, восходящего непосредственно к Апостолам», и «в своей полемике против гностиков он отстаивает основные моменты этого Предания, особо акцентируя моменты православной сотериологии и антропологии». Доцент священник Вадим Леонов в своей статье «Взаимосвязь понятий «личность» и «образ Божий» в православном богословии» обращается к одному из важнейших вопросов христианской антропологии – учению об образе Божием, проясняя смысл этих понятий и раскрывая их взаимосвязь. Статья заведующего кафедрой общих гуманитарных дисциплин протоиерея Александра Задорнова «Имяславие и догмат искупления в интерпретации проф. С.В. Троицкого» посвящена дореволюционному труду профессора Московской Духовной Академии и белградских юридического и богословского факультетов Сергея Викторовича Троицкого (1878–1972) в области догматического богословия. Иеромонах Ириней Пиковский в статье «Ветхозаветные образы в

событии Преображения Господня (по евангелисту Матфею)» показывает, что «евангелист Матфей точно передает событие Преображения Господня, не подстраивая образ Иисуса Христа под ветхозаветного пророка Моисея».

В разделе **«Церковное право»** помещена статья заведующего кафедрой церковно-практических дисциплин профессора протоиерея Владислава Цыпина «Значение 123-й новеллы св. императора Юстиниана для церковного права». Автор показывает, какую роль сыграло законодательство императора Юстиниана в рецепции римского права на Руси.

Тематика раздела «**История»** отражает широкий круг интересов преподавателей разных кафедр Семинарии. Доцент Н.Н. Трухина в статье «Императорский культ в поздней Римской империи» приходит к выводу, что «императоры поздней Империи, получая весь набор культовых почестей, богами при жизни не считались». Протоиерей Николай Скурат, секретарь Ученого совета СДС, заведующий кафедрой богословских дисциплин, клирик храма святого пророка Божия Илии, что в Обыденском переулке города Москвы, в статье «Московский храм святого пророка Божия Илии, что слывет Обыденным, в начале XVIII века» публикует и анализирует документы начала XVIII века об этом храме. Проректор Сретенской духовной семинарии иеромонах Иоанн (Лудищев) на основе ранее не публиковавшихся архивных материалов рассматривает деятельность настоятелей Сретенского монастыря в статье «История Сретенского монастыря в период от учреждения Святейшего Синода до 1786 года». Статья заведующей кафедрой древних и новых языков Т.А. Шутовой «Священник Александр Ельчанинов: тифлисский период биографии» является частью работы, посвященной российскому периоду биографии видного деятеля Русской Православной Церкви отца Александра Ельчанинова. В статье «Из истории Русской Духовной Миссии на Святой Земле в 1918–1957» канд. историч. наук Д.В. Сафонов рассказывает о некоторых значимых событиях в наименее изученный период истории русского духовного присутствия в Палестине.

Раздел «**Словесность»** открывается статьей профессора А.Н. Ужанкова «О времени написания и месте прочтения «Слова о законе и благодати Илариона Киевского», в которой уточняется датировка «Слова» и предпринимается попытка установления времени и места его прочтения. В статье профессора Л.И. Маршевой «Православный социолект»: мифы и реальность» раскрывается методологическая и фактологическая несостоятельность концепции «православного социолекта». Доцент Н.К. Малинаускене в статье «Исторический аспект в начальном курсе древнегреческого языка для высших духовных учебных заведений» обосновывает продуктивность такого подхода уже на начальном этапе изучения языка. Статья Е.Е. Серегиной «Композиция, стиль и язык первых печатных изданий русского Пролога» посвящена характеру редакционных изменений, особенностям лексических и грамматических замен в византийских текстах сборника. В эссе Г.И. Трубицыной «Размышление над церковнославянским языком (к проблеме понимания)» обозначены этапы развития церковнославянского языка и разные подходы к проблеме его понимания в связи с возможностями преодоления непонятности богослужения для современного человека. «Мотивы книги Екклесиаст в русской лирике начала

XX века» – тема статьи кандидата богословия М.А. Скобелева, в которой автор предпринимает попытку сопоставления общих тем книги Екклесиаст и поэзии Серебряного века.

Помещенная в разделе «**Церковное искусство»** статья заведующего кафедрой Церковной истории доцента О.В. Стародубцева «Видимые образы невидимого мира» ставит важные вопросы понимания и осмысления роли церковного искусства в жизни человека, обосновывает его неповторимость и отличия от искусства мирского.

В разделе «**Миссиология, педагогика и психология»** представлены статья иеромонаха Никодима (Шматько), излагающая методику преподавания нравоучительных и вероучительных истин Православия, исходя из практического опыта миссионерского служения, и статья И.Н. Мошковой «Духовно-нравственная и психолого-педагогическая поддержка современной семьи – новый вид социального и миссионерского служения Церкви», раскрывающая основные положения инновационной программы «Духовное здоровье семьи и личности».

Раздел «**Богословие»** во **втором выпуске** Сретенского сборника начинает статья протоиерея Стефана Жилы «Экзегетический анализ посланий святого апостола Павла к Фессалоникийцам», представляющая собой «тематическое прочтение посланий с учетом всего новозаветного контекста, общего церковного предания и конкретной исторической обстановки, в которой были написаны данные послания». Далее помещены «Монашеские установления. (Главы I и II)» святителя Феолипта Филадельфийского, первого представителя поздневизантийского исихазма и учителя святителя Григория Паламы (редакция перевода и комментарий профессора А.И. Сидорова). «Богословские главы» (Loci communes), приписываемые преподобному Максиму Исповеднику» и широко известные в Древней Руси под названием «Пчела», впервые публикуются в научном переводе на современный русский язык кандидата богословия П.К. Доброцветова (редактор перевода – доцент П.В. Кузенков). Для данной публикации выбраны главы в основном педагогической направленности. В представленном далее тексте доклада «Браки с инославными: пастырский аспект», произнесенного на православно-католическом богословском коллоквиуме в Бари 16 декабря 2010 года профессором протоиереем Максимом Козловым, подробно рассматриваются актуальные вопросы межконфессионального брачного союза. Статья доцента протоиерея Вадима Леонова «Свобода человека: опыт богословского осмысления» посвящена важнейшим богословским идеям, содержащимся в понятии «свобода» в святоотеческом наследии.

В разделе «**Церковное право»** помещена статья заведующего кафедрой общих гуманитарных дисциплин протоиерея Александра Задорнова «Имущественные права православного епископата», в которой разбираются различные коллизии правового статуса распоряжения и пользования епархиальным имуществом.

Наиболее широко во втором выпуске представлен раздел «**История и философия»** (12 статей). Диакон Владимир Василик в статье «Отражение стихийных бедствий в кондаках святого Романа Сладкопевца» рассматривает эти

творения как источник сведений о землетрясениях и эпидемиях в источниковедческом, социальном и богословском аспектах. Доцент О.В. Стародубцев обратился к теме «Отношения Карла Великого и Римских пап» в эпоху высокого Средневековья и к тем последствиям, которые они имели для Западной Церкви. В статье «К вопросу о дате рождения преподобного Сергия Радонежского» профессор протоиерей Владислав Цыпин анализирует разные версии, существующие по этому вопросу на основе различно интерпретируемых косвенных данных.

Проректор Сретенской духовной семинарии, иеромонах Иоанн (Лудищев), в продолжение публикации в первом выпуске «Сретенского сборника», на основе новых архивных материалов рассматривает деятельность настоятелей Сретенского монастыря в XVIII–XIX вв. («Материалы к изучению истории Сретенского монастыря»). «Московский Сретенский монастырь в период настоятельства архимандрита Димитрия (Ключарева): 1891–1904 гг.» представлен в статье А.И. Осиповой, в которой, наряду с обобщением опубликованных источников и литературы по данной теме, приводятся новые архивные данные.

Продолжая работу над российским периодом биографии видного деятеля Русской Православной Церкви отца Александра Ельчанинова, Т.А. Шутова обращается к университетскому периоду его жизни, который неотрывно связан с биографией его друзей и соратников – Павла Флоренского, Владимира Эрна, Валентина Свенцицкого («Александр Ельчанинов: университетские годы»). Протоиерей Николай Скурат, секретарь Ученого совета Сретенской духовной семинарии, заведующий кафедрой Богословских дисциплин, вводит в научный оборот новые архивные данные в статьях: «К истории особо чтимых в Москве икон Божией Матери, именуемых «Нечаянная Радость», и московских местностей сугубого почитания этих святынь после октября 1917 года» и «Уничтоженная часовня Можайского Лужецкого Ферапонтова монастыря Московской епархии, находившаяся у Серпуховских ворот Москвы и именовавшаяся «Нечаянная радость» по чтимой иконе Божией Матери, в ней пребывавшей». Найденные материалы позволяют восстановить часовню в этом районе.

«Русская духовная миссия в Иерусалиме в 1921–1923 гг. (по новым документам из архива Свято-Троицкой семинарии в Джорданвилле (США))» – тема исследования канд. ист. наук Д.В. Сафонова, проведенного при финансовой поддержке РГНФ. Целостную картину возрождения Московской духовной академии воссоздает профессор А.К. Светозарский в статье «Возвращение Московской духовной академии в стены Троице-Сергиевой Лавры в 1948 году». К творчеству выдающегося русского философа А.Ф. Лосева обращается доцент Н.К. Малинаускене в статьях: «А.Ф. Лосев: личность и наследие (материалы к беседе со студентами Сретенской духовной семинарии)» и «Сократовские традиции в наследии А.Ф. Лосева».

В разделе «**Словесность»** в статье профессора Л.И. Маршевой «Понятие гимнографического нарратива в свете идей А.В. Попова» вводится «понятие о гимнографическом нарративе – гимнографическом повествовании, реальное существование которого слишком очевидно». Статья Е.Е. Серегиной

«Лексическая и грамматическая вариативность в летописных сообщениях XI–XIV веков» посвящена роли «общих мест» в русской летописной традиции.

Раздел «**Педагогика и психология»** представлен двумя статьями Д.В. Дементьева: «Воцерковленность супружеских пар и удовлетворенность браком» и «Модификация методики изучения представления о любви (на примере православных воцерковленных людей)», основанными на анализе данных, полученных автором при тестировании и опросе священнослужителей и мирян.

В разделе «**Богословие» третьего выпуска** помещена статья профессора А.И. Сидорова «Святитель Кирилл Александрийский как главный оппонент Нестория: его христология до Ефесского Собора». Автор завершает свое исследование мыслью, что центр христологии св. Кирилла заключался в факте Воплощения предвечного Логоса, что и должен был подтвердить Вселенский Собор, хотя и не без упорной борьбы. «Избранные гимны преподобного Феодора Студита» представлены в переводе с греческого языка и с комментарием кандидата богословия П.К. Доброцветова под редакцией доцента П.В. Кузенкова. Предлагаемые переводы кондаков и икосов публикуются впервые. В статье доцента Р.М. Коня «Представление баптистов о благодати» дается «сравнительный анализ православного и сектантского понимания природы единения человека с Богом, вновь вводящий диспут с сектантами в русло святоотеческой традиции полемики с ересями».

Раздел «**История и философия»** открывается статьей доцента М.А. Скобелева «Параллели Библейскому Откровению о Творении в памятниках литературы древнего Ближнего Востока», в которой обосновывается важность использования ближневосточной словесности при анализе библейского текста. Далее помещен комментированный перевод с латинского языка трактата Сенеки «О провидении», выполненный профессором протоиереем Максимом Козловым. Перевод предваряет вводная статья «Проблема провидения у Сенеки». Тема статьи доцента А.Г. Гаджикурбанова – «Проблема взаимоотношения души и тела у Блаженного Августина (философский взгляд)». Автор отмечает, что философская доктрина блж. Августина опирается на два основных идейных источника – неоплатоническую концепцию и христианскую традицию. В статье диакона Онисима Дубровина «Почитаемый христианами Запада Хальвард Вербъерсон (1020–1043)» вводится в научный оборот материал, представленный на шведском и норвежском языках в разрозненном виде.

Заведующий кафедрой Церковной истории, доцент О.В. Стародубцев исследует тему «Начало грамотности и школы Древней Руси» на основе обзора материалов по реформам всех уровней образования и дискуссий по поводу форм его осуществления. В статье протоиерея Николая Скурата, секретаря Ученого совета СДС, «История духовного завещания святителя Филарета Московского» приведены ранее не публиковавшиеся архивные материалы: как само духовное завещание Московского святителя Филарета (Дроздова), так и другие документы, связанные с исполнением этого завещания. Статья «История Московского Сретенского монастыря: 1919–1923 годы» проректора СДС иеромонаха Иоанна (Лудищева) является продолжением исследований автора, опубликованных в

предыдущих выпусках. На основе новых архивных данных предпринята попытка восстановить хронику событий в первые послереволюционные годы.

В разделе «**Словесность»** профессор Л.И. Маршева рассматривает «Дифференцирующий принцип церковнославянской орфографии» в научно-методическом отношении с целью облегчения понимания текстов. В статье доцента Н.К. Малинаускене «*Пономарь* и родственные ему слова в русском языке» представлен комплексный анализ этого существительного в кругу родственных ему слов с точки зрения этимологии, фонетического и семантического развития, словообразования, а также употребления в истории русского языка. Доцент диакон Владимир Василик обращается к теме «Освещение некоторых аспектов национального вопроса в «Дневнике писателя» Федора Михайловича Достоевского» в контексте так называемого «Восточного вопроса».

Все три представленных в настоящем обзоре Сретенских сборника доступны для скачивания в формате PDF по ссылке http://www.pravoslavie.ru

В настоящее время в издательстве Сретенского монастыря готовится к печати четвертый выпуск Сретенского сборника.

ХОРИКИЙ ГАЗСКИЙ
Предварительные беседы (Вступления к речам)[316]

Перевод Н.Н. Болгова, А.М. Болговой.

Хорикий (ок. 500 - ок. 590 гг.)[317], греческий оратор, последний представитель классической традиции античной риторики, был учеником Прокопия и наследником его кафедры риторики в Газе, христианином, автором нескольких сохранившихся похвальных речей в честь светских и церковных сановников (среди них две речи в честь епископа Маркиана (520-540 гг.), содержащие описание церквей в Газе и их росписей), погребальных (над могилой матери, на смерть Прокопия) и свадебных (для своих учеников) речей. Написал также 14 лекций - диалектик (dialekseis) и школьных декламаций - мелетий (meletai). Отдельно выделяются 25 Вступлений к речам.

Представляет особый интерес юношеская апология X «В защиту мимов» (Hyper ton en Dionysu ton bion eikonizonton), представляющая ценный источник для изучения античных драматических форм[318].

---

[316] По изд.: Rhetorical exercises from Late Antiquity / Ed. R. Penella. Cambr., 2009. P. 33-58. Всего - 25 Вступлений (в издании отсутствуют Praef. 4 и 7).

[317] *Abel F.M*. Gaza au VIe siecle d'apres le rheteur Chorikios // Revue Biblique. 40. 1931. P. 5-31.

[318] *Litsas F.K.* Choricius of Gaza and His Description of Festivals at Gaza // Jahrbuch der Osterreichischen Byzantinistik. 32-33. 1982. S. 427-436; *Фрейберг Л.А.* «Апология мимов» Хорикия // Античность и Византия. М., 1975. С. 319-326.

Аттицист, он писал в риторическом стиле, старательно избегая несоответствий и используя акцентирующие паузы (клаузулы)[319].

Как и другие софисты и риторы Газской школы, Хорикий смело использовал все богатство античного наследия, писал и на чисто античные сюжеты (например, одна из декламаций – о том, какие слова должна была произнести Афродита в поисках Адониса). Можно сказать, что античная тематика в названиях сочинений Хорикия преобладает.

Даже в чисто христианские сюжеты (Энкомий Прокопию) Хорикий вводил имена персонажей классической мифологии, примеры из жизни исторических деятелей античных времен. По подсчетам Г.Л. Курбатова, Хорикий 274 раза упоминает Гомера, 356 раз Платона, 493 раза антиохийского ритора Либания[320]. Христианство повлияло на особую эмоциональность стиля Хорикия, на элементы поэтического изложения, фигуративность и символизм.

Читая Хорикия[321], мы обнаруживаем его умеренное и деликатное отношение к христианству и церкви. С одной стороны, ритор хвалит своих героев за религиозное благочестие, а с другой – открыто говорит о том, что христианским священникам необходимо классическое образование[322].

Далее даются переводы на русский язык десяти из 25-ти Вступлений к речам Хорикия (1, 3, 18-25).

***

1 (I). ЭТО ВСТУПЛЕНИЕ СМЕЛЕЕ, ЧЕМ ОБЫЧНО, СВОЕВРЕМЕННО ИЩЕТ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ АУДИТОРИИ

1) Так как случай позволяет нам быть несколько несерьезными - потому что у нас праздник, и одни только радость и бодрость распространяются над всей толпой - вот я сам и сделаю представление [моего красноречия] перед теми, кого я люблю[323]. 2) Пойдем же вперед, о моя речь, с блеском, подобающим праздникам: если ты уже гордилась мной в другом состязании, то по этому поводу выйдет еще лучше – ты прекрасно увенчана, изящно одета и готова

---

[319] *Litsas F.K.* Choricius of Gaza: An Approach to His Work. Chicago, 1980; *Browning R.* The Language of Byzantine Literature // Greek Literature in the Byzantine Period / Ed. Gregory Nagy. Routledge, 2001. P. 118.

[320] *Курбатов Г.Л.* Риторика // Культура Византии. IV – 1-я пол. VII вв. М., 1984. С. 356.

[321] Choricii Gazaei Orationes Declamationes Fragmenta / Ed. J.F. Boissonade. Lips., 1846; Choricii Gazaei Opera / Ed. R. Forster, E. Richsteig. Leipzig, 1929; Rhetorical Exercises from Late Antiquity: A Translation of Choricius of Gaza's Preliminary Talks and Declamations / Ed. Robert J. Penella. Cambridge: Univ. Press, 2009. 336 p.

[322] *Ashkenazi Y.* Sophists and Priests in Late Antique Gaza According to Choricius the Rhetor // Christian Gaza in Late Antiquity / Ed. Bruria Bitton-Ashkelony, Ariehl Kofsky. Brill, Leiden, 2004. P. 196.

[323] Эта речь является вступлением к Orat. 1 [1], посвященной празднованию по случаю строительства (или восстановления) епископом Маркианом церкви св. Сергия. Речь произнесена как раз по случаю этого праздника. Игра слов - παίζειν («быть несерьезным») … πρός … παιδικά («перед теми, кого я люблю») - теряется в переводе.

обслуживать всё многообразие праздника[324]. 3) Я полагаю, что когда пирующие посещают не общественные торжества, они стерпят даже плохую еду. Если хозяин был нерадив, каждый гость придержит свою критику при себе; тот, кто ест пищу хозяина, не показывает свое недовольство. Но это, как ни крути, роскошный [общественный] праздник, и столы всюду нагружены деликатесами, поэтому нам нужно будет много поваров и много чаш для вина, чтобы разлить его в изысканной и элегантной манере[325].

4) Ныне в Спарте, когда празднуются Гиакинфии - для граждан Спарты в честь молодежи [Гиакинфа] – хор юношей одного возраста поет хвалебную песнь в сопровождении лир и флейт, и девушки танцуют в ритме песни; для людей, которые живут военной жизнью и не очень хорошо разбираются в сути празднования посредством красноречия[326]. Но здесь, друзья мои, мы следуем как славным обычаям Спарты, так и более возвышенным - Аттики. Мы сами действительно не подражаем афинским ораторам полностью, потому что не в нашем обычае вводить своими речами наших слушателей в прелестный обман. Мы следуем за нашей темой туда, куда она ведет нас; [но] среди нас каждый, кто приукрашивает [речь], должен найти себе защиту. 5) Так как я знаю, что вас радуют только правдивые вещи из тех, что вы слышите, то нынешнее событие должно стать примером удачи для меня, если я поздравлю вас сердечными словами, которыми вы всегда любите делиться.

3 (III). ЭТА ВСТУПИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ОБЪЯСНЯЕТ, КАК ВПЕРВЫЕ ПЕРЕД ОФИЦИАЛЬНОЙ АУДИТОРИЕЙ ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ СВОБОДНЫМ, ЧТОБЫ ГОВОРИТЬ

1) Говорят, что когда Александр пригласил флейтиста Дориона из Дельф играть на флейтах при жертвоприношении (так как тот ранее играл при жертвоприношениях богам), то Дорион ответил ему: «О, царь Македонии, твой приказ не смогут выполнить мои флейты. Я могу играть только для людей». 2) Итак, Дорион боялся играть на флейтах для богов, так же, как и я боюсь прославлять вас, господа, как и Аполлон не был бы уверен, к кому я обращаюсь – то ли к богам, то ли к людям в этом оракуле[327]. Но старая история призывает меня быть смелым. 3) Говорят, что в хор вакхантов Диониса, как и принято, не допускались женщины до тех пор, пока они не предстанут перед ним. Но, как говорят, когда они поднимали свои палочки и подпадали под влияние божества, они становились настолько счастливыми, что нимфы переносили для них русла

---

[324] Метафора «праздник» в словах речи есть общее место во Вступлениях Хорикия (I.5,9 [XVI].I; 15 [XXV].3; 24 [XXXIX].2,8). Ср.: Philostr. VS 573; Him. Orat. 59.4; Them. Orat. 24.301a; 26.313a; 33.367a.

[325] Об элегантных чашах для вина см. Xen. Cyr. I.3,8.

[326] О Гиакинфе и празднике Гиакинфий см.: *Hooker J.T.* The Ancient Spartans. London, 1980. P. 60-66; *Villard L., Villard F.* Hyakinthos // LIMC. 5, 1. 1990. P. 546-547.

[327] Ср. оракул из Hdt. I.65. Эта речь вводит в Orat. 3 [III], которая прославляет двух «джентльменов» - Аратия и Стефана – в соответствии с их рангами, что Хорикий впервые произнес перед официальной аудиенцией.

рек, и потоки текли не так, как раньше. Дионис превращал воду в молоко и мед для женщин своей свиты[328].

4) Разве мое счастье не сопоставимо с теми вакхантами? Разве мои песни не приятные, не новые и не сладкие на слух? Для добродетели это прекрасный предмет тем, кто воздает похвалу; и для тех, кто особенно расположен – усладу для слуха. 5) Я ликую, когда вижу частных граждан, обладающих добродетелью, и просто рад, когда вижу тех, кому «доверено войско, и у кого так много забот» на пути к добродетели. И те, и другие, а также и те, над которыми назначено было управлять, получают поровну[329]. 6) Если бы я преуспел в искусстве Зевксиса и был бы силен в смешивании красок, я бы написал картину двух женщин – Добродетели и Власти. Я поместил бы двух мужей посередине картины, которые держали бы каждую из женщин за руку и соединились бы с ними взаимным союзом. 7) Так бы, в любом случае, их изобразил, будь то Зевксис, или живописец заурядного таланта; что же до меня, [то] моим уделом является красноречие, а не живопись – я посвящаю им обоим этот «холст», который я могу соткать из тех умений, которыми я обладаю.

18 (XXX). О ТОМ, КАК СКРОМНОСТЬ ПОЗВОЛЯЕТ СОХРАНИТЬ ДОСТИГНУТЫЕ УСПЕХИ

1) Если добродетель пребывала с Тимолеоном Коринфским и, в то же время, удача сопутствовала ему, добродетель и удача постоянно соперничали друг с другом. Добродетель требовала быть более скромным, чем удачливым, а удача хотела, чтобы он был удачливым, а не скромным. И этому соперничеству не было предела: добродетель и удача постоянно враждовали.

2) Возможно, все, что я сейчас говорю, кажется пустой болтовней – но, скажите мне, были ли случаи, когда удача заключала надежный договор с человеком? Она высоко вознесла сына Конона [Тимофея] только для того, чтобы впоследствии отвернуться от него. Он обидел богиню [Фортуну] словами о том, что все его успехи – это только его собственная заслуга. Но [Тимолеон] никогда не думал, что всем он обязан только самому себе: если он достигал каких-либо успехов, он всегда считал их заслугой этой богини[330]. Таким он был скромным, и хвастовство было ему совершенно чуждо.

3) В этих качествах впоследствии с ним соперничал Эпаминонд. После того, как он выиграл битву при Левктрах и воздвиг трофей в честь победы фиванцев над лакедемонянами, наутро он надел дешевую и грязную одежду, и в таком виде появился перед всеми. Выражение его лица соответствовало одежде. Некто, пораженный его видом, не в силах сдержать свое изумление, спросил, что значит

---

[328] О тирсе – атрибуте Вакха см.: *Dodds E.R.* (ed.). Bacchae. Oxford, 1960; Eurip. Bacch. 113. О молоке и меде - *Dodds E.R.* (ed.). Bacchae. Oxford, 1960; Eurip. Bacch. 704-711. Как и Вакх в образе Диониса, так и Хорикий в честь прославляемых им лиц впадает в позитивный аффект.

[329] «На войско возложены были … заботы»: Hom. Il. II.25. «На армию … править»: Эта часть речи представляет собой дифирамбы в честь дукса Палестины (Аратия) и консуляра Палестины Примы (Стефана).

[330] О Тимофее см.: Plut. Sull. 6,5. О Тимолеоне см.: Plut. Tim. 36.5-6; Prae. Ger. Reip. 816e; Nepos Tim. 4.3-4.

такое обличье. «Меня до этого довели Левктры", - ответил Эпаминонд, - я унизил себя сегодня, потому что вчера чрезмерная гордость вознесла мою душу [слишком высоко]»[331]. И хотя Фиванец [Эпаминонд] был скромен, подавляя в себе гордыню, Коринфянин [Тимолеон] был лучше его, поскольку у него совсем не было тщеславных чувств. 4) Именно поэтому удача неизменно сопутствовала этим [двум] мужам до конца их жизни.

Что же касается меня, я выполнил свое обещание, и мой пролог прозвучал[332].

19 (XXXI). О ТОМ, КОГДА РЕЧЬ ДЛИННА, ОРАТОРУ СЛЕДУЕТ ВСТАВИТЬ ПРОЛОГ В ЕЕ СЕРЕДИНЕ

1) Персы утверждают, что их пиры более приятны, чем у греков, и вот как они это объясняют. "По нашей традиции, - говорят они, - не следует есть всю пищу в одном виде, напротив, в течение пира к основному блюду должно подаваться большое количество разнообразных гарниров и закусок". Они считают, что удовольствие, которое они получают при этом, обостряет любовь к еде[333]. 2) Так что, друзья мои, поскольку моя речь – уже довольно длинна, думаю, неплохо было бы немного уподобиться персам и рассказать вам небольшую историю, в качестве гарнира в середине моей речи, потому что не только брат, каким является моя речь, может достичь зрелости, но и сестра может прийти к нему на помощь[334]. Она должна быть в легком расслабляющем стиле, который ласкает слух, дает аудитории передышку от напряжения, которого требует основная тема [речь]. 3) Очевидно, и Алиатт Лидийский думал именно таким образом. Поэтому он отправился в поход против Милета под трубы, издающие звуки, похожие на пение мужских и женских голосов. Разумеется, он не брал с собой в поход мужчин и женщин – музыкантов, что вообще может делать женщина на войне? Но он отдавал команды, какие трубы должны играть в нужное время: мужские звуки поднимали боевой дух армии, а женские давали возможность отдохнуть и восстановить силы[335].

20 (XXXIII). О ТОМ, ЧТО ДОБРОДЕТЕЛЬ НЕРУШИМА ДЛЯ ТОГО, КТО ЕЮ ВЛАДЕЕТ

1) Даже когда муж с Итаки [Одиссей] оказался обнаженным, попав к феакийцам, он все же остался, как говорит Гомер, "многомудрым", и это качество было единственным из всего его имущества, которое не удалось поглотить морю. Поэтому дочь Алкиноя [Навзикая] обратилась к нему: "Чужеземец, я вижу, что ты не разбойник и не безумец, поэтому не останешься без того, что необходимо

---

[331] Ср.: Plut. Reg. et imp. Apophthegm. 193a.

[332] Т.е., сам он продолжал наслаждаться счастьем, избегая злобы и вражды.

[333] См.: Hdt. I.133.1-2.

[334] «Достигнуть зрелости» означает полный накал пафоса речи. Таково выражение «сестра» в речи. Хорикий, кажется, играет словами с пословицей «Пусть брат придет на помощь мужу» (Plut. Resp. 2.362d).

[335] Об Алиатте см.: Hdt. I.17. Авл Геллий (I.II.7) неправильно понял Геродота, имевшего в виду, что Алиатт принес с собой женские свирели.

странникам и даже нищим". 2) Но что же касается [Ахилла] сына моря [нимфы Фетиде], в своем прологе я пока не собираюсь покидать Гомера, сын Приама [Гектор] получил свой щит после того, как убил Патрокла. Однако Ахиллу без оружия удалось навести ужас на своих тяжеловооруженных врагов, он был вооружен своей смелостью[336]. То же самое можно сказать о сыне Пелея [Ахилле] и о сыне Лаэрта [Одиссее]. Первый всегда оставался хорошим воином, хотя и не носил щит, а второй был мудрым оратором, даже когда на нем не было одежды.

3) Диоген, полагаю, считал так же, когда кто-то подошел к нему и спросил, как можно устрашить врага. Наверное, тот, кто задавал этот вопрос, думал, что в ответ услышит о стройных рядах копьеносцев, горах сокровищ или каком-либо другом подарке судьбы. Но Диоген даже не упомянул ни о чем подобном. Вместо этого он настоятельно посоветовал этому человеку быть прямым и откровенным; он сказал, что, благодаря этому, он всегда будет обладать преимуществом, которое способно смутить любого его врага[337].

4) Афинянин Фокион, по-видимому, был того же мнения. Когда Александр [Великий] послал ему в подарок 100 талантов, он спросил посыльных: "Почему Македонянин решил послать подарок только мне одному, когда афинян так много?" 5) Они сказали: "Он считает тебя самым лучшим из них". Фокион ответил: "Как я могу быть лучшим, если они считают, что я так люблю деньги?" Когда они услышали этот ответ и поняли, что перед ними человек, который может быть счастлив и в бедности, они вернулись обратно, уверенные, что Фокион гораздо богаче Александра, потому что тот, кто ни в чем не нуждается гораздо богаче самого богатого дарителя[338].

6) Почему бы мне теперь не рассказать вам о тех преимуществах, которыми скромность одаряет ныне живущих людей? О тех, кто отошли в мир иной, трагедии слагают свои песни, и вы поете вместе с ними, потому что "добродетель озаряет даже тех, кто умер"[339].

21 (XXXIV). О ТОМ, ЧТО ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ БЕРЕТСЯ ПРОИЗНОСИТЬ РЕЧЬ, ДОЛЖЕН ВЖИВАТЬСЯ В ПРЕДМЕТ, О КОТОРОМ ОН ГОВОРИТ, КОТОРЫЙ ОН ВОПЛОЩАЕТ В ДЕКЛАМАЦИИ СВОЕЙ РЕЧИ

1) Многие скульпторы делали статуи Александра, сына Филиппа, и многие художники изображали его на своих картинах. (А он был сыном Филиппа, несмотря на то, что всегда хотел казаться сыном Зевса.) Он не очень жаловал работы всех художников и скульпторов за исключением одного, будь то бронзовые статуи или картины, потому что, в каждом из этих произведений была отражена только какая-либо одна его черта, и ни одна картина или статуя не

---

[336] Слова Навсикаи см.: Hom. Od. VI.187 (с некоторыми изменениями); общее чувство передано в Od. VI.192-193. О Тетис (Фетиде) как море см. Eur. Andr. 17-18. Ахилл вручает Патроклу свои доспехи. Он в конечном счете получает новое оружие; но, перед тем, он прогоняет троянцев своим криком (Hom. Il. 18).

[337] Ср.: Plut. Quomodo adolesc. 21e-f; De cap. Ex inimic. Utility. 88b.

[338] Об этом анекдоте см.: Plut. Phoc. 18; Reg. et imp. Apophthegm. 188c. «Лучший муж»: см. Тёйбнеровское издание, дающее вместо μαλλον – χρηστόν.

[339] Eur. Andr. 775.

давала полного образа. 2) Но когда Александр увидел свою статую работы Лисиппа, он остался очень доволен. Александра, сына Филиппа, отличали утонченность, мужественность, гордая осанка и решительность, и статуя работы Лисиппа прекрасно отражала все эти черты. Поэтому Александр приказал всем остальным художникам делать скульптуры и картины, показывающие других, а свой образ он доверил одному только Лисиппу. 3) Поэтому именно этот человек из города Сикион увековечил образ Македонянина[340].

И был еще такой художник Тимомах. В своей [картине] Медея, дочь Ээта ему удалось смешать любовь и гнев. Любовь была направлена на ее детей, а Ясон вызвал ее гнев. Тимомах избегает баланса в пропорциональности распределения эмоций: любовь Медеи к детям растоптана гневом ревности [который она испытывала по отношению к Ясону]. Она была в большей степени женщина, чем мать, до такой степени, что <однажды> сказала: "Я понимаю, какое зло я собираюсь совершить, но Ясон сильнее моего здравого рассудка"[341].

4) Думаю, с моей стороны было бы неправильно, если бы я, говоря о скульпторах и художниках, не упомянул бы Мирона и его скульптуру "Корова". Очевидцы утверждали, что эта скульптура была настолько высокого качества, что, казалось, молчаливо говорит: "Если меня увидит корова, она замычит, если меня увидит бык – он полезет на меня, а если меня увидит пастух – он погонит меня в стадо"[342].

5) Но, предоставим Тимомаху, Мирону, Лисиппу и другим заниматься поисками совершенства в их искусстве. Когда речь идет о человеке, чьим занятием является ораторское искусство, ему следует [хорошо] освещать любой предмет, о котором идет речь, такая комедия не будет тщетной, когда она использует язык в качестве инструмента, которым легко управлять и можно повернуть его в любом направлении[343].

22 (XXXVI). О ТОМ, ЧТО СЛЕДУЕТ ВЫПОЛНЯТЬ ОБЯЗАННОСТЬ ЕЖЕГОДНО ПРОИЗНОСИТЬ РЕЧЬ ПЕРЕД СВОЕЙ АУДИТОРИЕЙ

1) Друзья мои, если бы я был земледельцем и обрабатывал вашу землю, вы простили бы, если бы я воровал ваш урожай или пропустил бы сезон страды [не собрав урожая]? 2) Поэтому, если нерадивого землепашца можно призвать к ответу за работу, которую он выполняет, тогда и те, кто возделывает луга Муз, также должны нести ответственность за свои обязательства. Поэтические воды

---

[340] Об Александре и Лисиппе см.: *Roisman J.* (ed.). Brill's Companion to Alexander the Great. Leiden-Boston, 2003. P. 34-38. Об Александре как сыне Зевса – там же, p. 271-278.

[341] О художнике Тимомахе и его картине «Медея» см.: Lippold G. Timomachos ς // RE 6A, I. 1936. S. 1292-1293. Медея убивает своих собственных и Ясоновых детей после того, как Ясон прогнал ее. Ее смятение в этот момент и изобразил Тимомах. Ср.: Anth. Plan. IV.135-136, 138-140, 143, «Ясон сильнее…» и т.д., т.е. Медея яростнее, Ясон сильнее. Хорикий цитирует Eur. Med. 1078-1079, где, однако, сказано «Яростный (θυμός) сильнее».

[342] О бронзовой статуе работы Мирона см. Anth. Pal. IX.713-742, 793-798; Auson. Epigr. 68-75; Plin. HN XXXIV. 19.57. Цитату ср.: Anth. Pal. IX. 730.

[343] О сравнении языка с легко вращающимся шаром тёйбнеровские издатели указывают на: Ar. Ran. 892; Nub. 792.

Муз не относятся к явлениям [только] зимним, а также они не поднимаются летом, чтобы спадать зимой, как говорят [такое происходит в Египте] всем [вынуждены] ждать вод большой египетской реки. [344]Нет, воды Муз не иссякнут, даже если каждый будет припадать к ним и делать это очень часто. Так и фонтан красноречия никогда не иссякнет для рода человеческого! 3) Так пусть Аскриец [Гесиод] поет свои песни крестьянину, искусно обрабатывающему землю, пусть поет ему о криках журавлей, о дочерях Атласа и о многом другом, о чем слагает песни, поет, когда хочет помочь своему брату в работе[345]. А для человека, занятием которого является красноречие, для составления речи подходит любое время, ему нет нужды обращать внимание на птичьи крики или на восход или заход Плеяд.

4) Итак, поскольку я принес извинения за мои словесные долговые обязательства, позвольте мне рассчитаться с вами по этим долгам. Мне будет очень стыдно, если я заявлю, что имею аттическое образование, но при этом не буду соблюдать аттической традиции. Что же представляет собой аттическая традиция? Каждый год люди собираются послушать тех, кто хочет произнести для них речь. Каждый из ораторов берет ту или иную тему и демонстрирует свое искусство красноречия. Людям настолько нравиться слушать, что они просят артистов играть ту или иную античную пьесу таким образом, чтобы время, прошедшее с той поры, о которой идет речь в пьесе, не заставило бы зрителей позабыть обо всем, к чему они привыкли в повседневной жизни. 5) Именно поэтому я решил собрать вас здесь, даже если бы вы сейчас веселились на пиру[346].

23 (XXXVII). ЧЕЛОВЕКУ, КОТОРЫЙ КРИТИКУЕТ ОРАТОРА [ХОРИКИЯ] ЗА ТО, ЧТО ДЛИНА ЕГО РЕЧИ НЕ ПОД СИЛУ ЕГО СОБСТВЕННЫМ СПОСОБНОСТЯМ

1) Почему же, друг мой – я буду говорить так, будто он находится здесь – поскольку он хвастает перед нами в гомеровском стиле, который он также умеренно воспевает – почему, друг мой, вам кажется, что мне неизвестна непреложная истина, что "все хорошо в меру"?[347] 2) Предположим, что Тидей, сын Энея, а вы знаете, что этот этолиец был "щуплого телосложения", предположим, он был бы мастером-оружейником. Если бы ему надо было изготовить полный набор доспехов, какие были бы впору только сыну Теламона [т.е. Аяксу], а делая "башнеподобный" щит, он сделал бы его такого размера, который подходил бы ему самому, как вы думаете, соизволил бы Аякс носить щит Тидея? 3) И если бы Лисипп сделал статую Александра [Великого] такого же роста, как сам Лисипп, как вы думаете, понравилось бы это Македонянину,

---

[344] О разливе Нила летом см.: Hdt. II. 19.

[345] «Дочери Атласа» - это Плеяды. Гесиод, адресующий своему брату Персу «Труды и дни», указывает на крики журавлей, восходы и закаты Плеяд как на знаки некоторых ежегодных сезонных работ, которые должны быть выполнены.

[346] Хорикий имеет в виду какие-то особые ежегодные риторические традиции, как, например, речь, которую Либаний (Lib. Orat. 3.9, 32) давал в конце каждого учебного года. См.: *Martin J.* (ed.). Libanios, Discours, tome II (Discours II-X). Paris, 1988. P. 83-84.

[347] «Умеренно», «пропорционально», «соразмерно» - в оригинале συμμετρίας.

который свято верил, что превосходит всех и во всем? 4) А если бы вдруг какой-нибудь низкорослый художник изобразил сына Агамемнона [Ореста] такого же роста, как он сам, а не каким он был на самом деле, не думаю, чтобы такой художник получил хорошую оценку своей работе. Если вы знакомы с городом Тегея и тамошними кузнецами, что ветры дуют "под сильным давлением", если вы все это знаете, тогда сможете представить, каким гигантом был Орест[348].

5) Поэтому ни оружейник, ни скульптор, ни художник не могут позволить себе сделать щит, статую или картину по размерам, которые соответствуют им самим, им надо придерживаться размеров, подходящих для заказчика или предмета, над которым они работают. Далее, неужели вы думаете, что, составляя речь для Патрокла, я упомянул нечто, что не имело бы под собой достаточных аргументов, которые он изложил? Да и, в конце концов, какая разница будет между искусством красноречия [если произносится неполноценная речь] и искусством ткача, который сделал короткую тунику для высокого человека?

6) Я приведу еще один пример из этой же области [т.е. связанный с одеждой]: вам приходилось видеть маленького мальчика, завернутого в большую тунику и молодого человека в тунике, которая ему явно мала? Конечно, вы видели это много раз и, я уверен, вы знаете об этом из Ксенофонта[349]. И когда вы такое увидите или услышите об этом, вряд ли вам удастся удержаться от смеха. 7) Точно так же, если речь слишком велика или слишком мала для своей темы, она заслуживает только быть осмеянной и достойна порицания. Итак, отложив шутки в сторону, если не возражаете, предлагаю вам оценить, соответствует ли эта речь тому, что я только что сказал.

24 (XXXIX). В КАЧЕСТВЕ ТЕМЫ ЭТОЙ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ БЕСЕДЫ ВЫБРАНА РОЗА. ЗНАЯ, ЧТО ВЫ УЖЕ ПРЕСЫТИЛИСЬ [ОБЩЕЙ] ТЕМОЙ, ОНА ПРЕДЛАГАЕТ ВАМ НОВЫЙ РАССКАЗ

1) Мидяне, те которые имеют память о прошлом и хранят ее, говорят, что когда их царь решает превзойти свою собственную роскошь и придать ей новую форму, его подданные, которые желают преподнести своему правителю какое-либо новое прекрасное блюдо, должны пройти предварительное состязание[350]. 2) Но, оставим их изобретать и собирать всякого рода деликатесы, поскольку Музы не устраивают пиров для варваров. Пусть нашей пищей будет рассказ о розе, который я специально не готовил ни для вас, ни для кого-либо другого[351].

3) Когда, согласно мифу, пастуху [Парису] суждено было стать судьей богинь, вышитый пояс (*кестос)* Афродиты поверг Геру и Афину – *кестос,* "в

---

[348] «Был малого роста» (Hom. Il. V.801); «как башня» (Il. VII.219). О Тегее см: Her. I.67-68.

[349] Xen. Cyr. I.3.17.

[350] Ср.: Theofr., fr. 603 *Fortenbaugh W.W. et al.* Theophrastus of Eresus: Sources for His Life, Writings, Thought and Influence, Part Two // Philosophia Antiqua. 54, 2. Leiden, 1992. P. 454.

[351] Об особой роли роз в позднеантичной Газе см.: Rhetorical exercises from Late Antiquity / Ed. R. Penella. Cambr., 2009. P. 31. Как показано у *Ciccolella F.* (ed.). Cinque poeti bizantini: Anacreontee dal Barberiniano Greco 310 // Hellenica 5. Alessandria, 2000. P. LV-LVI; эта новая история преследует цели избавить от скуки стандартный рассказ об Афродите и розе, как сказано в Praef. 9 (XVI).

котором была любовь, в котором была страсть" – и в результате они совсем отказались участвовать в состязании, если только богиня [Афродита] сначала не уберет свой "талисман"[352]. ("Талисманом" богини называли ее *кестос*). 4) "Тогда и вы тоже, - сказал Афродита,- приходите сюда не более украшенные, чем я. Одна из вас носит золотую корону, а у другой на голове шлем, который тоже золотой. Однако, я не буду обращать внимания на ваши "талисманы", при условии, если мне будет позволено найти какое-либо другие украшение вместо моего *кестоса*." 5) Как только она это сказала, и остальные богини согласились на эти условия, она пошла к реке Скамандр и собрала несколько цветов. У берегов реки был луг, вода в реке была прозрачной, восхитительной и очень подходила для того, чтобы богиня искупалась в ней. 6) Во время купания она обернулась, чтобы посмотреть на свой букет и была поражена восхитительным запахом. Она собрала несколько лилий, фиалок и других цветов. Когда же другой запах привлек ее внимание, она пошла искать источник этого прекрасного аромата. И вот, она увидела розовый куст и поднесла к носу цветок. Как только она поняла, что запах исходит именно от этого цветка, она потеряла интерес к другим цветам и отбросила их в сторону. Она вернулась на гору Ида, увенчанная венком из роз. 7) Казалось, розы украшали богиню, а Афродита сама украшала собой эти цветы. Гера и Афина были настолько поражены этим видом, что не стали дожидаться решения пастуха, она подбежали к Афродите, сняли венок с ее головы, поцеловали цветы, а затем вновь надели венок на богиню.

8) Вот такая история, друзья мои. Какое еще наслаждение можно предложить в данном случае?

25 (XLI). ЭТА ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ БЕСЕДА БЫЛА СОСТАВЛЕНА, ЧТОБЫ ДОКАЗАТЬ, ЧТО НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ ТУ ЧАСТЬ РЕЧИ, КОТОРАЯ ОСТАЛАСЬ НЕПРОИЗНЕСЕННОЙ. ТУТ ТАКЖЕ ГОВОРИТСЯ НЕСКОЛЬКО ДОБРЫХ СЛОВ О РЕЧИ, [К КОТОРОЙ ОНА ОТНОСИТСЯ]

1) Созвав ахейцев на сбор, поэт [Гомер] вывел сына Тидея [Диомеда] перед собранием в качестве оратора и вложил в уста молодого человека мысль о том, что нужен советник, к которому греки будут прислушиваться. Поэтому Нестор был очень удивлен этим человеком и сказал, что его совет лучше, чем кто-либо мог ожидать от столь молодого человека. Но старик из Пилоса [Нестор] все же не отпустил этолийца [Диомеда] без определенной критики. Он сказал: "Ты не закончил свою речь"[353]. 2) Итак, друзья мои, именно это замечание я имел в виду, и гомеровский подход тут ни при чем, по поводу того, что я вновь собрал вас здесь. Мне не кажется, что платоновский Евтифон поступил правильно, когда оставил незавершенным то, что он говорил сыну Софрониска [Сократу] о природе святости. Сократ справедливо упрекнул его и сказал: "Что же ты делаешь, друг мой?"[354] Для ремесленника постыдно оставлять работу незаконченной. 3) Поэтому, я не хотел бы заслужить упреков, сделанных

[352] О *кестосе* и цитировании см. Choric. Praef. 9.6.
[353] Hom. Il. IX.50-56.
[354] Plut. Euthphr. 15e.

Нестором и Сократом, и я должен вернуть вам ту часть моего долга, которая осталась за мной со вчерашнего дня. Если бы моя тема была "воин", я думаю, вы знаете, что я имею в виду, было бы меньшей провинностью оставить речь незавершенной, поскольку воинский склад ума обычно не очень склонен к красноречию. Но, поскольку, я выступаю перед вами в роли оратора и как человек, который в своих речах всегда отвергает войну, надо мной можно было бы посмеяться, если бы я представил вашему вниманию незаконченную речь.

Строгецкий В.М.
Нижний Новгород, НГЛУ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «Проблемы античной демократии» под ред. проф. Фролова Э.Д., Санкт-Петербург, 2010

Со времени эпохи просвещения античная и, прежде всего, греческая демократия служит идеалом общественно-политического строя. Но путь демократического построения общества тернист. XX век был веком противостояния тоталитаризма и демократии. В начале XX века, после того как в ряде стран Европы и Азии свершились либерально-демократические революции, возникла первая демократическая волна, в результате которой родилось 29 демократических государств. Вторая волна демократического развития, начавшегося после Второй мировой войны, привела к тому, что к концу 60-х гг. число демократических государств выросло до более 30. Третья волна демократии, начавшаяся в 70-е гг., особенно после вторжения советских войск в Афганистан, удвоила число демократических стран.

Но особенно этот процесс усилился, начиная с 1985 г., когда в Советском Союзе стали осуществляться структурные демократические преобразования, приведшие к исчезновению СССР, отказу от тоталитарного коммунистического режима и возникновению независимых демократических государств в Восточной Европе, Африке, Азии и бывших республиках СССР.

Характеризуя уровень свободы и демократии в мире, международная организация Freedom House (Дом свободы) отмечает, что к 1993 г. на земном шаре уже существовало 99 демократических государств. Однако сегодня в 70 странах мира еще до сих пор господствуют авторитарно-тоталитарные режимы, да и в современной России еще не удалось до конца преодолеть наследие тоталитарного коммунистического режима.

Четвертая волна демократии начала накатываться с первого десятилетия XXI века в виде так называемых цветных революций.

Учитывая все сказанное, следует признать весьма полезным и важным появление новых работ, раскрывающих подлинный характер античной демократии и демократической мысли. Новое коллективное исследование кафедры истории Древней Греции и Древнего Рима Санкт-Петербургского государственного университета как раз и посвящено этой проблеме.

Изданная коллективная монография «Проблемы античной демократии» представляет собой первый выпуск в серии подготовленных трудов, которые планируют к публикации сотрудники кафедры.

Рецензируемая книга привлекает внимание читателя тем, что она весьма серьезно отличается от целого ряда работ, посвященных истории античной демократии, как отечественных исследователей, так и зарубежных авторов, переведенных на русский язык и появившихся в последнее время.

Главными отличиями я бы отметил, во-первых, глубокое и обстоятельное исследование сущности и содержания демократических общественно-политических отношений не только в афинском полисе, но и в других греческих государствах эпохи становления полисного строя и демократических порядков в архаический и раннеклассический периоды, а также в период расцвета афинской демократии (исследования проф. Э.Д. Фролова, проф. О.В. Кулишовой, проф. Л.А Пальцевой, доц. С.М. Жестоканова и Е.В. Никитюк) и выяснения причин ее кризиса и упадка в позднеклассическое время (исследование проф. Э.Д. Фролова).

Во-вторых, очень важно, что сотрудники кафедры обратились также к проблеме демократии в Древнем Риме, поскольку эта тема менее часто становилась объектом исследования и оставалась в тени демократии афинской (исследования проф. А.Б. Егорова и доц. К.В. Вержбицкого).

Наконец, не менее важным является и то, что авторы попытались найти элементы демократии и её особенности там, где, казалось бы, о ней трудно и говорить, например, в Спарте (исследование проф. Л.Г. Печатновой) или у кельтов доримского времени (исследование проф. Н.С. Широковой). Заслуживают большого интереса исследования проф. Климова О.Ю. и доц. М.М. Холода, посвященные судьбам античной демократии в эпоху эллинизма. Безусловно, интересными и важными являются попытки доц. А.Д. Пантелеева и А.С. Волчкова проанализировать элементы и черты демократизма в религиозных раннехристианских общинах и в христианских объединениях поздней античности.

Рассмотрим более детально проблемы, получившие освещение в коллективной монографии кафедры.

Э.Д. Фролов, как редактор издания, справедливо отмечает, что исследование античной демократии не является самоцелью. Прежде всего, важен опыт античных демократических форм правления. Этот опыт важен особенно сегодня, когда, как уже было сказано, многие страны, в том числе и наша страна, вступают на путь демократического развития, отказываясь от прежних авторитарно-тоталитарных форм правления.

Рассматривая тему становления полисного строя и демократических порядков в Греции в архаический и раннеклассический периоды, Э.Д. Фролов опирается на принятую в отечественной историографии концепцию архаической революции. Эта концепция оказалась тесно связанной со ставшей сегодня дискуссионной проблемой континуитета или дисконтинуитета при переходе от микенской к древнегреческой цивилизации. Эту проблему обстоятельно рассматривает И.Е. Суриков в целом ряде своих работ, посвященных архаической и раннеклассической Греции, но наиболее полный его взгляд отразился в его монографии «Античная Греция».[355] Развивая мысли Ю.В. Андреева и некоторых западных исследователей, автор считает, что в результате так называемых «тёмных веков» и дорийского переселения возник дисконтинуитет, характеризующийся катастрофическим разрывом, в результате которого древнегреческое общество возвратилось к эпохе первобытных родоплеменных отношений.

Я не склонен соглашаться с этим мнением, так как оно противоречит Гомеру, краткой характеристике этого периода у Фукидида в его «Археологии» и теоретическим суждениям Аристотеля, касающимся формирования полисных отношений в его «Политике». Я считаю, что переход от микенского периода к раннеархаическому и становлению полисного строя следует рассматривать как результат континуитета, а не дисконтинуитета.

Поэтому вполне верным является суждение Э.Д. Фролова о том, что факторы социального прогресса, заложенные в структуре древнегреческого общества, после дорийского завоевания сказали свое слово, и результатом было рождение новых гораздо более прогрессивных форм экономических и социально-политических отношений (С. 12).

С.М. Жестоканов посвятил свое исследование истории раннегреческой тирании и становлению демократии в Древней Греции (С. 25-50). Автор совершенно правильно указывает на то, что в наиболее развитых полисах Греции в VII-VI вв. до н.э. наблюдалось установление тираний и свержение правлений аристократических режимов (С. 25). Это мнение подтверждается кратким замечанием Фукидида в его «Археологии» о том, что вскоре после Троянской войны и последующего неспокойного времени (так называемые «тёмные века» - В.С.), появились новые города, которые укрепляли свое могущество за счет развития ремесла, морской торговли и возведения оборонительных стен.

С.М. Жестоканов видит главную причину социально-политических изменений в это время в развитых греческих городах в кардинальных переменах в области экономики. Однако, экономика, как и политика – это сфера деятельности людей, обусловленная их способом мышления и образом жизни, то есть их менталитетом. Для греков как представителей индоевропейской языковой семьи было характерно рациональное, секулярное и агональное мышление. У них рано

[355] И.Е. Суриков. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. — М.: Наука, 2005. С.26.

пробудились черты индивидуализма и стремления к частной собственности. Религия потеряла свое господствующее влияние уже в микенское время.[356]

Этим и были обусловлены все те социально-политические и экономические изменения, которые стали прогрессивно развиваться, начиная с конца «тёмных веков». Что же касается демократического развития, то оно в Древней Греции было обусловлено тем, что торгово-ремесленные города, на основе которых развивались полисные отношения, как показывает общеисторический опыт, по своей природе тяготели и тяготеют к демократическому самоуправлению. Поэтому по мере того, как в древнегреческих полисах демос достигал соответствующего влияния, силы и самоорганизованности, период господства тирании завершился. И в греческих полисах установились демократические или олигархические формы правления в зависимости от соотношения в этих полисах социально-политических сил и других внешних или внутренних факторов.

Проблеме раннегреческого законодательства и формированию полисного строя посвятила свое исследование Л.А. Пальцева (С. 51-94). Отличие демократической формы правления от единоличной, авторитарной, будь-то монархия или тирания, заключается в том, что в последней всегда есть опасность проявления произвола и насилия, для первой же характерна тенденция к развитию судебно-правовой системы. В этом и заключается важность исследования раннегреческих законодательств. Кроме того, опыт древнегреческого законотворчества явился фундаментальной основой для развития Римского права.

Исследуя конкретные источники, Л.А. Пальцева проанализировала особенности раннего законодательства (С. 51-63), выделив в нем и охарактеризовав законодателей-реформаторов государственного строя Солона и Ликурга, создателей законов, регулировавших отношения собственности (Филолая, Залевка, Харонда и др.), а также первых эллинских творцов

---

[356] Зайцев А.И. Культурный переворот *в* Древней Греции VIII-V вв. до н.э. Л., 1985. с.50; 61 сл.; 117 сл. Контрастным является мнение Ю.В. Андреева и развивающего его взгляды И.Е. Сурикова (Суриков И.Е. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. Учебное пособие. М., 2007. С. 83 сл. К этому см. также Андреев Ю.В. Апология язычества или О религиозности древних греков // ВДИ 1998 № 1. С.125-134; Sourvinou-Inwood Chr What is Polis Religion? // The Greek City: From Homer to Alexander. Oxford. 1996. P.304, 322). И.Е. Суриков, опираясь на мнения указанных авторов, считает, что религия имела фундаментальное значение в жизни греческого полиса и была центральной его идеологией. С этим трудно согласиться. Греческая религия в отличие от религий Древнего Востока не имела господствующего влияния на интеллектуальную мысль греков, на что указывают как литературные, так и научные произведения древних авторов. Достаточно только вспомнить знаменитые мысли Гераклита, Протагора, Анаксагора, равно как и поэму римского поэта-философа Лукреция Кара «О природе вещей». Поскольку религия в Древней Греции не оказывала фундаментального влияния на интеллектуальную мысль, поэтому именно Древняя Греция стала родиной наук, а не Древний Восток. О зарождении науки в Древней Греции см. Зайцев А.И. Ук. Соч. С.171 сл; Жмудь Л.Я. Зарождение истории науки в античности. Санкт-Петербург. 2002; Строгецкий В.М. Становление исторической мысли в Древней Греции и возникновение классической греческой историографии. Н.Новгород. 2010. С.13 сл.

письменных законодательных кодексов (Залевка, Харонда, Драконта, Питтака Митиленского).

По справедливому замечанию Л.А. Пальцевой, древнегреческие законодатели впервые осознали необходимость того, чтобы законы были просты для понимания их содержания гражданами и отличались точностью формулировок, определений и юридической терминологии (С. 61). Эти принципы, воспринятые римскими юристами, легли в основу современного международного права.

Специальный раздел своего исследования Л.А. Пальцева посвятила рассмотрению судебно-правовой деятельности в древнегреческих полисах (С. 63-79). Автор показывает, что в результате законодательного регулирования судебной деятельности в греческих городах-государствах появился принципиально новый тип судебного учреждения с выборным и периодически обновляемым составом судей, представляющих разные слои населения (С. 79).

Классическим вариантом такой судебно-правовой системы стала судебная система в Афинах, чему и посвятила последний раздел своего исследования Л.А. Пальцева (С. 79-94). В этом разделе автор исследовала три основных проблемы: возникновение института фесмофетов, создание кодекса писаных законов Драконтом. Важным выводом автора является ее утверждение, что уже в этом древнем афинском кодексе судопроизводство делилось на два этапа: досудебная фаза и судебное заседание, то есть то, что впоследствии в Риме получило формулировку in iure и in iudicio. В заключение автор рассматривает судебную реформу Солона и создание демократического судебного института гелиэи. Л.А. Пальцева, безусловно, права, считая, что Солон на ниве законодательства пошел дальше своих предшественников, создав предпосылки для становления афинского демократического полиса V-IV вв. до н.э.

Вместе с тем хотелось бы отметить, что рассмотрение раннегреческого законодательства необходимо было бы исследовать в связи с развитием Римского права. Это тем более важно было бы сделать потому, что в разделе «Демократия в Древнем Риме» развитие демократии в эпоху становления и расцвета Римской республики вовсе не рассматривается. Между тем в Риме, также как и в Древней Греции процесс развития демократических форм правления в республиканский период был тесно связан с возникновением и совершенствованием судебно-правовых отношений.

Тему расцвета афинской демократии исследует в рецензируемой коллективной монографии Э.Д. Фролов (С. 95-118). Сначала автор кратко анализирует дискуссию вокруг афинской демократии, отмечая, что эта дискуссия, начавшаяся 100 лет назад, остается реально ведущейся и в настоящее время. Высказывая к ней свое отношение, автор убедительно доказывает, что нет никаких оснований ставить под сомнение принципиальный характер самого существования в Афинах V в. до н.э. строя развитой или радикальной демократии, правда, я бы добавил к концу правления Перикла (С. 97).

Вместе с тем исследователь выделяет ряд черт, присущих афинской демократии, которые вполне характерны для древнегреческого общества доиндустриальной эпохи. Он указывает на противоречие между

аристократическими лидерами афинской демократии и народом. Следующей чертой автор называет ориентацию афинской демократии на собственную исключительную этносоциальную корпоративность, связывая с этим и империалистическую политику афинской демократии, и обретение афинским государством характера тирании. Все это в конечном итоге вело к тому, что афинские граждане уподоблялись «рантье», живущим за счет эксплуатации союзников, лидеры афинской демократии склонялись к демагогии, а сама афинская демократия превращалась в охлократию.

Наивысшего расцвета афинская демократия, как отмечает Э.Д. Фролов, достигла в период правления Перикла и наиболее примечательным явлением общественной жизни этого периода автор считает создание кружка выдающихся общественных деятелей, сложившегося вокруг Перикла. Этот кружок, как отмечает Э.Д. Фролов, и обеспечил на длительное время Периклу авторитет первого гражданина в государстве.

Но в силу уже отмеченных черт афинской демократии росло и недоверие к Периклу и его окружению среди консервативных масс афинского народа и появившихся новых демагогических политиков (С. 107-118).

Критике афинской демократии в конце V в. до н.э. посвятила свое исследование Е.В. Никитюк (С. 119-158). Исследователь представила читателю весьма обстоятельный и качественный источниковедческий анализ сочинений трех авторов – представителей разных жанров: Фукидида – историка, Псевдо-Ксенофонта – анонимного автора политического памфлета «Афинская полития» и комедиографа Аристофана. В заключительной части своего исследования Е.В. Никитюк совершенно правильно указывает на то, что каждый из авторов, живо откликаясь на особенности афинской политической жизни и высказывая критическое к ней отношение, пытался найти ответ на вопрос каким образом совместить индивидуалистические эгоистические частные интересы и общественные? И, как справедливо отмечает исследователь, в тех условиях, в которых оказались Афины, начиная с V в., положительный ответ не мог быть найден (С. 158).

Замечательным достижением античной культуры было создание первого в мире театра – трагедии и комедии. Особенно в Афинах в эпоху развитой демократии театр выполнял как воспитательную, так и просветительскую функции. Выдавая каждому гражданину феорикон, равный двум оболам, государство давало возможность рядовым афинским гражданам освободиться от повседневных трудовых обязанностей ради посещения театральных представлений.

Драматические произведения и комедии явились неисчерпаемым источником, питающим европейскую культуру. Все это указывает на несомненную важность и ценность исследования О.В. Кулишовой, посвященного античному театру и афинской драматургии (С. 159-186). Проблема театра наиболее интенсивно исследуется в современной как зарубежной, так и отечественной литературе. Поэтому О.В. Кулишова предприняла попытку охарактеризовать и исследовать наиболее влиятельные направления новейших работ в литературе как зарубежной, так и отечественной (С. 161). Среди этих

направлений, как отмечает автор, наибольшее внимание привлекает исследование политического и социального контекста древнегреческого театра (С. 163). О.В. Кулишова отмечает, что все исследователи признают тесную связь театра в Афинах с демократией. Но вместе с тем она указывает на бурную полемику, в которой исследователи доказывают, что афинский театр, начал складываться гораздо раньше, чем возникла афинская демократия и поэтому содержание и тематика драматических произведений далеко не всегда связана с установками демократических Афин (С. 167). Поэтому автор вполне обоснованно утверждает, что, хотя театральные зрелища достигли своего расцвета в период афинской демократии, тем не менее, свои глубокие основания они имели в аристократической системе ценностей (С. 185).

Как уже отмечалось Л.Г. Печатнова решила исследовать типологию Спарты и выразить свое к ней отношение, признавая, что как в древности, так и в современной науке не было и нет единого мнения о том, к какому типу государства следует отнести Спарту (С. 187-208). Рассматривая эту проблему, автор вполне справедливо указывает лишь на элементы демократии в политической структуре Спарты потому, что как в древности, так и в наши дни Спарту воспринимают как олигархическое государство. Древнейшим демократическим элементом спартанского устройства была Большая ретра Ликурга, в которой записано, что власть и сила должны принадлежать спартанскому народу. Если Большая ретра была принята в нач. VIII в. до н.э., то уже в 30-20 гг. VIII в. была внесена поправка, отменявшая это положение. Поэтому едва ли можно говорить об элементах демократии в Спарте в столь ранний период.

Что же касается эфората как демократического элемента в структуре правления, то в этом случае можно с большим основанием говорить о его отношении к демократии (С. 197 сл.). Тем более что избрание эфоров было результатом уступки аристократией части своих привилегий представителям спартанских граждан с тем, чтобы не допустить установления тирании. Однако способ избрания их (с помощью крика) позволял аристократии манипулировать таким голосованием и избирать тех, в ком она была заинтересована.

Анализируя оценку спартанской политической системы в историографии, Л.Г. Печатнова утверждает, что Спарта, приняв демократическую по своему внутреннему потенциалу конституцию, к концу классического периода растеряла все ее демократические черты (С. 208). Однако, учитывая речь Перикла на государственных похоронах павших афинских воинов и принимая во внимание характеристику новейших греческих городов не только в архаический, но и в классический период, кратко представленную Фукидидом, можно сказать, что демократическими полисами чаще всего становились города, в которых получило развитие мореплавание, ремесло и торговля. Ничего подобного в Спарте не было с раннеархаических времен.

Кризис полиса и упадок демократии в позднеклассический период (конец V-IV в. до н.э.) – тема исследования Э.Д. Фролова в рецензируемой коллективной монографии кафедры (С. 209-264).

В первой части своего исследования автор выделяет важнейшие симптомы грядущего упадка древнегреческой демократии (С. 209-234).

Вопреки наметившейся тенденции с 70-х гг. XX в. к пересмотру концепта «полис» как город-государство, Э.Д. Фролов убедительно показывает, опираясь на данные литературной традиции, что полис существовал и развивался в рамках города как торгово-ремесленного поселения и вместе с ним. Процесс этот был весьма длительным и прогрессирующим с середины XII по VI вв. до н.э. Симптомы упадка и кризиса в нем проявились, начиная с конца V в. до н.э. Основанием полиса являлась социально-экономическая структура города. Характерной особенностью торгово-ремесленных городов является тенденция к демократическому самоуправлению. Оно утверждалось с помощью политико-правовых реформ, о чем уже было отмечено выше.

Фактором существования античной демократии Э.Д. Фролов считает войну, ибо войны ускоряли и развивали экономическое и политическое развитие полисов. И действительно расцвет полисных отношений в Древней Греции произошел после победы в Греко-персидских войнах. Но, как совершенно справедливо подчеркивает автор, войны ускорили естественный процесс социальной дифференциации, что было чревато опасными последствиями для гражданского единства (С. 215). Войны приводили к тому, что одни полисы укрепляли свое влияние и господство, другие должны были им подчиняться добровольно или вынужденно. Возникали так называемые гегемониальные симмахии. И, как правильно отмечает Э.Д. Фролов, войны и связанная с этим имперская политика подрывали устои независимого автаркичного существования полисов.

Главным стимулятором, способствовавшим углублению исподволь развивавшихся симптомов разрушения полисов, как верно указывает Э.Д. Фролов (С. 216 сл.), была Пелопоннесская война. Эту войну можно рассматривать и как войну гражданскую, потому что ее вели между собой гражданские общины-полисы, пусть и объединенные в два противостоящих друг другу блока, но к V в. до н.э. уже идентифицировавшие себя как принадлежавшие к одному народу эллинов. Эту войну можно уподоблять гражданской войне еще и потому, что в ней, как и в любой гражданской войне, с особенной остротой и жестокостью происходило идеологическое противоборство демократии и олигархии. Согласно описанию Фукидида, это противоборство осуществлялось как внутри отдельных полисов между демократическими и олигархическими силами, так и между самими блоками. Но в гражданской войне не бывает победителей и побежденных. Она несет разрушение как тем, так и другим. Поэтому прав Э.Д. Фролов, отмечая, что война была ускорителем разрушения всех полисных устоев. И в этом смысле последствия Пелопоннесской войны были катастрофичны как для Афин и Спарты, так и для всего греческого мира (С. 233).

Вторая часть исследования Э.Д. Фролова, посвященная кризису полиса, написана живо, ярко и образно (С. 234-264). Автор приводит наиболее впечатляющие сюжеты из речей ораторов, литературных, исторических и философских произведений античных авторов, которые лучше всего раскрывают сущность и черты социально-экономического, политического и нравственного

кризиса греческого полиса, в которой общинно-республиканское управление уступало единоличному правлению сильных демагогических личностей.

Судьбы античной демократии исследуют М.М. Холод и О.Ю. Климов.

М.М. Холод поместил раздел об утверждении демократических режимов в греческих полисах М.Азии при Александре Великом (С. 265-282). Автор исследовал установление демократических режимов в греческих полисах Малой Азии при Александре Македонском.

Античная демократия эллинизма – это демократия второго порядка. Она была следствием внешних факторов, а не результатом самостоятельного внутреннего развития гражданских общин. Именно в таком ключе М.М.Холод и рассматривает установление демократических режимов в полисах Малой Азии с помощью македонского царя. Александр поддержал греческие демократические силы в этих полисах вовсе не потому, что сам был воспитан в эллинском духе. Он вовсе не думал о возрождении независимых демократических полисов в Малой Азии. Его целью был разгром Персидской империи и установление своего господства в этом регионе. Поэтому поскольку олигархические режимы, существовавшие в этих полисах, твердо опирались на персидскую помощь и поддержку, Александр естественно решил опереться на сторонников демократического правления.

Развитию демократических институтов в федеративных государствах Балканской Греции в эпоху эллинизма посвятил свое исследование О.Ю. Климов. Опираясь на работы зарубежных ученых и отечественных Ф.Г. Мищенко, А.Б. Рановича и С.К. Сизова, он обобщил и систематизировал наиболее аргументированные и устоявшиеся точки зрения.

Основное внимание в своем исследовании автор уделяет Этолийскому и Ахейскому федеративным союзам. Главной причиной возникновения этих объединений автор считает внешний фактор, то есть необходимость защиты от внешних опасностей. Но, безусловно, важным выводом исследователя является замечание, что объединения эти возникли на полисной основе и поэтому их государственное устройство приобрело федеративный характер (С. 305). Несомненно, это было важным достижением древнегреческой политической мысли, оказавшей влияние на становление современных федеративных государственных образований.

О.Ю. Климов совершенно правильно отмечает, что в основу государственной системы федеративных союзов были положены такие демократические принципы как равенство членов федерации, предоставление общинам широкого комплекса политических прав и значительного самоуправления, установление контроля над федеральными органами исполнительной власти (С. 310).

Более обстоятельно О.Ю. Климов касается проблемы полисной демократии в городах М.Азии в эпоху эллинизма. Автор весьма подробно анализирует черты полисного строя, сохранившиеся в малоазийских городах. Он указывает, что в Малой Азии было немало греческих городов-полисов и городов восточного происхождения, но, к сожалению, не проводит различия между ними (С. 311 сл.).

Автор отмечает, что греческие города сохранили в основе своей полисную структуру, несмотря на то, что они вошли в состав территориальных эллинистических монархий. Вместе с тем он правильно подчеркивает тот факт, что в Малой Азии имела место традиция сохранения полисной структуры под властью царей, начиная с архаических времен. В связи с этим автор задается вопросом сохранили ли эллинистические полисы данного региона, интегрированные в систему эллинистических территориальных государств, свой традиционный полисный строй (С. 312)? Подробно анализируя эту проблему (С. 312-327), О.Ю. Климов делает весьма оптимистический вывод о том, что полисы Малой Азии в эпоху эллинизма сохранили все основные черты и институты полисного строя (С. 327). Однако, далее рассматривая примеры авторитарного вмешательства царей в городскую жизнь и нарушения полномочий полисных органов власти, О.Ю. Климов отмечает, что цари разработали целый комплекс политических, экономических и идеологических мер, которые обеспечили полный контроль над греческими городами, которые перестали быть самостоятельными субъектами международных отношений (С. 332-340). Таким образом, этот итог логических рассуждений, подкрепленных данными литературных и эпиграфических источников, значительно подрывает предыдущие оптимистические утверждения автора (ср. С. 327-328 и 329-340).

Тема «Демократия в Древнем Риме» предусматривает необходимость исследования не только демократических процессов в эпоху гражданских войн, но и изучение становления демократических институтов и развития римской демократии в связи с совершенствованием Римского права во время борьбы патрициев и плебеев в эпоху расцвета Римской республики. Тогда бы эта тема имела целостное законченное содержание.

Кроме того, мне кажется, говорить о подъеме демократического движения для эпохи кризиса римской республики не совсем уместно. Может быть правильнее назвать этот раздел «Особенности демократического движения в Риме в эпоху гражданских войн и его упадок».

Вместе с тем, рассматривая исследование этой темы, осуществленное А.Б. Егоровым, хочу отметить, что автор совершенно верно очерчивает важнейшие вехи этого периода и аргументированно анализирует их содержание. Характеризуя движение Гракхов как важнейший этап демократических процессов, автор раскрывает причины провала их реформ (С. 349-362). Но можно было бы указать и на то, что сами цели Гракхов увеличить число граждан за счет наделения их землей без права отчуждения были утопичны. Дальнейшее развитие частной собственности на землю со всеми его последствиями было объективным процессом и закон III г., изданный народным трибуном Спурием Торием, вполне подтвердил это.

А.Б. Егоров показывает, что движение Гракхов положило начало такому антидемократическому явлению как укрепление единовластия отдельных личностей: Марий и Цинна, с одной стороны, Сулла и добивавшийся власти Катилина, с другой. В конце концов, эта борьба завершилась возникновением первого триумвирата Цезаря, Красса и Помпея (С. 362-396). Таким образом, говоря об особенностях демократического движения и его упадке к середине I в.

до н.э., мы обнаруживаем те же тенденции, которые наблюдались в эпоху кризиса и упадка древнегреческой и, прежде всего, афинской демократии.

О перерождении республиканского строя и подавлении демократических традиций в Риме в эпоху принципата рассуждает в своем исследовании К.В. Вержбицкий (С. 396-420). Автор, опираясь на великолепное знание источников и литературы, анализирует по существу три главных темы. Во-первых, он обстоятельно рассматривает процесс кардинальной перестройки отношений в системе власть – общество и формирования общественной психологии (С. 396-407). К.В. Вержбицкий считает, что в эпоху Августа управление все еще оставалось республиканским, и только в правление Юлиев-Клавдиев начался процесс кардинальных перемен. Правда, Тацит уже в начале первой книги «Анналов» отмечал, что «немного было тех, кто своими глазами видел республику» и далее он подчеркивает, что «от общественных установлений старого времени нигде ничего не осталось».

Вторая важная тема – это достаточно умный, несмотря на его краткость, взгляд автора на сочинения Л.А. Сенеки и его драматические произведения, весьма ярко отразившего тревожное время Юлиев-Клавдиев, жертвой которого он и стал (С. 408-414).

Очень важной является третья завершающая исследование тема. Существенная перестройка в период правления династии Юлиев-Клавдиев, происшедшая в системе отношений власть – общество, формировала новый тип римлянина. Героем этой эпохи К.В. Вержбицкий избрал Юлия Агриколу, карьеру которого он кратко, но весьма понятно и образно охарактеризовал (С. 414-419).

В заключительной части своих рассуждений (С. 419-420) К.В. Вержбицкий указывает, что изучение отношений власти и общества в Риме (равно как и в Древней Греции – В.С.) имеет особую актуальность в связи с процессами, происходящими в современной России. Как в этом случае не вспомнить известный стих Феогнида:

«В иносказанье моем есть значенье понятное добрым.

В прочем поймет и худой, если размыслит над ним»

Особенности социально-политического строя кельтов доримского времени исследовала Н.С. Широкова (С. 421-452). Первая тема, которую рассматривает исследователь – это проблема демократии в обществе кельтов доримского периода (С. 421-438). Н.С. Широкова делает совершенно правильный вывод о том, что у кельтов времени Цезаря не существовало первобытного народовластия (С. 436). Вместе с тем мне кажется, что недостаточно внимания автор уделила проблеме градообразования у древних кельтов, ибо степень градообразования является важным показателем уровня развития цивилизации.

Можно было бы глубже рассмотреть и социальную структуру кельтского общества, так как она была достаточно продвинутой, сложной и неоднородной. У кельтов уже появились крупные, средние и мелкие собственники и было значительное число рабов.

Второй темой, рассматриваемой Н.С. Широковой, является проблема формирования кельтской государственности (С. 438-452). Автор характеризует возникновение аристократии, институтов власти, налоговой системы,

судопроизводства. Н.С. Широкова, интерпретируя употребляемые Цезарем civitas и pagus, разделяет мнение исследователей, которые считают, что civitas – это государственное образование, а pagi – территориальные округа.

Вместе с тем, говоря о формировании государственности в кельтском обществе, необходимо было бы рассмотреть и религиозное состояние в нем. Автор говорит о друидах, но только в связи с их судебными функциями (С. 444). Между тем интерес к друидам особенно вырос, начиная с конца 80-х гг. XX в. и не только потому, что проблема их происхождения является дискуссионной, но и в связи с тем, что в Западной Европе в это время началось возрождение друидических братств, связанное с появлением разного рода мистических учений.

В заключительной части своей работы Н.С. Широкова совершенно правильно подчеркивает, что галльское общество накануне римского завоевания было более подготовлено к развитию феодального государства, чем германцы (С. 449-452).

Завершает коллективную монографию исследование А.С. Волчкова и А.Д. Пантелеева, посвященное рассмотрению черт демократизма в ранних христианских общинах и религиозных объединениях поздней античности. А.С. Волчков попытался выяснить степень демократичности христианских общин I-III вв. (С. 453-476). Рассматривая управление христианскими общинами и участие в нем верующих христиан, наличие коллегиальности в христианских общинах, принцип демократичности в отношениях церковных общин друг с другом, автор отмечает, что микросообщества в Римской империи не только копировали структуру полиса, но и значительно трансформировали его порядок в сторону большей демократичности (С. 457). Вместе с тем автор отмечает также и отличия, имевшиеся в этих общинах, от античных городов-государств. Так, автор, опираясь на данные источников, указывает, что на церковные должности не распространялся принцип ротации, в церковной общине всегда существовал авторитет внешний по отношению к ней. Права женщин, как отмечает А.С. Волчков (С. 470) в христианских общинах превосходили те права, которые предоставляло женщинам окружающее общество.

В заключительной части своего исследования автор совершенно справедливо замечает, что с конца II в. усиливались в христианских общинах так называемые «монархические» тенденции. Укреплялась роль епископов, которые могли действовать вопреки желанию общины. К этому можно также дополнить и то, что христианская церковь, ранее называемая εκκλησία, к III веку получила называние κυριακόν, то есть господняя община.

А.Д. Пантелеев свои рассуждения посвятил выяснению сущности демократии в неортодоксальном христианстве, используя для этого опыт гностиков (С. 476-501).

Автор подчеркивает, что ко II-III вв. слово «демократия» утратило первоначальное значение. Последними очагами не выхолощенной имперской «демократии» оставались разного рода союзы, коллегии и ассоциации. Среди них А.Д. Пантелеев особенно выделяет гностические общины неортодоксальных христиан. Установившаяся в церковном христианстве на рубеже I-II вв. система «монархического епископата» была принята не всеми. К этим не принявшим ее

относились общины гностиков. Он рассматривает устройство гностической общины, анализируя содержание трактата «Истолкование знания». На основании этого анализа автор делает вывод о том, что полемика гностиков была направлена против притязаний ортодоксальной церкви на исключительность (С. 489).

А.Д. Пантелеев подчеркивает, что модель организации гностической общины более демократична, чем модель организации в ортодоксальных христианских общинах, правда автор уточняет, что гностические общины считали себя избранными, так называемыми «пневматиками», то есть гностики исповедовали идеалы демократии, но считали, что эта демократия на других не должна распространяться.

Книга завершается кратким заключением, в котором подчеркивается важность опыта античной демократии для современной политической практики, но вместе отмечается, что античная демократия была несовершенна, так как несовершенно было само античное общество (С. 501).

Подводя итог рецензированию коллективной монографии кафедры истории Древней Греции и Древнего Рима Санкт-Петербургского государственного университета, можно с уверенностью сказать, что книга будет интересной как специалистам, так и массовому читателю. Кроме того, монография, безусловно, будет полезна студентам и аспирантам исторических факультетов ВУЗОВ.

Александр Синицын

ПУТЬ В АФИНЫ
(*поэма о великом страннике*)

Коллеге и другу,
историку и поэту
Игорю Сурикову

Горит закат над Эгеидой.
Светило тонет в бездне понта.
И, как шальные нереиды,
Дельфины тешатся у борта.

По полю волн пурпурно-снежных
Скользит носатая громада,
Гонима резвым Эвром вешним,
Слугой владыки Гиппотада.

И парус полнится от ветра,
Ладья летит гребцам на радость.
В могучих дланях кибернета
Руль кормовой лежит как надо.

Путь корабельщиков не близкий:
Под покровительством Паллады
От берегов малоасийских
К брегам аттическим Эллады.

Крепка меж ними нить союза.
И издавна идут потоком
В Афины караваны с грузом –
Чудесные дары Востока:

В корзинах – райские гранаты,
В сосудах – снадобья и смолы,
А в сундуках – электр и злато –
Дары лидийского Пактола.

Купцы везут гостинцы-грезы:
Цветных причудливых павлинов
И чистый, как богини слезы,
Хрусталь, коралловые вина,

Изысканные украшенья,
Ковры, персидские наряды
И чудотворные коренья
От хворей всех для всей Эллады.

Каменья, красочные ткани,
Кунжут, карийские инжиры,
Меха и мази – то, что манит, –
Всё ждут столичные транжиры.

Набиты трюмы коробами,
Где всякой всячины навалом,
Разноплеменными рабами –
В Афинах ходовым товаром.

Давно ль Европа подцепила
Учености восточной вирус? –
И корабли из дельты Нила
Везут египетский папирус.

Сюда из северных колоний
Идут суда с зерном и лесом.
Масла и вкусы благовоний
Несут коммерческие рейсы.

Но интерес между мирами
Не только на основе торга.
Плывут с заморскими дарами
Легенды дивные Востока:

Рассказами о дальних странах,
Об их золотоносных реках
Насытят пилигримы страстных,
Пытливых, неуемных греков.

О, сколько сказочных историй,
Чудесных басен и сказаний
Из неизвестных акваторий
Пришли в Пирей под парусами!

И вот, оставив кряж асийский,
Наладив паруса тугие,
Плывет большой корабль карийский,
Минуя отмели и мили.

Горят вечерние зарницы
И золотят ладьи ланиты.
На палубе народ теснится –
И простолюдье, и элита.

Вдали растаял Косский остров.
В пирейский порт попасть дерзая,
Триера тучным львиным ростром
Простор эгейский разрезает.

Вдруг изменяется погода.
Куда девался ветр веселый?
Вмиг весла спущены на воду,
Теперь гребцы взялись за дело.

В морской пучине проплывают
Медуз крылатых мириады.
И величаво солнце тает.
Пловцы поют печаль-балладу.

П Е Р В А Я П Е С Н Я М О Р Я К О В

Мы много ходили по понта широтам,
Нас жалили ветра соленого пчёлы,
Мы часто судились с Зефиром и Нотом
И слышали жуткие песни Эола.

Мы долго искали и славы, и злата
От скифских земель до брегов сикелийских.
Соленая смерть – нам знакомая плата,

Но знаем, что счастье, как прежде, не близко.

Чему научились вдали от отчизны? –
Что дом тем дороже, чем дольше тоскуешь,
Что каждый зависит от Тихи капризной,
И, что суждено, уж того не минуешь.

Кто смелы и дерзки, те смотрят с опаской
На благость богов – олимпийцев капризы.
Мы сами слагаем суровые сказки
О странствиях страшных страдальца Улисса.

И часто лежала морская дорога
Меж Скилл многоглавых с Харибдовой пастью.
Не все возвратились обратно. И много
Изведали горя, но где оно – счастье?

Скрипят уключины, и дружно
Удары вёсел волнам вторят.
… А на носу стоял и слушал
Сказ старых тружеников моря

Усталый бородатый странник,
В скитаньях видевший немало,
На запад глядя, где в тумане
Седое солнце угасало.

Ему привычно дышит в спину
Восточный Эвр ночного часа.
Уж двадцать лет, как он покинул
Родимый край Галикарнасса!

За эти долгих две декады
Привык он дни делить на мили.
Но корабельщиков баллады
В душе былое пробудили.

Внезапно в памяти воскресли
И зазвучали с новой силой
Те песни, что он слышал в детстве –
Мелодии отчизны милой.

Не по своей оставил воле
Отцовский дом. Жива обида.
Но, знать, судили боги долю
Иную – долю Лаэртида.

В воспоминаниях мелькают
Востока образы и грезы.
И капли на лице сверкают –
Морские брызги или слезы?

Воскресли песни савроматов,
Звучавшие над Меотидой,
И, слух ласкавшие когда-то,
Далекой Мидии мотивы.

Он вспомнил варварские танцы,
Те, что не передать словами,
Чудны*е* байки чужестранцев
О людях с пёсьими главами.

Он помнил пышные пионы
В больших садах Семирамиды,
В земле великих фараонов
Немыслимые пирамиды.

Полмира отмахал дотоле
Пешком в страну Шахеризады!
А что ему, ведь он историк
И трудится не за награду.

Будь судно с парусом до неба,
И ветр попутный, дуй почаще,
Маслины, соль, краюха хлеба
Да влаги Диониса чаша!

По землям варваров петляя,
Их сказки заключая в списки,
Он пил, водой не разбавляя,
Вино по-варварски, по-скифски.

Пытливый грек вносил в скрижали
События, имена, обряды.
Туземцы всюду провожали
Бродягу благодарным взглядом.

Живым рассказам жадно внемля,
Глаголом он героев славил.
И многих дев познал в тех землях,
Но ради Музы их оставил.

Он верил: власть, уют и деньги –
Ничто на славу не сменяешь.
Пусть не обрел семьи. А дети? –
Да разве ж их теперь узнаешь?

Любовь и смерть – одно и то же.
И пилигрим привык к разлуке.
Держали меч, копье и вожжи
Его мозолистые руки.

Он был голодным и усталым,
Но скучным и угрюмым не был.
Он спал в шатрах под покрывалом
И на земле под звездным небом.

То брел пешком в песках ночами,
То трясся по степям в кибитке,
В тугой котомке за плечами
Он чалил скромные пожитки.

И долгий путь ничто не стоит
От Мисии до Милиады.
Ведь что ему, коль он историк?
А много ли такому надо?

Эх, был бы только сил избыток,
Здоровый сон, густая каша,
Точеный стиль и чистый свиток
Да влаги Диониса чаша!

Бывальщина и небылицы,
Проходят вереницей с*у*дьбы,
Мелькают лица, лица, лица –
Живые люди, люди, люди.

… На побережье Фермодонта
Две тени от костра дрожали.
Мосх, умываясь жарким потом,
На ужин мясо серны жарил.

Кавказец, сын вождя и феи,
Немало ведал разных мифов
Об аримаспах, аргиппеях,
Слепых рабах суровых скифов.

Седой старик с душою пылкой,
Оставивший родные скалы,
Всю ночь рассказывал страшилки
О ручниках из вражьих скальпов.

… Однажды, при стеченьи странном
Суд*е*б, проделав путь неблизкий,
В таверне шумной в Акбатанах
Он встретился с купцом ликийским.

Жрец Гермия, делец и странник,
Неугомонный собеседник,
Солидный муж, богов избранник,
Торговец в третьем поколеньи, –

Тот караваны вместе с братом
От Инда вел в страну атлантов,
Сам видел стерегущих злато
Индийских муравьев-гигантов.

Он клялся, что сражался с Марой –
Богиней злобной суеверий.
Торговца байки будто чары
Пленяли слух. Да кто ж им верил?

… Толмач персидский в Сузиане
По-царски угощал на тризне
И поучал в хмельном дурмане:
«Где хорошо, там нам отчизна.

Я вижу жизни сердцевину
И понял человеков свойство:
Язык забудешь, дом покинув,
Смысл жизни – радость удовольствий.

О, эллин, глаз моих услада,
Зачем стремишься ты куда-то?
Забудь далекую Элладу.
Персида сказочно богата!»

Ну, что ж, мы сами жизни судьи.
И странник слушал встречных речи,
Листая судьбы, судьбы, судьбы,
Верстая встречи, встречи, встречи…

Ни песни чудные Востока,
Ни чары скифского кумыса,
Но голос родины далекой,
Знакомый шепот кипарисов

Манил героя, гнал с чужбины.
И путь назад ему был задан:
Ведет Судьба скитальца-сына
В Европу, в Аттику, на Запад!

Так пусть же ветер шибче свищет
И мчит триеру к Гесперидам. –
Быть может где-то там отыщет
Седой Улисс свою планиду?

Как знать, в стране Тесея или
Сикелии – земле конечной –
Бессмертные определили
Предел его исканьям вечный?

Пусть станутся не столь высокой
Богов дары ему ценою.
… Зарится небо на Востоке,
Который тает за спиною.

Еще в видениях витают
Мидийцы, степняки-номады,
Но вот во мраке вырастают
Знакомые пловцам Киклады.

Привычны им морские тропы,
И грянули гребцы балладу
О славном городе Европы,
О лучшем полисе Эллады.

ВТОРАЯ ПЕСНЯ МОРЯКОВ

Есть в Аттике полис, пленяющий видом.
Стряхнув с себя путы персидского плена,
Свободен и горд город дщери Кронида
И нет ему равных во всей ойкумене.

Любимца богов охраняют доселе
Трезуб Посейдона и плющ Диониса.
Здесь звонче цикад сладкозвучные трели,
Здесь в небо взмывает акмэ кипарисов.

И стогна его украшают святыни –
Чертоги бессмертных богов пантеона.
Открыт для гостей город Девы-богини,
Но только к достойным она благосклонна.

Сей град не сломили Судьбы перемены.
Да будет богат он и славен, да будет!
Его окружили надежные стены,
Но полиса сила – не стены, а люди.

Коль будет сожжен, сам из пепла воскреснет,
Хранимый крылатой богиней Победы!
Град-воин достоин Омировых песен,
Но где ему сыщешь по росту аэда?

Историк вновь взволнован песней,
Тревожным трепетом томимый:
Он не робел пред видом персов,
Но здесь – надменные Афины!

Как змееглавая Медуза
Град Кодра поражает взором.
Ни Мемфис, ни Эфес, ни Сузы
Так не влекли своим убором.

Он всех затмил суровой славой,
Когда от Суния до Коса
Морской могучею державой
Над Эгеидою вознесся.

Торговцы, мудрецы и барды
В Афины тянутся волнами.
Ни Смирна, ни златые Сарды
Так странника не волновали.

Он видел многие столицы
И стогна срубного Гелона,
Но *этот* Город не сравнится
Ни с чем от Фив до Бабилона.

Паломник долго чаял встречи
С прекрасным полисом Паллады,
Теперь осталось недалече –
Минули Малые Киклады.

Сон и Дионис взор туманят,
И пенье опьяняет разум,
Но град мечты героя манит.
Назавтра всё случится разом.

Он в порт прибудет утром ранним,
Пирея гам его разбудит,
Ступив на брег, веселый странник
Ворвется в полисные будни.

В единой точке, как широты,
Здесь сходятся Эллады солнца.
И пилигрим, войдя в ворота,
Навек с судьбой Афин сольется.

Приимет путника Паллада,
И он познает град Солона,
Панафинейские парады,
Дионисийские агоны.

Он станет всматриваться в лица:
Наверняка узнает кто-то
На узких улицах столицы
Галикарнассца Геродота.

Потом о нем еще услышат
Потомки славного Тесея,
Ведь это он в анналы впишет
Десятилетье апогея!

В урочный час, в котором годы
Спрессуются в одно мгновенье,
Свой труд о странах и народах
Прочтет галикарнасский гений.

И удивятся кекропиды,
Когда на площади пред сонмом
Их, гордецов, видавших виды,
Всех впечатлит историк словом.

Оценят мощь его таланта
Высокочтимые вельможи
Наградой в несколько талантов.
Всё это так. Но только позже.

Опасней птицы стимфалийской
Перо певца, что фактом правит.
Чужак-метек, беглец карийский
Афин историю прославит!

Он станет частью их по праву,
Ворвавшись в суетные будни.
Признанье полиса и слава –
Всё будет. Непременно будет…

И вновь в шальной стихии пенной
Летит ладья по воле Эвра.
Уже пловцов утихло пенье,
И слышно только пенье ветра,

Что парусам расправил крылья
И звезд рассеял многоточья.
Громада мчит по водной пыли,
И держит курс суровый кормчий.

Кружатся радужно дельфины,
Светла заря над водным долом.
И Геродот плывет в Афины.
Он покорит великий Город!

1999–2003, 2007, 2010–2011 гг.
Саратов – Эссен (Германия) – Саратов – Санкт-Петербург

Суриков И.Е.,
Москва, ИВИ РАН

ЭЛЛИН И ПЕРС

А.А. Немировскому

Эллин: Ни пред людьми, ни пред богами
Мы не привыкли падать ниц.
Мы дорожим лишь очагами
Да неприступностью границ.

Перс: Ну что ж, – для вас недосягаем
Восторг при зрелище венца,
А мы границ не постигаем:
Державе нашей нет конца.

Эллин: Когда вас гнали в бой бичами –
Не войско, а какой-то рой, –
Не вас ли поражал мечами
Наш ощетинившийся строй?

Перс: Когда вы ссорились, как дети,
И друг на друга шли войной,
Не наш ли лучник на монете
Царил над вашею страной?

Эллин: А может, вспомним Фермопилы?
Тот день и ныне знаменит:
Там – трехсоттысячные силы,
Здесь – с тремястами Леонид!

Перс: В тот день для нас – забыл, похоже? –
Взошла победная заря.
Не понимаю лишь, за что же
Послали вы на смерть царя?

Эллин: Ты непонятлив и несчастен.
Давай различье разберем.
Над вами – царь от века властен;
Мы – сами властны над царем.

Перс: Вы препирались – слушать дико, –
В собраньи первенство деля,
А мы бросались за владыку
В штормящем море с корабля.

Эллин: Так вот же! Доблесть Александра –
А он, как мы, такой же грек –
Теснила вас от струй Скамандра
До мутных вод согдийских рек.

Перс: Да – судьбы царств, увы, жестоки:
Величье тает, как мираж.
При чём тут вы? Свершились сроки...
А Александр – был ваш, стал наш.

ПОСЛЕ КУПАНИЯ В ХЕРСОНЕСЕ
(Сонет)

Медно-красен солнца зрак,
Тусклый луч лежит на море.
Здесь, на юге, кратки зори:
Полчаса – и жаркий мрак.

То ли траур, то ли фрак
На сгустившемся просторе,
И в кузнечиковом хоре
Тонет темный буерак.

Крут подъём, и путь непрям
От пустеющего пляжа –
Средь развалин, древних ям...

Тропы спутаны, как пряжа,
И по бывшим алтарям
Бродят редкие миражи.

Курбакова Е.В.,
Н.Новгород, НГЛУ

МОЙ ПУТЬ В ДИВЕЕВО

(эмпирический аспект крестного хода)

Почти 200 лет назад Батюшка Серафим сказал: «Кто приедет ко мне – будет гостем. Кто придёт – будет чадом», - эти слова я услышала в первом своем крестном ходе на самом трудном для меня участке пути. Сила этих слов невероятным образом была прочувствована мною в испытании, на которое я отважилась, не отдавая себе отчета в его смысле, не осознавая его величия. «Я дойду! Дойду сама! Доехать всегда можно, а вот дойти… Нужно дойти! Я дойду!»

…Отпуск – долгожданное время отдыха и накопления сил. Для работников сферы образования отпуск – великая привилегия: он всегда летом и всегда долгий. Поездки, путешествия, неспешное чтение желанных книг… Свобода! Два года назад меня внезапно посетила мысль о замене 9 дней этой «свободы» на «зависимость»: пройти крестным ходом из Оранского монастыря в Дивеево. Мысль могла показаться нелепой, поскольку в расписании движения на первый же день было указано расстояние в 28 км. Зачем целый день проходить десятки километров? Разум подсказывал, что их можно проехать менее чем за полчаса. А весь день можно хотя бы и читать, сидя в кресле. Не укрываясь от палящего солнца, не прячась от дождя… «Но люди же ходят!» - ответила я сыну, поставившему под сомнение мою способность преодолеть такие расстояния пешком, и пошла.

Острую потребность «сойти с дистанции» я почувствовала уже через пару часов: специально купленные для крестного хода легкие кеды стали так тяжелы, что хотелось разуться. Но переобуваться во взятые в качестве сменки сланцы было безрассудно – дорога шла по лесу: шишки, иглы и просто песок требовали закрытой, зашнурованной обуви. «Но в этих кедах идти невозможно!» - непрестанно думала я и твердо решила после привала в селе Арманиха дождаться автобуса до Нижнего и уже через пару часов оказаться дома. Нет ничего проще и разумнее этого решения – так «по здравом рассуждении» показалось мне. Но отстать от крестного хода я не смогла ни в середине первого дня в Арманихе, ни вечером того же дня в Богоявлении, ни утром следующего, ни потом. Несмотря на мозоли, невозможность согнуть колени и напрячь мышцы при ходьбе (что ощущалось после каждого получасового привала), я шла, превозмогая боль. Никто не заставлял, не обязывал, не обещал поощрений. Даже эти записи вести я не собиралась. Опытным путем я постигала непостижимое. Великая и неосознаваемая, но реально ощутимая помощь укрепляла меня в слезах слабости, ибо «сила Божия в немощи совершается»! Как оказалось, в крестном ходе ты не просто идешь – ты творишь соборную покаянную молитву вместе с теми людьми, которые Божиим промыслом оказались с

тобой в одном строю. Сила твоя ослабевает или умножается от того, насколько верно ты понимаешь слова апостола: «гордым Бог противится, а смиренным дает благодать». Допустишь суетную мысль (за многие часы хода какие только мысли не налетают!) – твоя поступь отяжелеет. Отгонишь тягостные помыслы – и идти станет легче. В крестном ходе я впервые почувствовала, как движения души и отдельные реплики, которые ты отпускаешь, отнимают силы. «Отпускаешь» - отдаешь и теряешь! Только подумаешь сделать замечание тем, которые по ходу движения отвлеклись от соборной молитвы и ведут мирный разговор о духовном (чем невольно мешают твоей сосредоточенности, а ты по своей «учительской» привычке ничего не оставляешь без внимания!) – твой гнев и негодование, которые ты и высказывать-то передумала, в одно мгновение уже обессилили тебя. В крестном ходе ты понимаешь, насколько гибким, чутким и жизнестойким сделала тебя твоя жизнь. Или да. Или еще нет.

Крестный ход идет под предводительством святых, чьи иконы несут впереди всего шествия. И – поистине чудо – как только силы начинают тебя оставлять, стоит понести хоругви или сменить одного из тех, кто несет иконы, сразу шаг становится уверенней и тверже! Как можно было оставить это шествие, когда час за часом и день за днем люди, идущие с тобой рядом, становятся близкими и дорогими! Как только ты заметишь тех, кому труднее, чем тебе, невольно (вопреки рассудку!) разделяешь с ними тяготы и испытания, а после – вот награда! – чувствуешь их доверие к тебе. Без чинов и званий, без возраста и положения, без корысти и стяжательства! «Вы думаете, это я вас веду? – с улыбкой спросил подошедших под благословение крестоходцев настоятель Оранского монастыря архимандрит Нектарий, который в свои 70 с лишним лет в монашеском облачении наравне с нами все 9 дней преодолевал трудности крестного хода под палящим солнцем. – Батюшка Серафим вас собрал, а Матерь Божия нас к нему ведет».

Роль священнослужителя в крестном ходе – это вопрос особого значения. Священник не только ведет крестный ход - шествует впереди крестоходцев, он служит молебны и панихиды, не отказывает в духовной поддержке и наставничестве любому, обратившемуся к нему за советом, принимает исповедь, служит Литургию и всенощную. Помню свое первое впечатление и от того, что певчие – юные очаровательные девушки, которые, как кажется, в ходе общего шествия должны устать не меньше тебя, уверенно и свободно несут клиросное послушание - на каждом привале со священником читают канон, и не только не испытывают трудности отстоять вечернюю и утреннюю службу (как это было со мной прежде), но непременно сослужат священнику. Кстати, самый очевидный итог моего первого крестного хода - отсутствие трудности восприятия церковных богослужений: и их продолжительности, и их содержания.

В 2013 году я пошла в Дивеево крестным ходом уже в третий раз. На 2013 год пришлось немало знаменательных юбилейных дат: 1025-летие Крещения Руси, 400-летие династии Романовых, 110-летие прославления Серафима Саровского и участие в этих торжествах государя Николая II, 750-

летие преставления святого Александра Невского в Феодоровском монастыре города Городца, откуда наш крестный ход брал свое начало. Особенность этого крестного хода для меня состояла еще и в том, что мне выпала честь быть в составе оргкомитета, который готовил этот крестный ход. Можно сказать, что для нас он начался уже в октябре 2012 года, когда мы, получив благословение владыки Городецкого и Ветлужского епископа Августина, провели свое первое заседание. В оргкомитете нас было пятеро: Сергий из Заволжья, Сергий из Городца, Василий, Ирина и я – из Нижнего. Очень непросто было осознавать себя нужной: все время одолевали мысли о том, что ребята и без тебя справятся. Но еще отрадней было ощущать их желание проинформировать тебя о чем-то, и если не спросить у тебя совета, то просто озвучить в разговоре с тобой (или изложить в электронном письме тебе) свою позицию. У мужчин работы было невероятно много! Пройти маршрут, составить план хода, объехать все населенные пункты, провести встречи с администрацией по вопросам трапез и ночлега… Составление бумаг на имя губернатора и правящих архиереев епархий, по территории которых крестный ход планировался к проведению, ожидание ответа на них – это отдельная «полоса препятствий»… Кстати, маршрут крестного хода - порядка 300 км, которые были пройдены от Городца до Дивеево – охватывал четыре епархии: Городецкую и Ветлужскую, Выксунскую и Павловскую, Владимирскую и Суздальскую, Нижегородскую и Арзамасскую. И, несмотря на то, что мы чувствовали ответственность за прохождение лишь первой недели пути - далее наш «городецкий» крестный ход вливался в более многочисленный и имеющий 20-летний опыт пути к святым местам «павловский» крестный ход - (см. *Приложение*), сомнений и волнений было много.

Нами был проведен сбор пожертвований на крестный ход. В информационном письме, которое было распространено по храмам Нижнего Новгорода, Заволжья, Городца и других населенных пунктов, каждому из прихожан предлагалось принять участие в крестном ходе по своим силам: стать либо крестоходцем, либо жертвователем крестного хода, либо возносить молитвы о благополучном совершении крестного хода – так было на Руси издавна, во времена, отмеченные в ее судьбе великим заступничеством Матери Божией.

Итак, 17 июля 2013 года из Феодоровского монастыря города Городца Нижегородской области вышел первый крестный ход по маршруту «Городец-Дивеево». После Литургии в день поминовения святых Царственных страстотерпцев владыка Августин благословил нас на крестный ход и обратился к нам со своей вдохновенной проповедью, смысл которой был нам укреплением на протяжении всего нашего пути и продолжает таким оставаться: «Положите по печати на уста ваши и на сердце – возьмите за правило никого не осуждать». Владыка благословил приобщать к крестному ходу как можно больше детей – пусть несколько поколений одной семьи вместе творят соборную молитву. Так и было: например, семья Аничкиных из Городца шла с шестью детьми! Двое из них были еще в детских колясках.

Кстати, мнение о том, что в крестные ходы ходят только лица без определенного места жительства, инвалиды или безработные, совершенно несправедливо. Конечно, никто из крестоходцев не станет отторгать тех, кто относится к вышеперечисленным категориям (во исполнение совета владыки о «печатях»), но в наших рядах были люди, имеющие свой бизнес, работники образования, врачи, пенсионеры, школьники, студенты… Хирург Варнавинской районной больницы Михаил - отец четверых детей – не первый год часть своего отпуска проводит в крестном ходе, оказывая помощь любого плана: от наложения фиксирующей повязки при растяжении до прокола мозольного пузырика.

Творя непрестанную молитву, из Городца вышли около 80 крестоходцев. Крестный ход шел с иконами Божией Матери (Феодоровская) и Батюшки Серафима, которые торжественно возглавляли колонну. Крестный ход проходил в сопровождении священника Варнавинского благочиния иерея Павла (Кутумова) – человека удивительной духовной силы и скромности. Маршрут крестного хода включал остановки в таких намоленных храмах и монастырях, как храм Преображения Господня села Вершилово, Спасо-Преображенский храм села Пурех (заложенный в своей вотчине князем Дмитрием Пожарским), Свято-Успенский мужской монастырь (Флорищева пустынь) Выксунской епархии, Свято-Знаменский женский монастырь и Свято-Троице Никольский мужской монастырь города Гороховца (Владимирская епархия)… На всем пути следования крестоходцы могли, подготовившись к причастию накануне Литургии, исповедаться и причаститься Святых Христовых Тайн. Молебны и чтения акафистов Божией Матери и Преподобному Серафиму Саровскому проходили и в тех населенных пунктах, где в настоящее время нет православных храмов и часовен (поселок Чистое Чкаловского района, поселок Центральный Володарского района). За неделю пути мы прошли более 150 км и пришли в город Павлово, откуда в составе традиционного крестного хода «Павлово-Дивеево» направились в Четвертый удел Пресвятой Богородицы для участия в праздничных богослужениях 31 июля–1 августа.

Жители каждого из селений, встречающихся на пути крестного хода, нас встречали тепло и искренне. Всемерно содействовали крестному ходу и администрации районов. Для ночлега крестоходцам были предоставлены помещения клубов (домов культуры, школ). Местные жители принимали на ночлег в свои дома семьи с детьми. Трапезы для крестоходцев готовились силами благотворителей на средства многочисленных жертвователей. Так осуществлялось объединение усилий братьев и сестер во Христе, крепость во благих помыслах и делах как свидетельство очищения душ и возрождения России.

Обещание батюшки Серафима в моей судьбе сбылось. Эту заботу можно сравнить с тем, как взрослые учат ребенка ходить - именно ходить, а не преодолевать расстояние (на ручках у мамы или в коляске). Отходят подальше и манят к себе. Чтоб не упал, не ударился, не испугался – поддерживают его улыбкой, голосом, жестом. А когда он

справится с этим заданием, похвалят его и усложняют задачу. Так что впереди много новых испытаний. Но при такой поддержке они не страшат!

Приложение

МАРШРУТ ДВИЖЕНИЯ КРЕСТНОГО ХОДА
«ГОРОДЕЦ – ДИВЕЕВО 2013».

17 июля - Святителя Андрея Критского, благоверного Андрея Боголюбского, преподобного Андрея Рублева, Святых Царственных страстотерпцев Царя Николая, Царицы Александры, Царевича Алексия, царевен Ольги, Татианы, Марии и Анастасии. 8.00. г. Городец (Нижегородская обл.) Феодоровский мужской монастырь. Литургия, трапеза, 12.00. выход. Движение к г. Заволжье. 15.00 Трапеза. 16.00 – выход из г. Заволжье. Движение в с. Вершилово (Чкаловский район). Прибытие в 19.00. Трапеза. Ночлег в с. Вершилово. **Всего за день – 22 км.**

18 июля – Обретение честных мощей прп. Сергия, игумена Радонежского, прп. муч. Вел. кн. Елисаветы и инокини Варвары. 9.00. Молебен. Трапеза. 11.00. Выход из с. Вершилово (Чкаловский район), движение в сторону с. Пурех (Чкаловский район). 14.00. Остановка в с. Пурех. Трапеза. 16.00. Выход. Движение в поселок Чистое (Чкаловский район). Приход в 19.00. Трапеза. Ночлег в п. Чистое. **Всего за день – 24 км.**

19 июля – Собор Радонежских святых. 8.00. Трапеза. 9.00 Выход из поселка Чистое, движение по лесным, грунтовым дорогам в поселок Фролищи (Володарский район). 13.00. Привал. Трапеза. 14.30. Продолжение движения. 19.00. Прибытие. Трапеза. Ночлег в Свято-Успенском мужском монастыре (Флорищева пустынь, Володарский р-н). **Всего за день – 32 км.**

20 июля – Благоверной вел.кн. Московской Евдокии (в иночестве преподобной Евфросинии), Влахернской иконы Божией Матери. 8.00. Литургия. 11.00. Трапеза. 13.00 Выход из Свято-Успенского мужского монастыря (Флорищева пустынь, Володарский р-н). Движение к поселку Центральный (Володарский р-н). 18-00. Прибытие. Трапеза. Ночлег. **Всего за день – 17 км.**

21 июля – Явление иконы Божией Матери во граде Казани. 10.00 Трапеза. 12.00. Выход из п. Центральный (Володарский р-н), движение по лесным, грунтовым дорогам в г. Гороховец (Владимирская обл.) 17.00. Прибытие в г. Гороховец. Трапеза. Ночлег в храме Всех Святых г. Гороховец. **Всего за день – 17 км.**

22 июля – Кипрской и Колочской икон Божией Матери. 8.00. Литургия. Трапеза. 12.00. Выход из г. Гороховец (Владимирская обл). Движение в деревню Щепачиха (Павловский район, Нижегородская обл). 15.00. Привал. Трапеза. 21.00. Приход в д. Щепачиха. Трапеза. Ночлег. **Всего за день – 27 км.**

23 июля – Положение честной ризы Господа нашего Иисуса Христа в Москве (1625), Прп. Антония Печерского, Киевского, начальника всех русских монахов. 10.00. Трапеза. 12.00. Выход из д. Щепачиха. Движение в

г. Павлово (Нижегородская обл). 17.00. Прибытие. Трапеза. Ночлег в г. Павлово. **Всего за день – 17 км.**

24 июля - Равноап. Ольги, вел. княгини российской, во Святом Крещении Елены. Движение в с. Дивеево (Нижегородская обл.) совместно с традиционным Крестным ходом «Павлово – Дивеево».

настоятельница Свято-Знаменского женского монастыря Гороховецкого благочиния Владимирской епархии игумения Раиса с сестрами обители встречает крестный ход "Городец-Дивеево 2013"

График совместного движения крестного хода из Павлово в Дивеево 24 – 30 июля 2013 г.

Дата	Время	Населенный пункт	Храм (или другое памятное место)	Мероприятия
24 июля Ср.	8-00	г. Павлово	Вознесенский собор	Утреня, Литургия, молебен
	11-00	---	---	Начало крестного хода
	13-00	с. Лаптево Павловского р-на	Обелиск воинам Великой Отечественной войны	Прибытие крестного хода, молебен, панихида Обед
	15-00	---	---	Отправление крестного хода
	19-00	р.п. Сосновское	Спасская церковь	Прибытие крестного хода, молебен, ужин Молитвы на сон грядущим, ночлег
25 июля Чт.	7-30	р.п. Сосновское	Спасская церковь	Молитвы утренние, молебен, завтрак
	9-30	---	---	Отправление крестного хода
	16-00	с. Лесуново Сосновского р-на	Никольская церковь	Прибытие крестного хода, молебен
	18-00	---	---	Ужин, молитвы на сон грядущим, ночлег
26 июля Пт.	7-00	с. Лесуново	Никольская церковь	Утреня, Литургия, молебен, обед
	13-00	---	---	Отправление крестного хода
	19-00	п. Мухтолово Ардатовского	Христорождест-венская церковь	Прибытие крестного хода, молебен, ужин Молитвы на сон грядущим, ночлег

		р-на		
27 июля Сб.	7-00	п. Мухтолово	Христорождест-венская церковь	Утреня, Литургия, молебен
	13-00	---	---	Обед, отправление крестного хода
	16-00	с. Саконы Ардатовского р-на	Троицкая церковь	Прибытие крестного хода, чаепитие Всенощное бдение Отправление крестного хода
	21-00	с. Нуча Ардатовского р-на	Спасская церковь	Прибытие крестного хода, молебен, ужин Молитвы на сон грядущим, ночлег
28 июля Вс.	8-00	с. Нуча Ардатовского р-на	Спасская церковь	Литургия, молебен, обед Отправление крестного хода
	15-00	г. Ардатов	Знаменский собор	Прибытие крестного хода, молебен, чаепитие Отправление крестного хода
	19-00	с. Автодеево Ардатовского р-на	Троицкая церковь (скит Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского женского монастыря)	Прибытие крестного хода Ужин, молитвы на сон грядущим Ночлег
29 июля Пн.	8-00	с. Автодеево	Троицкая церковь	Литургия, молебен
	12-00	---	---	Обед, отдых
	15-00	---	---	Послушания в скиту
	19-00	---	---	Ужин, молитвы на сон грядущим, ночлег
30 июля Вт.	6-30	с. Автодеево	Троицкая церковь	Молитвы утренние Отправление крестного хода
	15-00	п. Дивеево	Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский женский монастырь (палаточный лагерь)	Прибытие крестного хода, благодарственный молебен, обед
	17-00	---	---	Вечернее Богослужение
	21-00	---	Палаточный лагерь	Ужин, молитвы на сон грядущим, ночлег

Митрополит Нижегородский и Арзамасский ГЕОРГИЙ

Митрополит Георгий (Данилов) родился 14 августа 1964 года в г. Жлобин Гомельской области, республики Беларусь. Крещен в том же году в храме Живоначальной Троицы г. Жлобина. С мая 1984 по июнь 1986 года проходил срочную службу в Вооруженных силах.

В 1986 году поступил в Московскую духовную семинарию. В ноябре 1988 года был принят послушником в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру. 22 декабря 1989 года, в праздник иконы Божией Матери, именуемой «Нечаянная Радость», пострижен в монашество с именем Георгий (в честь великомученика Георгия Победоносца) наместником Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандритом Феогностом в Троицком соборе. В июне 1990 года закончил Московскую духовную семинарию и поступил в Московскую духовную академию.

9 ноября 1990 года, в день преставления апостола и евангелиста Иоанна Богослова, за Божественной литургией в Успенском соборе Свято-Троицкой Сергиевой Лавры хиротонисан во иеродиакона епископом Бендерским Викентием (Морарем), викарием Кишиневской епархии (ныне - митрополит Ташкентский и Узбекистанский). 9 апреля 1991 года (вторник Светлой Седмицы, праздник Иверской иконы Божией Матери) за Божественной литургией в Сергиевском трапезном храме Свято-Троицкой Сергиевой Лавры хиротонисан во иеромонаха Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II.

В январе 1993 года назначен экономом Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. В июне 1995 года закончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия по кафедре Истории Русской Церкви. Тема кандидатской диссертации: «Житие и Патриаршее служение Святителя Тихона (Беллавина)». С августа 1995 года читал курс «Византология» в Московской духовной семинарии. С августа 1999 года назначен по должности (как эконом Лавры) директором Патриаршего архитектурно-

реставрационного центра в Троице-Сергиевой Лавре. 31 мая 2002 года назначен экономом объединенного хозяйства Свято-Троицкой Сергиевой Лавры и Московских духовных школ.

В 2000 году Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II награжден орденом Преподобного Сергия Радонежского II степени.

Определением Священного Синода Русской Православной Церкви от 26 декабря 2002 года архимандрит Георгий, эконом Троице-Сергиевой Лавры, назначен на Нижегородскую кафедру. Наречение архимандрита Георгия во епископа Нижегородского и Арзамасского состоялось 1 февраля 2003 года в домовом храме в честь Всех Святых, в Земле Российской просиявших, Патриаршей резиденции в Московском Свято-Даниловом монастыре. Архиерейскую хиротонию совершил 2 февраля 2003 года в Храме Христа Спасителя в Москве Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в сослужении архиереев Русской Православной Церкви.

Указом № 1154 Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина от 9 сентября 2004 года владыка Георгий в составе коллектива авторов был награжден Государственной премией Российской Федерации в области науки и техники за 2003 год за разработку научно обоснованной технологии воссоздания архитектурных памятников истории и ее применение при реставрации колокольни Троице-Сергиевой Лавры (г. Сергиев Посад Московской области).

24 февраля 2006 года указом Святейшего Патриарха Алексия II возведен в сан архиепископа.

11 сентября 2009 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл наградил архиепископа Георгия орденом Преподобного Серафима Саровского II степени.

15 марта 2012 г. Священный Синод Русской Православной Церкви назначил архиепископа Нижегородского и Арзамасского Георгия главой вновь образованной Нижегородской митрополии, в состав которой вошли Нижегородская, Городецкая, Выксунская и Лысковская епархии.

18 марта 2012 г., в третье воскресенье Великого поста - Неделю Крестопоклонную, во время Божественной литургии в кафедральном соборном Храме Христа Спасителя Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл возвел архиепископа Нижегородского и Арзамасского Георгия в сан митрополита[357].

---

[357] Интернет – ресурс сайта Нижегородской Митрополии http://www.nne.ru/eparhia.php?id=67

Рябов Г.П.,
Н.Новгород, НГЛУ

В 2013 году исполнилось 10 лет с тех пор, как Высокопреосвященнейший Владыка, **Митрополит Нижегородский и Арзамасский ГЕОРГИЙ**, по благодати Божией и с благословения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, возглавил богоспасаемую Нижегородскую епархию, духовно окормляя своим Святительским служением ее пастырей и паству. За время служения Владыки на Нижегородской кафедре в епархии восстановлены и засверкали золотыми куполами древние храмы, построены новые, из музейных запасников верующим нижегородцам были возвращены чудотворная икона Божией Матери «Владимирская-Оранская» и образ преподобного Макария Желтоводского и Унженского чудотворца. Полным ходом идет возрождение монастырей, продолжила свое развитие Нижегородская духовная семинария, ректором которой является Митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий. В след за своим предшественником, Владыкой Дамаскиным, возглавлявшим в 1783-1794 г.г. Нижегородскую Епархию и бывшим ректором Нижегородской Духовной Семинарии, который руководствовался идеей о том, что «спасение общества заключается в просвещении разума и развитии нравственного чувства», Владыка Георгий все время своего служения уделял неустанное внимание заботе о подрастающем поколении: в епархии были открыты девять православных гимназий и одна православная школа, где обучаются более 1500 детей и работают 200 преподавателей. А пять лет назад по благословению Архиепископа Нижегородского и Арзамасского Георгия и при активной поддержке в то время Полномочного Представителя Президента РФ в Приволжском Федеральном Округе Александра Владимировича Коновалова, ныне Министра юстиции РФ, и руководства НГЛУ им. Н.А. Добролюбова на территории Нижегородской епархии был открыт первый в России Славяно-греко-латинский Кабинет, ставший важным учебно-методическим Центром по переподготовке и повышению квалификации учителей православных гимназий по гуманитарным, в т.ч. лингвистическим дисциплинам.

В задачи Кабинета входило создание условий для возрождения классического образования на основе знания древних языков и античной философии, истории и культуры через подготовку педагогических и методических кадров; формирование универсальной образовательной базы для использования современных учебных и методических пособий;

разработка и издание учебников и хрестоматий, проведение семинаров по повышению квалификации учителей православных гимназий.

Печатным органом Славяно-греко-латинского Кабинета стал Альманах *“Thesaurus scientiarum et virtutum: Сокровищница знаний и добродетелей”,* в котором ученые и педагоги публикуют свои учебно-методические и научные труды, а также плоды своего интеллектуального творчества.

В мае этого года Владыка Георгий принял участие в церемонии вручения дипломов об окончании курсов повышения квалификации педагогам православных гимназий, прошедших обучение на базе Славяно-греко-латинского кабинета. На курсах преподаются латинский, древнегреческий и церковно-славянский языки, а также современные иностранные языки и методики их преподавания в православных гимназиях.

В этом году был пятый выпуск курсов повышения квалификации, которые закончили за прошедшие пять лет 50 православных педагогов.

Досточтимый Владыко!

Мы с удовольствием посвящаем Вам это пятое издание Альманаха *“Thesaurus scientiarum et virtutum: Сокровищница знаний и добродетелей”* и счастливы, что являемся свидетелями, причастниками и соработниками Ваших праведных дел. От имени редколлегии Альманаха и всех его читателей поздравляем Вас с юбилеем Вашей архиерейской хиротонии и Ваших десятилетних архипастырских трудов на Нижегородской земле на благо Православной церкви и России.

Руководитель Славяно-греко-латинского Кабинета,
Президент НГЛУ,
Почетный гражданин Нижнего Новгорода
Г.П. Рябов

Заместитель руководителя СГЛК,
доктор исторических наук, профессор
В.М. Строгецкий